

481

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ АН СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОСОФИИ и ФИЛОЛОГИИ

**ФОНЕТИКА
и МОРФОЛОГИЯ ЯЗЫКОВ
НАРОДОВ СИБИРИ**

(Сборник научных трудов)

НОВОСИБИРСК
1972

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Д. ф. и. Е. И. УБРЯТОВА (ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР),
к. ф. и. А. И. ФЕДОРОВ, В. М. НАДЕЛЯЕВ

М. Ч. Чумакаева

МАЛОШУМНЫЕ СОГЛАСНЫЕ
АЛТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Авторы работ по алтайскому языку в его звуковой системе выделяют подсистему согласных звуков. Одни авторы в этой подсистеме обособляют группу сонорных звуков (~сонантов) *м, н, ɲ, л, ʀ*¹; другие авторы, не выделяя данные

¹ *Radloff. Phonetik der nördlichen Türkssprachen. Leipzig, 1883, SS. 128, 173, 201.* М. С. Канаев (Тошакоев). Грамматика алтайского языка тюркских племён Ойротской Автономной области. Улала, 1926, стр. 18; Т. М. Тошакоева. Грамматика ойротского языка. Новосибирск, 1938, стр. 6, 8; е ё же. Орфография ойротского литературного языка. Ойрот=Тура, 1947, стр. 24; А. Г. Шабураков. Ойрот тилинин грамматиказы. Баштапкы бөлүк. Фонетика ла морфология. Ойрот=Тура, 1939, стр. 17, 2-е изд. Ойрот=Тура, 1945, стр. 24-25; Н. П. Дыренков. Грамматика ойротского языка. М.-Л., 1940, стр. 25-26; Н. А. Баскаков. Очерк грамматики ойротского языка. В кн. "Ойротско-русский словарь". Составители Н. А. Баскаков и Т. М. Тошакоева. М., 1947, стр. 228-229; Н. А. Баскаков. Алтайский язык. В кн. "Языки народов СССР". Т. II. М., 1966, стр. 508; Е. С. Тухтенева, В. А. Чечкина, Е. А. Тошякова, Н. П. Кучияк. Алтай тилдин грамматиказы. Баштапкы бөлүк. Фонетика ла морфология. 5-чи ле 6-чы класстарына керектү учебник. Горно-Алтайск, 1962, стр. 21.

звуки в особую группу, относят их к звонким согласным²:

Более разнообразную квалификацию получает звук *й*:

- 1) шумный проточный (Н.П.Дыренкова, Н.А.Баскаков, Т.М.Тошакова, Е.С.Тухтенева, В.А.Чечкина, Е.А.Тозыякова и Н.П.Кучияку³;
- 2) гласно=согласный (В.В.Радлов)⁴;
- 3) сонант (~ сонорный) (Т.М.Тошакова, А.Г.Шабураков)⁵;
- 4) гласный (М.С.Канаев (Тошаков)⁶.

² Грамматика алтайского языка. Казань, 1869, стр.4 (звуки *м, н, ң, л, р*) перечисляются в группе "мягких" согласных вместе с *г, д, ж, б*; *Н.А. Kalandkov la I. A. Kaspiński. Grammatik. Baştağır boluk. Morfolojiya. Orton şkolırdon berinci klassta isevni- gi. Novosibir* (Новосибирск), 1964, стр.7; Н. Н. Суразакова. Алтай тилдин фонетиказын шкодо үренери. Горно-Алтайск, 1962, стр.31; Н. Н. Суразакова, Э. С. Суразакова. Алтай тилдин грамматиказы. Баштапкы бөлүк. Фонетика ла морфология. 5-чи ле 6-чы класстарга керектү би-чик. Горно-Алтайск, 1969, стр.14.

³ Н. П. Дыренкова. Указ.соч., стр.25-26; Н. А. Баскаков. Кн. "Ойротско=русский словарь". Составители Н.А.Баскаков и Т.М.Тошакова, стр.228-229; е го же. Алтайский язык. В кн. "Языки народов СССР". Т. II. М., 1966, стр. 508; Т. М. Тошакова. Орфография ойротского литера-турного языка. Ойрот=Тура, 1947, стр.24-25; Е.С. Тухте-нева, В. А. Чечкина, Е. А. Тозыякова, Н. П. Кучияк. Указ.соч., стр.21.

⁴ *W. Radloff. Ukaz. соч., стр. 128, 173, 201.*

⁵ Т. М. Тошакова. Грамматика ойротского языка. Но-восибирск, 1938, стр.8; А. Г. Шабураков. Указ.соч., 1939, стр.17, 1945, стр.24-25.

⁶ М. С. Канаев (Тошаков). Указ.соч., стр.11, 13, 21.

В данной работе ⁷ согласные *м, н, ң, л, р, й* выделяются в особую группу на основании экспериментальных данных, частично приведённых ниже, и по их фонетическим качествам и комбинаторно=позиционному использованию в звуковой структуре алтайских слов определены как малолумные согласные, противостоящие шумным согласным ⁸, а не как сонанты (~сонорные). Общеизвестно, что сонорные в общей фонетике характеризуются как согласные (то есть образованные локализованной преградой) звуки с обязательным компонентом звонности, преобладающим над компонентом шумности на что, в частности, указывает их название. Фонемы же данной группы в алтайском языке в своих позиционно=комбинаторных проявлениях могут быть частично, иногда в значительной степени (до 74% их длительности), глухими. В то же время для них характерна слабая степень шумности по сравнению с группой фонем, называемой шумными. Существующие в алтайском языке шесть малолумных фонем целесообразно объединить в две группы, различающиеся общей артикуляторной укладкой и соответствующими акустическими эффектами, с одной стороны, и характерными тенденциями в оттенковых проявлениях с другой стороны: носовые и ротовые.

⁷Объектом исследования в данной работе является подсистема согласных *м, н, ң, л, р, й* в консонантизме Онгудайского диалекта— опорного диалекта алтайского литературного языка. Пять дикторов (далее сокращенно д.): д.7 — Шумаров Ногондой Нёкөрөвич, 24 года, уроженец с. Кулада, Онгудайского района, студент Новосибирского театрального училища; д.8 — Чекурашев Табару Ертечинович, 21 лет, уроженец с. Кулада, Онгудайского района, студент Новосибирского театрального училища; д.1,5,6 см. М. Ч. Чумакаева. Шумные согласные в алтайском языке. Сб. "Языки и литература народов Сибири". Новосибирск, 1970, стр.55.

⁸М. Ч. Чумакаева. Указ.соч.

Для носовых малолетних общим моментом в артикуляторных укладках является: 1) сверхслабонапряжённая смычная преграда в полости рта (из-за сверхслабой настройки смычная преграда не всегда доводится до конца, факультативно заменяясь в этих случаях узко-щелевой преградой), 2) предельный отход мягкого нёба от задней стенки фаринкса. Эта настройка обуславливает одноканальный выход воздушной струи воздуха через полость носа с акустическим эффектом назальности. Объединяясь общим признаком назальности, носовые малолетние различаются между собой различными объёмами ротово-глоточных резонаторов: оттенкам фонемы *л* [*l*]⁹ свойственен наибольший по объёму ротово-глоточный резонатор, отграниченный спереди сомкнутыми губами; оттенки фонемы *н* [*n*] характеризуются меньшим объёмом ротового отсека ротово-глоточного резонатора, который отграничивается спереди смычкой передней части языка с зубно-альвеолярным участком свода полости рта; для оттенков фонемы *к* [*k*] характерен наименьший резонатор с почти полным отключением ротового отсека резонатора, так как этот резонатор отграничен смычкой задней части языка с опущенным мягким нёбом.

Для ротовых малолетних характерным является выход воздушной струи через полости рта, так как мягкое нёбо, приподнятое и сомкнутое с задней стенкой фаринкса, преграждает доступ воздушной струи в полость носа. Преграды в полости рта щелевые. Ротовые малолетние различаются между собой различными объёмами ротового отсека ротово-глоточного резонатора, обусловленными типом и локализацией отверстия: для оттенков фонемы *л* [*l*] характерно боковое расположение двух или одного передних щелеобразных отверстий, образованных по бокам задней части языка благодаря смычке передней части языка с передним участком свода полости рта; у оттенков фонемы *л* [*l*] ротовой отсек ротово-глоточного резонатора, наибольший по объёму для ротовых малолетних, отграничен спереди плоскощелевым отверстием между кончиком языка и участком свода у альвеол; оттенки фонемы *й* [*j*] характеризуются настройкой ротового отсека в ротово-глоточном резона-

⁹ В квадратных скобках дана фонематическая транскрипция фонем.

торе, отграниченного очень плоским продольно вытянутым щелеобразным отверстием между сильно поднятой средней частью языка и твёрдым нёбом.

Позиционно-комбинаторное использование малошумных. В начальной позиции CV употребление малошумных ограничено — из всех малошумных используются в этой позиции $[m]$ и $[n]$, а начальное $[t]$ возможно только в словах с корнем лап-. Все малошумные $[m]$, $[n]$, $[b]$, $[t]$, $[r]$, $[j]$ используются в конечной позиции $=VC$, в интервокальной позиции $=VCV$ и внутри слова в прямой $=VCCV$ и обратной комбинациях с согласными при некоторых ограничениях.

Характеристика малошумных по глухости и звонкости на основе экспериментального материала.

Наличие или отсутствие голоса у шумных согласных в алтайском языке зависит от их позиций в слове. В начале и конце слова шумные согласные, кроме шумного согласного $[p]$, как правило, бывают глухими. Шумный согласный $[p]$ в начале слова может быть глухим и факультативно полузвонким. Внутри слова между гласными, между гласным и малошумным, между малошумным и гласным — шумные согласные могут быть звонкими и глухими¹⁰.

Несколько иную картину дают малошумные по признакам глухости/звонкости.

Все малошумные проявляются в звонких оттенках внутри слова между гласными $=VCV$, между гласным и малошумным, между малошумным и гласным, между гласным и кратким шумным согласным и в ограниченном числе словоформ в позиции между кратким шумным согласным и гласным $=VCCV$.

В начале слова оттенки фонем $[m]$, $[n]$, $[t]$ звонкие, иногда полузвонкие (с начальным оглушением). Например, в начально-оглушённом оттенке фонемы $[m]$ в слове мёнүн 'серебро'

¹⁰М. Ч. Чумакаева. Указ.соч.

длительность глухого компонента может достигать 24% всей длины звука (рис.1), а глухой компонент в начально=оглушённом оттенке фонемы [ɛ] может достигать даже 40% длины звука в словоформе лаптап.

В конечной позиции =VC малолшумные [m], [n], [ŋ] проявляются в звонких и факультативно в конечно=оглушённых оттенках. Например, по программе д.8 в слове он 'цвет', в конечно=оглушённом оттенке фонемы [ŋ] конечный глухой компонент составляет 36% общей длительности звука (рис.2).

В конечной позиции =VC малолшумные [ɫ], [r], [j] в подавляющем большинстве случаев проявляются в конечно=оглушённых оттенках. По данным программ конечный глухой компонент колеблется в разбросе 12 - 39% общей длительности звука.

Внутри слова перед долгими шумными согласными [t:], [tʃ:], [k:], иногда перед краткими шумными [s], [ʃ] носовые малолшумные [m], [n], [ŋ] в подавляющем большинстве случаев проявляются в звонких, редко в конечно=оглушённых оттенках, а у ротовых малолшумных [ɫ], [r], [j] преобладают оттенки конечно=оглушённые. По данным программ в конечно=оглушённых оттенках фонем [ɫ], [r], [j] конечный глухой компонент составляет от 11% до 74% общей длительности звука.

Р т о в ы е м а л о л ш у м н ы е. Конкретное описание.

Ф о н е м а [ɫ] - согласный малолшумный, щелинно=боковой, ртовый, переднеязычный.

Фонема [ɫ] часто встречается в интервокальной ~[ɫ]~ и конечной ~[ɫ]~ позициях, а внутри слова употребляется с некоторыми ограничениями в прямых и обратных комбинаторных сочетаниях. Из шестнадцати возможных прямых комбинаций не встречается семь сочетаний: лп, лс, лш, лн, лр, лр, лй. Из шестнадцати возможных обратных комбинаций не встречается пять комбинаций: бл, дл, жл, гл, зл. В начале слова используется только в словах с корнем лап-. Примеры: [vɛv] уду 'великий', [al] ал 'возьми', [malta] малта 'топор', [molɬu] молжу 'обязательство', [taɬla] тацла 'с камнём(тв.п.)', [atla] атла 'с конём(тв.п.)', [ɫaptapɯk] лаптап ук 'слушай внимательно'.

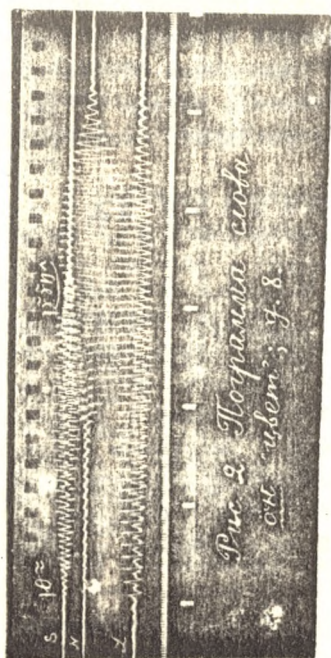
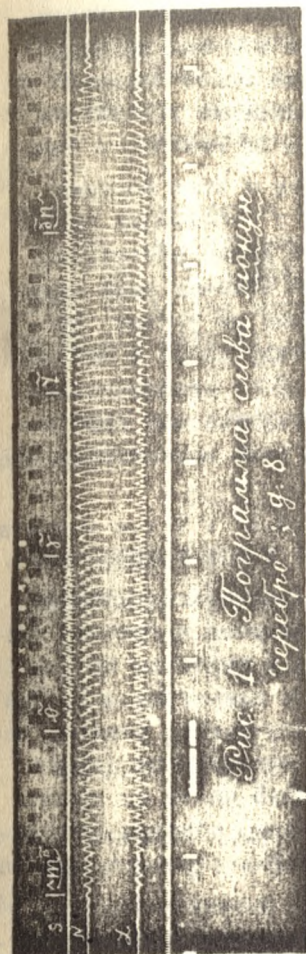

Рис. 3. Погранична субста. цинична
середня, г. 8.

Артикуляторные настройки. При артикулировании оттенков фонемы [ℓ] образуются две основные настройки – твёрдоядная и мягкорядная.

Твёрдая настройка оттенков. Активные органы – первая половина передней части спинки языка и боковые стороны средней части спинки языка. Пассивные органы – лингвальная¹¹ сторона верхних резцов и клыков, передний склон альвеол и гребень альвеол (в индивидуальном произношении включается иногда задний склон альвеол) с индексом 35 или 36, а также лингвальные стороны верхних премоляров и всех верхних моляров. При смыкании активных органов с пассивными органами (кончик языка при этом находится на линии вестибулярной¹² стороны верхних резцов) образуются боковые щели. Спинка языка занимает горизонтальное положение на уровне шеек верхних премоляров и моляров, образуя между собой и твёрдым нёбом большой удлинённый резонатор (рис. 3). Следовательно, твёрдые оттенки фонемы [ℓ] характеризуются как переднеязычные слабодорсальные, билатеральные (реже монологические) щелевые звуки.

Мягкая настройка оттенков. Активные органы те же, что и при твёрдой. Пассивные органы – тоже лингвальная сторона верхних резцов, клыков, передний склон альвеол и гребень альвеол (иногда также задний склон альвеол) с индексом 35 или 36, боковые стенки твёрдого нёба по всей его длине (рис. 4). При смыкании активных органов с пассивными образуются боковые щели. Спинка языка с умеренным продольным прогибом на задней части и корне языка приподнята в её средней части до уровня границы твёрдого нёба с боковыми альвеолами, образуя относительно меньший по сравнению с твёрдой настройкой продоль-

¹¹А. А. Зубов. Одونتология. Методика антропологических исследований. М., 1968, стр. 9.

¹²А. А. Зубов. Там же.

ный резонатор между собой и твёрдым нёбом. Таким образом, мягкорядные оттенки фонемы [ɭ] можно характеризовать как переднеязычные слабодорсальные, слабопалатализованные, билатеральные (или монологатеральные) щелевые звуки.

Оттенки фонемы [ɭ] в различных позициях.

В интервокальной позиции $\sim \text{[ɭ]} \sim$ оттенки фонемы [ɭ] звонкие «ɭ» с длительностью в пределах 65 – 85% (по осциллограммам д.6), 62 – 92% (по пограммам д.8, табл.1).

В серединной позиции $\sim \text{[ɭ]} \text{[ɕ]} \sim$ перед шумными фонемами [p], [t], [s], [ʃ], [k] и перед всеми малозвонными фонемами [ɭ] проявляется в звонких оттенках «ɭ»; перед шумными [t:], [ʃ:], [k:] оттенки фонемы [ɭ] звонкие с глухим исходом «ɭʔ» (рис.5), причём конечный глухой компонент составляет от 17% до 42% (по осциллограммам д.6), от 16% до 74% (по пограммам д.8 табл.2). Длительность оттенков фонемы [ɭ] в данной позиции – 63 – 106% (по осциллограммам д.6), 79 – 109% (по пограммам д.8) средней длительности звука.

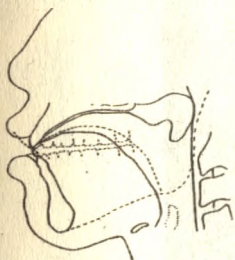

Рис. 4. Артикуляция артикуляционный укладки звука «ɭ» в слове [ɭɕɭ] «прихожа», д.6

В конечной позиции $\sim \text{[ɭ]}$ оттенки фонемы [ɭ] в подавляющем большинстве случаев звонкие с глухим исходом «ɭʔ» (рис.6). Конечный глухой компонент (ʔ) составляет от 16% до 32% общей длительности звука (по пограммам д.7). Длительность оттенков фонемы [ɭ] в данной позиции колеблется в разбросе 88 – 95% (по осциллограммам д.6), 78 – 122% (по

пограммам д.8) средней длительности звука.

Фонема [ɭ] – согласный малозвонный, дрожащий, ртотный, переднеязычный.

Фонема [ɭ] в начале алтайских слов не используется; в интервокальной позиции встречается с любыми сингармоничными гласными; в конечной позиции употребляется после любых

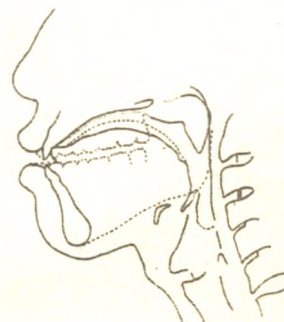
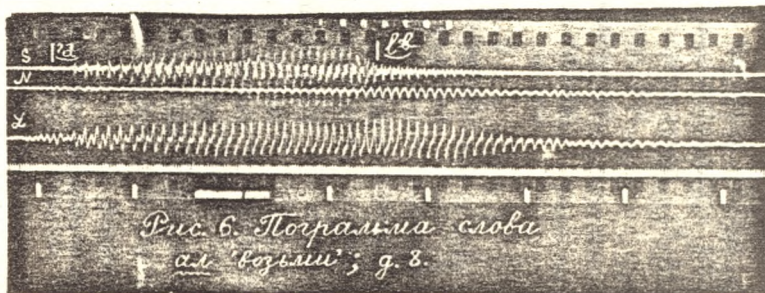
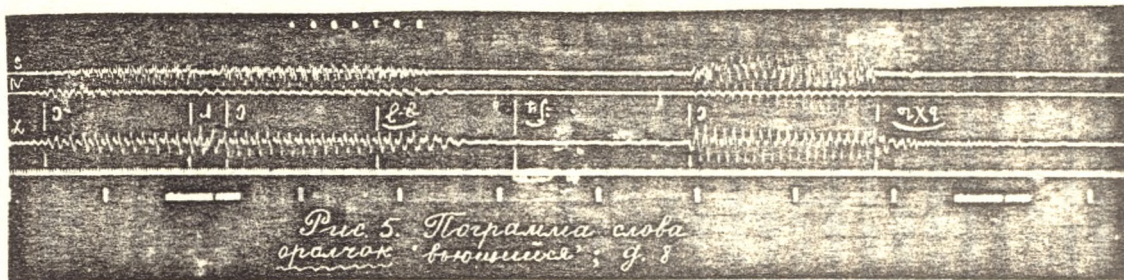

Рис. 7. Рентгенограмма артикуляционной полости устной речи 'ал' + 'с' + 'а' (par) 'уай'; г. 7

Таблица 1

Абсолютная и относительная длительность оттенков фонемы [л] в интервокальной позиции в словоформах различных слов по пограммам д. 8

№	Орфограммы, значения словоформ с п.п. надстрочной нумерацией звуков	Общая длительность, мсек.	Средняя длительность звука, мсек.	Порядковые номера и абсолютная длительность звуков, мсек.					Порядковые номера и относительная длительность звуков, % к средней длительности звука				
				1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
1.	^{1 2 3} ала 'пёстрый'	383,4	128,0	123,1	79,0	181,3	-	-	96,0	62,0	142,0	-	-
2.	^{1 2 3 4} улаа 'цепляясь'	448,6	112,1	92,3	80,5	136,8	136,2	-	83,0	72,0	122,0	122,0	-
3.	^{1 2 3 4} улеа 'разделись'	455,2	113,8	106,4	90,4	129,6	128,8	-	93,0	80,0	114,0	113,0	-
4.	^{1 2 3} ола 'пегий'	434,5	145,0	155,8	95,8	182,8	-	-	108,0	66,0	126,0	-	-
5.	^{1 2 3 4 5} икили 'муз.инстр.'	548,0	109,6	70,3	149,0	76,8	100,7	151,2	64,0	136,0	70,0	92,0	138,0

Таблица 2

Качественно=количественный компонентный состав оттенков фонемы [ɫ] в позиции м/л/с по программам д.8

№ п.п.	Орфограммы и значения словоформ	Компонентный состав оттенков фонемы [ɫ]	Абсолютная длительность			Относительная длительность	
			оттенков, мсек.	компонентов, мсек.		компонентов, % к общей длительности оттенка	
				ɫɣ	ɫ	ɣ	ɫ
1.	<u>Јалтыра</u> 'блести'	ɫɣ	60,8	22,8	38,0	38,0	62,0
2.	<u>Ўлтўркей</u> 'редкий'	ɫɣ	75,2	19,4	55,9	26,0	74,0
3.	<u>салкын</u> 'ветер'	ɫɣ	120,5	101,1	19,4	84,0	16,0

гласных, а также в ограниченном числе словоформ после гласных перед шумными согласными фонемами [t], [ɲɛ:] — √[ɫ]C; внутри слова из шестнадцати возможных прямых комбинаций не встречается в четырех сочетаниях: рн, рн, рй, ор; из шестнадцати возможных обратных комбинаций употребляется только в трёх бр, др, йр. Примеры: [ɔɾɫ] оро 'яма', [ɲɛɫ] жер 'земля'; [tɔɾt] торт 'четыре', [ɲɛɾɫɲɛ] мырч 'перец'; [ɑɾpɑ] арба 'ячмень', [sɑɾɲɪ] сары 'масло', [ɑɾpɑ] абра 'телега', [ɫɛɪɲɪ] бедре 'ищи', [ɑjɾɲɪ] айры 'разветвление'.

Артикуляторная настройка. Активным органом является кончик языка, который работает в какуменальном или апикальном положении. Настройка оттенков фонемы [ɫ] по пассивному органу имеет особенности в индивидуальном произношении: в одних случаях пассивными органами являются лингвальная поверхность

верхних резцов и передний склон альвеол (индекс 34), в других случаях (рис. 7, 8) пассивным органом является участок от гребня альвеол до половины переднего склона альвеол включительно (индекс 45), в третьих случаях (рис. 9) пассивным органом является гребень альвеол (индекс 56).

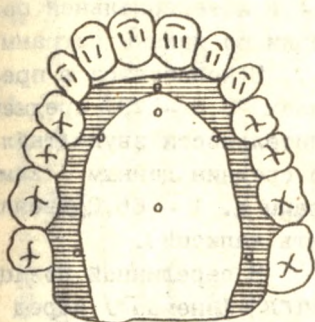

Рис. 8. Палатограмма звука «*r*» в слове *ур-налей*; г. 5.

Фонема [*r*] существует

в простых ударных и щелевых оттенках и в сложных оттенках из различных комбинаций ударных и щелевых компонентов; причём ударные оттенки и ударные компоненты в них могут быть смычно=ударными и щелинно=ударными. В фонетической транскрипции ударно=образованный звук обозначается знаком «*r*», а щелинно=образованный — «*l*». Для обозначения количества ударов в ударно=образованном «*r*» целесообразно использовать цифровые индексы, проставляемые справа сверху у буквы, причём

арабские цифры закрепить для обозначения смычных ударов, а римские цифры для обозначения щелевых ударов. При анализе пограмм словоформ с интервокальными оттенками фонемы [*r*] обнаружены следующие разновидности этой фонемы: 1) смычноодноударно=щелинноодноударный щелевой — «*r¹l^I*»; 2) щелинно=трёхударный — «*r^{III}*»; 3) щелинно=трёхударный щелевой — «*r^{III}l^I*»; 4) щелинно=двуударный — «*r^{II}*»; 5) щелинно=двуударный щелевой — «*r^{II}l^I*»; 6) щелинно=одноударный щелевой — «*r^Il^I*»; 7) щелинный — «*l*». №№ 1, 2 иллюстрируются пограммами (рис. 10, 11).

Фонема [*r*] проявляется в звонких, глухих оттенках и в оттенках, сочетающих в себе компоненты глухие и звонкие

в различных комбинациях.

Ниже даётся описание конкретных оттенковых проявлений фонемы [r] в различных позициях по разным дикторам.

В интервокальной позиции $=V[r]V$ фонема [r] проявляется в оттенках звонких $\langle r^{1,2} \rangle$, $\langle r^{\text{III}} \rangle$, $\langle r^{\text{II}} \rangle$, $\langle r^{\text{I}} \rangle$, $\langle r^{1,2} \rangle$, $\langle r^{\text{II}} \rangle$, $\langle r^{\text{I}} \rangle$ с небольшим преимуществом оттенков $\langle r^{\text{II}} \rangle$. Относительная длительность оттенков фонемы [r] в интервокальной позиции по данным пограмм

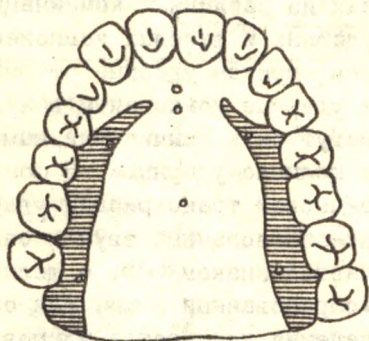

Рис. 9. Палатограмма звука «r» в слове *ара* 'середина'; д. 1

д. 7, 8 колеблется в пределах 70,0 – 73% средней длительности звука (табл. 3); по средним данным кимограмм д. 1 – 66,0% (двенадцать записей).

В срединной позиции $=V[r]CV$ фонема [r] перед краткими шумными [p], [t], [k], перед малошумными [m], [l], иногда перед краткими шумными [s], [ʃ] существует в звонких оттенках $\langle r^{1,2} \rangle$, $\langle r^{1,2} \rangle$, $\langle r^{\text{III}} \rangle$, $\langle r^{\text{II}} \rangle$, $\langle r^{\text{I}} \rangle$, $\langle r^{\text{I}} \rangle$. В этой же позиции фонема [r] перед долгими шумными фонемами [t:], [ʃ:], [k:]

[ʃ:], [k:] , иногда перед краткими шумными фонемами [s], [ʃ] проявляется в оттенках $\langle r^{1,2} \rangle$, $\langle r^{1,2} \rangle$, $\langle r^{1,2} \rangle$, $\langle r^{\text{I}} \rangle$ (рис. 12, 13). По данным пограмм д. 8 глухой исход в указанной позиции составляет от 18% до 66% общей длительности звука (табл. 4). Относительная длительность оттенков фонемы [r] в данной позиции колеблется в пределах 52 – 105% (по пограммам д. 8), 55 – 94% (по осциллограммам д. 6) средней длительности звука.

В срединных позициях $=V[r]CCV$, $=V[r]C$ оттенки фонемы [r] в общем аналогичны оттенкам в позиции $=V[r]CV$ перед шумными фонемами [s], [ʃ], [ʃ:], [t:], [k:].

Абсолютная и относительная длительность оттенков фонемы [ʀ] в интервокальной позиции в словоформах различных слов по программам д. 7 (табл. 1 — 4), д. 8 (табл. 5 — 7)

Формы п.п. словоформ с надстроч- ной нумера- цией звуков	длительность слово- формы, мсек.			длительность звука, мсек.			длительность носительной длительности звука, % к сред- ней длительности звука		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3
1. ¹ а ¹ ра 'середина'	253,5	84,5	139,4	139,4	70,7	49,4	158,0	83,0	59,0
2. ² о ² ро 'яма'	384,9	128,3	137,2	137,2	83,2	164,5	107,0	65,0	128,0
3. ³ о ³ ро 'верх'	377,3	125,8	148,2	148,2	74,8	154,3	118,0	60,0	122,0
4. ⁴ э ⁴ ре 'настаивай'	355,3	118,4	128,1	128,1	85,3	141,9	108,0	72,0	120,0
В среднем по д.	7 342,0	114,0	136,0	136,0	79,0	127,0	122,0	70,0	108,0
5. ⁵ а ⁵ ра 'середина'	424,0	144,7	150,9	150,9	128,1	155,0	104,0	89,0	107,0
6. ⁶ о ⁶ ро 'яма'	398,7	131,2	140,6	140,6	88,5	164,0	107,0	67,0	126,0
7. ⁷ о ⁷ ро 'верх'	420,3	140,1	155,0	155,0	87,8	177,5	110,0	63,0	127,0
В среднем по д.	8 416,0	138,7	148,0	148,0	103,0	165,0	107,0	73,0	120,0

Таблица 4

Качественно=количественный компонентный состав оттенков фонемы [r] в позиции =v(r)CV₂ по программам д.8

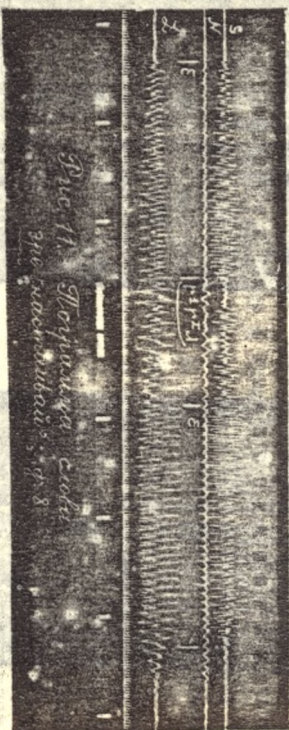
п.п.	Орфограммы и значения словоформ	Компонентный состав оттенков фонемы [r]	Абсолютная длительность оттенков, мсек	длительность компонентов, мсек			Относительная длительность компонентов, % к общей длительности оттенка			
				r ^{II}	r ^I	Δ	r ^{II}	r ^I	Δ	Δ
1.	арка 'спина'	r ^I ΔΔ	83,3	-	36,5	31,2 15,6	-	44,0	38,0	18,0
2.	корки 'бойся'	r ^I Δ	102,6	-	35,3	- 67,3	-	34,0	-	66,0
3.	ултуркей 'редкий'	r ^I Δ	61,2	-	46,0	- 15,2	-	75,0	-	25,0
4.	артык 'лишний'	ΔΔ	80,9	-	-	32,3 48,6	-	-	40,0	60,0
5.	уурта 'пей'	ΔΔ	125,0	-	-	88,5 36,5	-	-	71,0	29,0
6.	аарчы 'творог'	r ^I Δ	81,7	-	39,1	- 42,6	-	48,0	-	52,0
7.	каршу 'вред'	r ^I Δ	103,4	73,7	-	- 29,6	71,0	-	-	29,0

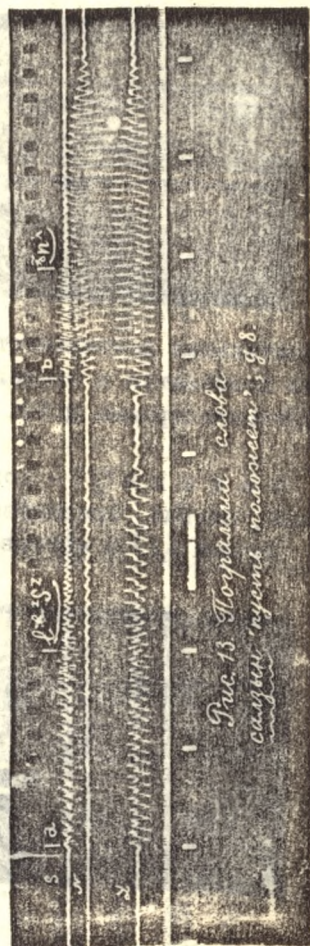
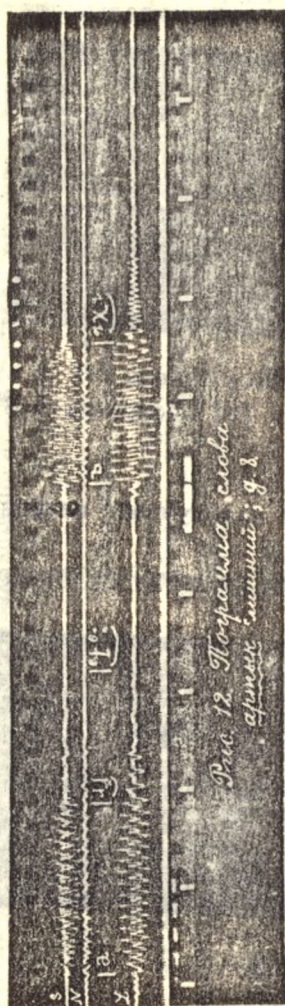

Относительная длительность оттенков фонемы [r] в этой позиции колеблется в пределах 89 - 101% (программы д.8) и 82 - 116% (осциллограммы д.6).

Фонема [r] - согласный малолушный, щелинно=средний, ровный, среднеязычный.

Фонема [r] в интервокальной позиции =v(r)CV₂ встречается

в сочетании с любыми сингармоничными гласными; в конечной позиции употребляется после любого гласного $\approx [j]$; внутри слова из шестнадцати возможных прямых комбинаций не употребляется в следующих пяти комбинациях: йп, йј, йн, йж, йш; в обратных комбинациях с согласными не участвует. Примеры: $[ej]$ эйе 'да', $[aj]$ ай 'луна', $[ijt]$ ийт 'собака', $[ajp]$ айбн 'поручение', $[jyn]$ ойно 'играй'.

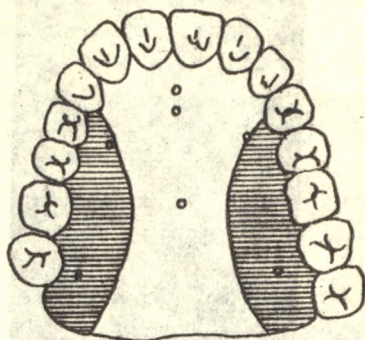

Рис. 14. Палатограмма звука «ј» в слове $[aj]$ ай 'луна'; г.1.

Артикуляторная нас- тройка. Активный орган — средняя часть спинки языка; в более точном описании — первая половина средней части спинки языка и прилегающий к ней участок передней части спинки языка (индекс IIc IIIa).

Пассивный орган — передняя часть твёрдого нёба (индекс 7).

Сближением активного ор-

гана IIc IIIa с пассивным органом 7 образуется срединная плоская продольноглубокая щель и относительно большой резонатор за ней в задней части полости рта. Резонатор ограничен поднятым мягким нёбом, замыкающим собой проход в носовой канал, задней и боковыми стенками верхнего фаринкса, корнем языка и задней частью спинки языка; причём задняя часть спинки и корень языка значительно вогнуты продольно по срединной линии (рис. 14).

Оттенки фонемы $[j]$. В интервокальной позиции $\approx [j]$ оттенки фонемы $[j]$ звонкие «ј». Длительность от- тенков в этой позиции по осциллограммам д.6 колеблется в пределах 43 — 67% средней длительности звука (табл. 5).

В срединной позиции $\approx [j]$ фонема $[j]$ проявляется в

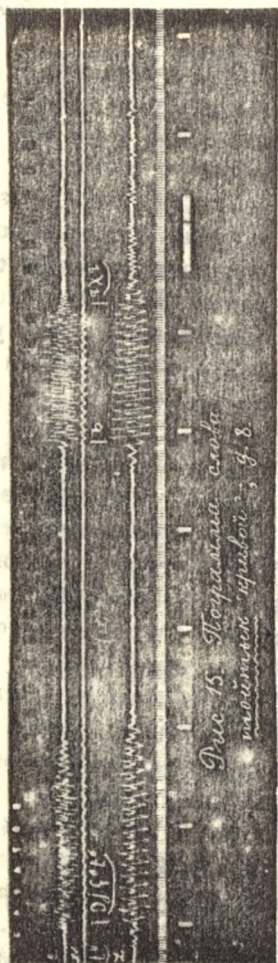

Рис. 15. Направление роста
мраморных кристаллов, г. 8.

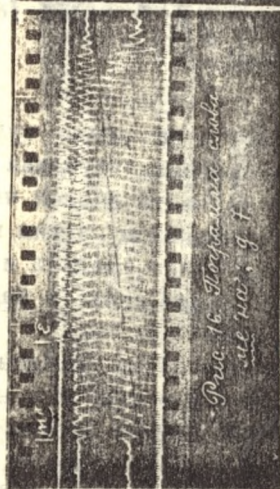

Рис. 16. Направление роста
мрамора, г. 7.

Рис. 17. Направление роста
мрамора, г. 1.

звонких оттенках «j» и в оттенках звонких с глухим ис-
ходом «jɤ». Перед краткими шумными фонемами [p], [t], [k]
оттенки фонемы [j] звонкие, и они обуславливают звонкость
оттенков фонем [p], [t], [k]. Перед малозвонными [m], [n],
[l], [r], оттенки фонемы [j] всегда звонкие. Перед
шумными фонемами [t:], [k:], [ɲ:] в этой же позиции от-
тенки фонемы [j] звонкие с глухим исходом (рис. 15), и глу-
хой компонент (=ɤ) в них составляет 49 – 73% общей длитель-
ности оттенков (табл. 6, табл. 7, зап. 1). В этой же позиции

=vɤjɤɤv перед фонемой [s] оттенки фонемы [j] могут быть
звонкими и звонкими с глухим исходом с общей тенденцией
употребления звонких оттенков перед [s] постфиксальной, а
глухой исходных оттенков – перед [s] основной (табл. 8). Относи-
тельная длительность оттенков фонемы [j] в позиции =vɤjɤɤv=
колеблется от 41% до 94% средней длительности звука.

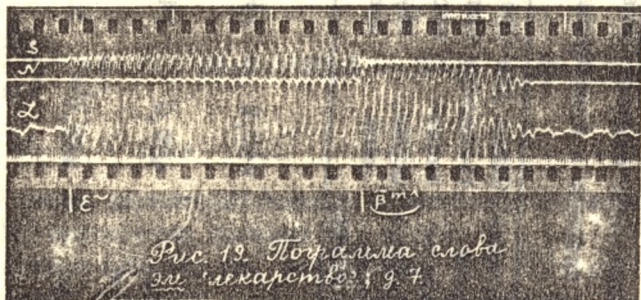

Таблица 5

Абсолютная и относительная длительность оттенков фонемы [ʃ] в интервокальной позиции в словоформах различных слов по осциллограммам д.6

№ значения п.п. словоформ с надстрочной нумерацией звуков	Общая длительность словоформы, мсек.	Средняя длительность звука, мсек.	Порядковые номера и абсолютная длительность звуков, мсек.				Порядковые номера и относительная длительность звуков, % к средней длительности звука			
			1	2	3	4	1	2	3	4
1. ^{1 2 3 4} аяс 'ясный'	660,0	165,0	175,0	71,0	132,0	282,0	106,0	43,0	80,0	171,0
2. ^{1 2 3} ойо 'насквозь (депр.)'	439,0	146,0	184,0	79,0	176,0	-	126,0	54,0	120,0	-
3. ^{1 2 3} эйе 'да'	460,0	153,0	180,0	102,0	178,0	-	117,0	67,0	116,0	-

Таблица 6

Качественно-количественный компонентный состав оттенков фонемы [ʃ] в позиции =VʃJCV перед фонемой [t:], [k:] в основах слов по программам д.8

№ значения п.п. словоформ	Орфограммы и знаменительный состав оттенков фонемы [ʃ]	Абсолютная длительность		Относительная длительность	
		компонентов, мсек.	компонентов, мсек.	компонентов, % к общей длительности оттенка	компонентов, % к общей длительности оттенка
1. ¹ тойтык 'кривой'	ʃ	99,2	26,6	72,6	27,0
2. ² куйка 'кожа (головы)'	ʃ	55,5	28,5	27,0	51,0

По своим характеристикам в оттенковых проявлениях фонема [ʃ] аналогична фонемам [t:] и [r:].
1) фонема [ʃ] так же, как фонемы [t:], [r:], проявляется в звуковых оттенках в интервокальной позиции, перед

В серединных позициях =VʃJCV, =VʃJCV= оттенки фонемы [ʃ] в общем аналогичны оттенкам в позиции =VʃJCV= (см. табл. 6, 7, 8).
В конечной позиции =VʃJCV фонемы [ʃ] проявляется преимущественно в оттенках звонких с глухим исходом. Глухой исход (=ʃ) по данным осциллограмм д.6 составляет от 12% до 54% общей длительности звука. Относительная длительность оттенков фонемы [ʃ] в этой позиции колеблется в пределах 80 - 96% средней длительности звука (по осциллограммам д.6)

краткими шумными согласными [p], [t], [k], иногда перед кратким шумным [s];

2) фонема [j], как фонемы [l] и [r], проявляется в глухоисходных оттенках внутри слова перед шумными согласными [t:], [k:], [ʃ:], (иногда перед шумным [s]), при этом глухой исход у фонемы [j] составляет от 49% до 73% общей длительности звука (пограммы д.8), у фонемы [l] — от 16% до 74% (пограммы д.8), у фонемы [r] — 16% до 66% (пограммы д.8);

3) в конечной позиции фонема [j] так же как фонемы [l], [r], в подавляющем большинстве случаев проявляется в глухоисходных оттенках, при этом конечный глухой компонент у фонемы [j] составляет от 12% до 54% общей длительности звука (осциллограммы д.6), у фонемы [l] — от 16% до 32% (пограммы д.7), у фонемы [r] — от 12% до 39% (пограммы д.8);

Таблица 7

Качественно=количественный компонентный состав оттенков фонемы [j] в позициях =vʲjʲsʲvʲ, =vʲjʲʲvʲ, =vʲjʲʲʲvʲ по осциллограммам д.6

п.п.	Орфограммы и зна- чения слов- форм	Компо- нент- ный состав оттенков фонем [j]	Абсолютная длительность			Относительная	
			оттен- ков, мсек.	компонентов, мсек.		длительность компонентов, % к общей дли- тельности оттенка	
				j	ʃ	j	ʃ
1.	<u>тойтык</u> 'кривой'	jʃ	102,0	48,0	54,0	47,0	53,0
2.	<u>ийт</u> 'собака'	jʃ	144,0	102,0	42,0	71,0	29,0
3.	<u>айтты</u> 'сказал'	jʃ	108,0	56,0	52,0	52,0	48,0
4.	<u>ийтти</u> 'толкнул'	jʃ	72,0	30,0	42,0	42,0	58,0

Фонема [j] совпадает с фонемами [ɛ] и [r] и по употреблению в фонетической структуре слова: так же, как фонемы [ɛ], [r], она употребляется в интервокальной позиции, в конце слова и в сочетаниях с согласными внутри слова; не используется в начале слова (как было указано выше, фонема [ɛ] используется в начале только в словах с корнем лап).

Эти особенности в оттенковом проявлении и в употреблении фонемы [j] позволяют объединить с фонемами [ɛ], [r] в одну подгруппу.

Таблица 8

Качественно=количественный компонентный состав оттенков фонемы [j] в позиции -v[j]cv- перед фонемой [s] по программам д.8

№ п.п.	Орфограммы и значения слов	Комп. состав оттенков фонемы [j]	Абсолютная длительность			Относительная длительность	
			оттенков, мсек.	компонентов, мсек.		компонентов, % к общей длительности оттенка	
				j	ɟ	j	ɟ
1.	<u>айса</u> 'в таком случае'	jʃ	126,2	112,5	13,5	89,0	11,0
2.	<u>ийзе</u> 'если пошлёт'	j	116,3	116,3	-	100,0	-

Абсолютная и относительная длительность
позиции в словоформах различных

№	Орфограм- мы, значе- ния сло- воформ с надстроч- ной нумера- цией звуков	Общая дли- тель- ность сло- вофор- мы, мсек	Сред- няя дли- тель- ность звука, мсек	Порядковые номера длительность					
				1	2	3	4	5	6
1.	^{1 2 3 4 5 6 7 8} <u>момоннин</u> 'у крота' (р.п.)	632,0	79,0	89,0	118,0	85,0	82,0	55,0	55,0
2.	^{1 2 3 4} <u>бмбм</u> '(моя)помощ'	560,0	140,0	209,0	91,0	121,0	139,0	-	-
3.	^{1 2 3 4 5 6} <u>эмеген</u> 'женщина'	606,0	101,0	138,0	85,0	100,0	50,0	115,0	118,0
4.	^{1 2 3} <u>эми</u> '(его)лекар- ство'	482,0	161,0	214,0	120,0	148,0	-	-	-
5.	^{1 2 3 4 5 6 7 8} <u>сассымак</u> 'болотистый'	926,0	116,0	134,0	86,0	128,0	128,0	30,0	1000

Таблица 9

оттенков фонемы [т] в интервокальной
слов по осциллограммам д.6

и абсолютная										Порядковые номера и относительная длительность звуков, % к средней длительности звука									
звуков, мсек.																			
7	8	1	2	3	4	5	6	7	8										
86,0	62,0	112,0	149,0	108,0	104,0	70,0	70,0	109,0	78,0										
-	-	150,0	65,0	86,0	99,0	-	-	-	-										
-	-	136,0	84,0	100,0	49,0	114,0	117,0	-	-										
-	-	133,0	75,0	92,0	-	-	-	-	-										
80,0	240,0	116,0	74,0	111,0	110,0	26,0	87,0	69,0	207,0										

Фонема [m] – согласный малошумный, смычно-носовой, губно-губной.

Фонема [m] встречается во всех позициях и внутри слова с некоторыми ограничениями в прямых и обратных комбинаторных сочетаниях. Из шестнадцати возможных прямых комбинаций не встречается семь сочетаний: мл, мк, мм, мн, мш, мр, мй. Из шестнадцати возможных обратных комбинаций встречается только пять комбинаций: нм, лм, рм, йм, шм.

Артикуляторная настройка. Оттенки фонемы [m] образуются при очень слабом смычном сближении нижней губы (активный орган) с верхней губой (пассивный орган). Нередко, особенно в интервокальной позиции, смычная преграда не выдерживается до конца. Таким образом, наряду со смычными оттенками часто встречаются смычнощелевые «m^β» и щелиносмычные «βm» оттенки. В полости рта образуется большой резонатор. Как при всех носовых фонемах небная занавеска опущена.

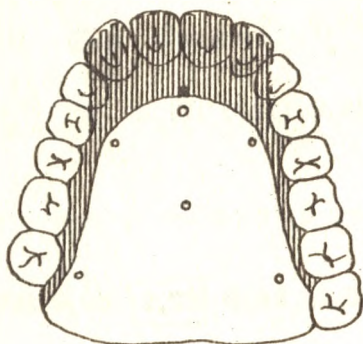

Рис. 20. Палатограмма неслышимого оттенка фонемы [m] в слове он его (в.п.); г.1.

В начальной позиции [m]V-фонема [m] проявляется в звонких оттенках, преимущественно в смычных «m» (рис. 16), редко в смычных с щелевым исходом «m^β». По данным кимограмм конечный щелевой компонент (=β) колеблется в пределах 12 – 19% общей длительности звука. Длительность оттенков фонемы [m] в этой позиции колеблется в пределах 63 – 88% средней длительности звука (кимограммы д.1) 63 – 99% (осциллограммы д.6), 30–89% (пограммы д.7,8).

В интервокальной позиции $=\sqrt{[m]V}$ фонема $[m]$ существует в звонких щелинносмычных, щелинных оттенках — « $\tilde{m}$ » ~ « $\tilde{b}$ » (рис. 17, 18). В щелинносмычных оттенках начальный щелевой компонент ($\tilde{b}^=$) по данным кимограмм колеблется от 17% до 37% общей длительности звука (д. 1). Относительная длительность оттенков фонемы $[m]$ в интервокальной позиции колеблется в пределах 76 — 80% (по кимограммам д. 1), 65 — 108% (по осциллограммам д. 6, табл. 9) средней длительности звука.

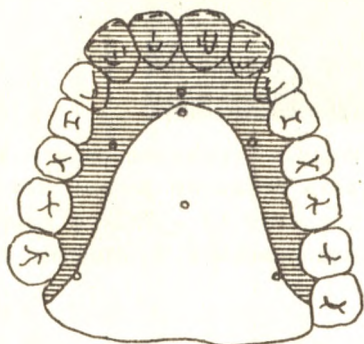

Рис. 21. Палатограмма смягченного оттенка фонемы $[m]$ в слове они 'ствал(дерева)'; д. 1.

В серединной позиции $=\sqrt{[m]CV}$ оттенки фонемы $[m]$ являются звонкими смычными, щелинносмычными « m » ~ « $\tilde{m}$ ». В щелинносмычных оттенках начальный щелевой компонент ($\tilde{b}^=$) длится от 14% до 36% общей длительности звука (кимограммы д. 1). Относительная длительность оттенков фонемы $[m]$ составляет от 79% до 103% средней длительности звука (кимограммы д. 1), от 80% до 120% (осциллограммы д. 6).

Рис. 22. Палатограмма слова они 'ствал(дерева)'; д. 1.

В серединной позиции $\sim \nu [m]$ фонема $[m]$ существует в оттенках $\sim \langle m \rangle$, редко $\sim \langle m^{\Delta} \rangle$. Относительная длительность оттенков фонемы $[m]$ в этой позиции по осциллограммам д.6 составляет 63 - 65% средней длительности звука.

В конечной позиции $\sim \nu [m]$ фонема $[m]$ проявляется в оттенках $\sim \langle m \rangle$ (рис. 19). Длительность оттенков фонемы $[m]$ в исходной позиции колеблется в пределах 61 - 78% (по кинограммам д.1), 68 - 93% (по осциллограммам д.6) средней длительности звука.

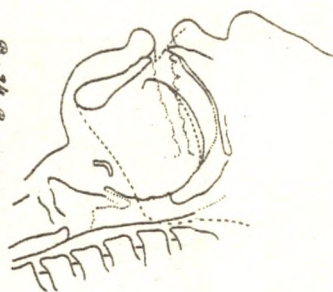

Рис. 24. Звукоформанта $\sim \nu [m]$ в конечной позиции. Амплитуда звукоформанты $\sim \nu [m]$ в конечной позиции. По кинограммам д.1, по осциллограммам д.6.

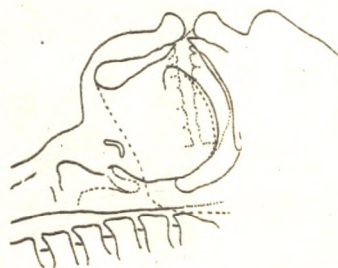

Рис. 25. Звукоформанта $\sim \nu [m]$ в исходной позиции. Амплитуда звукоформанты $\sim \nu [m]$ в исходной позиции. По кинограммам д.1, по осциллограммам д.6.

Таблица 10

Абсолютная и относительная длительность оттенков фонемы $[n]$ в интервокальной позиции в словоформах различных слов по осциллограммам д.6

п.п.	с надстрочной нумерацией звуков	слово-формы, мсек.	Общая длительность слова, мсек.	Средняя длительность звука, мсек.	Порядковые номера и абсолютная длительность звуков, мсек.				Порядковые номера и относительная длительность звуков, % к средней длительности звука			
					1	2	3	4	1	2	3	4
1.	мань											
	'(его)забор'	424,0	106,0	72,0	146,0	95,0	111,0	68,0	137,0	90,0	105,0	
2.	онн											
	'его'	400,0	133,0	160,0	110,0	130,0	-	120,0	82,0	98,0	-	
3.	эне											
	'мать'	432,0	144,0	143,0	136,0	153,0	-	99,0	95,0	106,0	-	
4.	уни											
	'(его)голос'	384,0	128,0	142,0	98,0	144,0	-	111,0	76,0	113,0	-	

Фонема [n] — согласный малолушумный, смычно=носовой, переднеязычный.

Фонема [n] часто встречается во всех позициях слова, но внутри слова не употребляется девять сочетаний из шестнадцати возможных прямых комбинаций: нм, нн, нй, нр, нп, нк, нс, нж, нш. Из шестнадцати возможных обратных сочетаний употребляется только четыре сочетания: йн, дн, мн, жн. Примеры: [naɦb] найн 'товарищ', [ɲnɔs] онос 'назван. местности', [ɲɔn] он 'десять'; [ɲɲɦɔ] ончо 'весь', [ɦɦɲɦ] жинжи 'бусы', [ɦɦajna] чайна 'жуи'; [ɛɦɦɲɛк] эһнек 'имя собств.', [ɔɦɦɲɔf] однош 'имя собств.'

Артикуляторная настройка. Активные органы — передняя часть спинки языка и бока средней части спинки языка (рис. 20). Дополнительным активным органом при мягкорядной настройке является средняя часть спинки языка (рис. 21). В обоих случаях оттенки являются переднеязычными. Пассивные органы для передней части спинки языка — лингвальная сторона верхних передних зубов, передний склон альвеол и гребень альвеол (индекс 35), для боковых сторон спинки языка (средней и задней) — лингвальные поверхности всех боковых верхних зубов и боковые альвеолы. При смыкании активных органов с пассивными одновременно опускается нёбная занавеска, открывая проход для струи воздуха через носовую полость. Эта настройка с её акустическими эффектами позволяет определить фонему [n], как дорсально=переднеязычный смычный носовой малолушумный звук.

В начальной позиции [n]V фонема [n] проявляется в оттенках звонких, преимущественно смычных, редко в смычных с щелевым исходом «n»~«n̥». Длительность оттенков фонемы [n] в абсолютном начале слова колеблется в пределах 43 — 81% (по осциллограммам д.6), 57 — 77% (по пограммам д.7 и 8) средней длительности звука.

В интервокальной позиции =V[n]V оттенки фонемы [n] являются преимущественно щелинносмычными, редко смычными «ɦн»~«ɦ̥н» (рис. 22). На рисунке 22 отражён интервокальный

щелинносмычный оттенок фонемы [п] в слове *оноор* 'туда' (в произношении д.1). В щелинносмычных оттенках щелевой компонент ($\tilde{e}$) по данным кимограмм колеблется в пределах 9 – 37% общей длительности звука. Длительность оттенков фонемы [п] в интервокальной позиции по данным кимограмм д.1 колеблется в разбросе 56 – 114%, по данным осциллограмм д.6 – 76 – 95% (табл. 10) средней длительности звука.

В срединной позиции =V[n]CV- фонема [п] существует в звонких оттенках – « $\tilde{e}n$ » ~ « n ». Длительность оттенков фонемы [п] в данной позиции (по осциллограммам д.6) колеблется в пределах 60 – 119% средней длительности звука.

В срединной позиции =VC[n]V- фонема [п] существует в оттенках « $\tilde{e}n$ », например, *ойно* « σjno » 'играй'.

В конечной позиции =V[n] фонема [п] проявляется в оттенках в щелинносмычных « $\tilde{e}n$ », смычных « n » (рис. 23). В оттенках « $\tilde{e}n$ » щелевой компонент ($\tilde{e}$) по данным осциллограмм и кимограмм соответственно колеблется в разбросе 8 – 79% (д.6), 9 – 40% (д.1) общей длительности звука. Относительная длительность оттенков фонемы [п] в этой позиции по кимограммам и пограммам соответственно колеблется от 59% до 89% (д.6), от 88% до 11% (д.8) средней длительности звука.

Ф о н е м а [п] – согласный малолушумный, смычно-носовой, заднеязычный.

Фонема [п] в абсолютном начале слова не используется. В интервокальной и конечной позициях встречается в сочетании с любыми гласными; причём внутри слова из шестнадцати возможных прямых комбинаций с согласными употребляется десять сочетаний *нд, нт, нг, нк, нч, нз, нж, нм, нн, ид*. Примеры: [sɔnɔ] *соно* 'в долг', [aɲ] *аң* 'зверь', [kaŋsa] *канза* 'труба', [maŋta] *манта* 'скачи', [taŋma] *танма* 'паметка'.

А р т и к у л я т о р н ы е н а с т р о й к и. Оттенки фонемы [п] имеют одну основную настройку – заднеязычную. Основной активный орган – задняя часть спинки языка, пассивный орган – задняя половина мягкого нёба (с прилегающим к ней участком передней половины мягкого

Таблица 11

Абсолютная и относительная длительность оттенков фонемы [и] в интервокальной позиции в словоформах различных слов по программам д.8

п.п	Орфограммы, значения слов, форм с надстрочной нумерацией звуков	Общая длительность слова, мсек.	Средняя длительность звука, мсек.	Порядковые номера и абсолютная длительность звуков, мсек.					Порядковые номера и относительная длительность звуков, % к средней длительности звука				
				1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
1.	^{1 2 3} <u>эны</u> (его) зверь	463,6	154,0	170,2	116,3	177,1	-	-	110,0	75,0	115,0	-	-
2.	^{1 2 3 4 5} <u>сынар</u> 'непарный'	538,1	106,4	86,6	50,5	130,3	171,0	94,6	81,0	47,0	122,0	161,0	89,0
3.	^{1 2 3 4} <u>оной</u> 'близкий'	451,8	113,0	99,2	99,2	108,7	144,8	-	85,0	85,0	122,0	108,0	-
4.	^{1 2 3 4 5} <u>монун</u> 'серебро'	581,8	116,0	104,1	144,4	109,4	122,0	101,8	89,0	124,0	94,0	105,0	88,0
5.	^{1 2 3} <u>они</u> (его) цвет	441,6	147,0	169,1	105,3	167,2	-	-	115,0	72,0	113,0	-	-

неба), индекс 10 или 9610; в то же время мягкое небо в настройке оттенков фонемы [и] является доподлинно-тельным активным органом. При смыкании основного активного органа с пассивным органом последний, являясь дополнительным активным органом, отходит от задней стенки фаринкса, открывая проход воздушной струе в полости носа (рис. 24, 25, 26).

В интервокальной позиции «и/и» оттенки фонемы [и] являются звонкими, щелистыми, щелинно-смычнощелистыми, щелинно-смычными, смычными «и» ~ «и/и» ~ «и/и» ~ «и/и» с преобладанием оттенков «и/и» ~ «и/и» (см. рис. 1). В оттенках «и/и» фонемы [и] по средним данным десяти кинотрафических записей слова монун 'серебро' щелистый (и), смычный (и), щелистый) компоненты соответственно составляют 20%, 66%, 14%. общей длительности звука. Относительная длительность оттенков фонемы [и] в этой позиции по осциллограммам, кинотраграммам и программам соответственно колеблется в разбросе 56 - 75% (д.6), 72 - 118% (д.1), 72 - 122% (табл. 11) средней длительности звука.

В средней позиции «и/и» фонема [и] существует в оттенках «и» ~ «и/и», редко «и/и». По данным программам в оттенках «и/и» начальный щелевой компонент (и) колеблется в пределах 6 - 40% общей длительности звука. Длительность оттенков фонемы [и] в позиции «и/и» перед шумными сопласными [т], [т/т], [т/т], [т/т] по осциллограммам, программам, кинотраграммам соответственно колеблется в разбросе 77 - 126% (д.6), 78 - 120% (д.7 и 8), 73 - 111% (д.1) средней длительности звука.

В конечной позиции «и/и» фонема [и] проявляется в оттенках звонких щелинносмычных «и/и» (рис. 27). По данным программам (д.7 и 8) начальный щелевой компонент (и) составляет от 10% до 52%. Длительность оттенков фонемы [и] в конечной позиции колеблется в пределах 72 - 93% (по осциллограммам д.6), 69 - 92% (по программам д.7 и 8) средней длительности звука.

Таким образом, группе согласных алтайского языка, описанных в данной работе, свойственны следующие фонетические характеристики:

1. Звонкость и комбинации звонкости и глухости в различных соотношениях между собой; в частности, как указывалось выше, глухой компонент может составлять до 57% общей длительности этих звуков в конечной позиции и до 74% общей длительности звука перед долгими шумными согласными внутри слова.

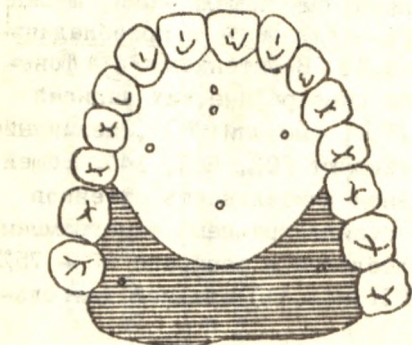

Рис. 26. Палатограмма звука «н» в слове [сѣп] н 'самый'; г. 1.

2. Очень слабая напруга активных органов в артикуляторных настройках этих звуков. При отсутствии прямых экспериментальных методов определения степени напруги активных органов, заключение о слабой напруги делается косвенно по характеру работы активного органа: смычка носовых согласных обычно заменяется или существенно дополняется щелевым компонентом, что возможно при слабом мускульном напряжении активного органа (рис. 17, 18).

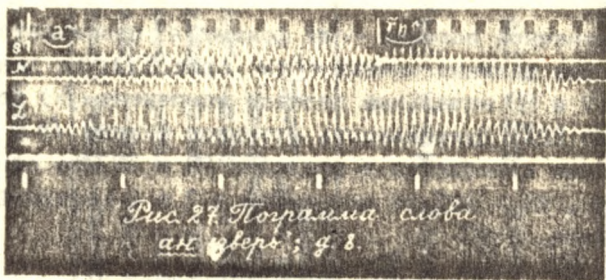
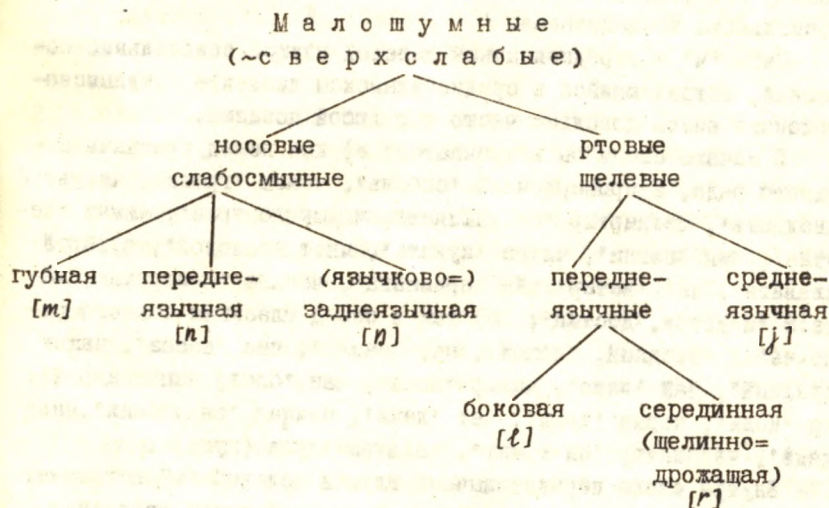

Рис. 27. Гортанная запись слова ан 'пер'; г. 3.

3. Относительно слабая шумность у [t], [r], [j] по сравнению с щелевыми шумными согласными [s], [ʃ] (это определяется субъективно на слух), что также может служить косвенным доказательством слабой мускульной напряжённости активных органов при щелевой настройке данных согласных.

На основании сказанного фонемы [m], [n], [ŋ], [l], [r], [j] можно назвать по общим характеристикам для них признакам группой сверхслабых согласных, соответственно назвав шумные согласные — слабыми (по артикуляторному моменту или назвать, как это сделано в данной работе, эту группу фонем малошумными, оставив за другой группой согласных термин шумные (по акустическому моменту)).

Ниже даётся схема малошумных согласных алтайского языка.

Р.М.Бирюкович

О ЗВУКЕ "ч" В СРЕДНЕЧУЛЫМСКОМ ДИАЛЕКТЕ

В данной статье мы рассматриваем глухой щелевой звук "ч", оставляя в стороне его функциональную нагрузку в языке, поскольку его фонологическая интерпретация является предметом специального исследования.

Звук "ч" — переднеязычный щелевой глухой палатальный согласный, встречающийся в среднечулымском диалекте чулымско-туркского языка довольно часто и в любой позиции.

В начале слова он встречается: а) как перед гласными переднего ряда, например: чейл 'соболь', челек 'грива', че:гърбл 'двадцать', че:дыртыр 'он кашляет', чидыф 'острый', чимчи 'щепотка', чип 'нити', чи:ге 'кушать', чи:т 'молодой', чүзйргл 'плавать', чй! 'ветер' чйм 'приманка', чйниге 'измерить', чй-тке:м 'я дошел, достиг'; б) так и перед гласными заднего ряда: чабал 'вредный, плохой', чаф 'масло', час 'весна', чажан 'ленивый', чай 'лето', чамыр 'кожа', чан 'бок', чап 'закрой', чар 'кожи', чарыш 'дели', чат 'лежи', чачқан 'он посеял', ча:к 'щека', ча:ныптыр 'он точит', ча:джак 'дуга (луна)'.

Внутри слова переднеязычный глухой щелевой "ч" встречается: а) в интервокальном положении, не подвергаясь озвучению, например: а:чык 'открытый', ичй 'мать', качан 'когда', кйчй 'вчера'; б) после сонорных, а именно:

(р) — чирчй 'стакан', пурчук 'почка', парча 'все', пярче 'чильчак';

(н) — иштенчй 'внутренняя, левая сторона', чанчалге 'заносить', пбгунчй 'он подумал';

(л) — пйичур 'мокрая, снежная погода', ту:лчап 'ураган', пайчйк 'прокладка (ружья)';

(м) — камчй 'кнут', кйльмчук 'бабочка';

в) после гласной перед глухой согласной: ачкй 'ключ', кичкыр 'кричи', қарачкй 'темнота' ичйкй 'тот, кто много пьет', қачкй 'медведь (на языке женщины)', қочпақ 'лопата', пачкйш 'лестница', чочкйа 'свинья';

г) после глухой согласной перед гласной: ақча 'деньги', йпчи 'женщина', поқчақ 'глубокий', со:қча 'север', пбкчйр 'кустарник'.

В абсолютном конце слова "ч" встречается:

1. после гласных переднего ряда: йбйч 'лоскут', кйч 'ребенок', кичеч 'маленький', куч 'сила', кучкуч 'зеркало', уч 'три', кузурч 'омут', оч 'ладонь', уйч 'удочка', уч 'икота', уч 'вершина';

2. после гласных заднего ряда: а:лыч 'зверь', қамнуч 'выдра', қамыч 'ковш', қач 'убегай', қысқыч 'шипцы', са:руч 'горностай', тақпуч 'щелка', қулач 'расстояние между вытянутыми руками'.

Сравнивая среднечулымское "ч" с его соответствиями в других тюркских языках, можно установить, что оно входит в два различных ряда чередований. Один ряд чередований $j \sim d' \sim t' \sim c' \sim$ $\sim dj' \sim ш' \sim ж' \sim з' \sim с'$ с: среднечул. чйт 'достигать', н.чул.

йет, телеут., кызыл., кюэр. и другие^I ййт, каз.-тат., джит, казах. джет, балк. зет, алт. дьет, шор., тув. чйт, чув. бит, якут. сит, др.-тюрк. йет.

Второй ряд чередований $ч' \sim dj' \sim ц \sim ш' \sim с$: I. среднечул. а:чыр 'горький', н.чул. а:цыр, шор. бельт. ачыр, алт. телеут. ачу:, тув. аджыр, турецк., азерб., полов. ацы, кирг. ашшы, якут. асы, др.-тюрк. ачыр;

2. среднечул. куч 'сила', чернев., хам., турф., таранч. куч, каз.-тат. кбч, н.чул. куч, кюэр. кйц, бараб., тобол., тюмен. кич, тув. куш, якут. куэс.

^I По данным Н.Ф.Катанова. Опыт исследования урянхайского языка. Казань, 1903.

Два ряда чередований, в которые входит "ч", дают возможность сделать вывод о том, что "ч" в среднечулымском диалекте восходит к двум различным исходным звукам.

Исследованный материал показывает, что внутри слова и в конце слова "ч" всегда входит только во второй ряд чередований.

В начальном же положении в звуке "ч", надо думать, совпало два первоначально разных звука, так как среднечулымское "ч" входит в оба ряда чередований.

Если мы обратимся к нижнечулымскому диалекту, то увидим, что в начале слова среднечулымскому "ч" соответствует нижнечулымское "j" или "ц"².

Примеры соответствия среднечулымского "ч" нижнечулымскому "j":

ср.-чул.	н. чул.	ср.-чул.	н. чул.
чан	ја:н 'сторона, бок'	чаңа	јаңа 'новый'
чурт	јурт 'жизнь'	ча:п	ја:п 'закрой'
чар	јар 'берег'	чар	јар 'коли'
час	јас 'весна'	чаш	јаш 'год жизни'
чеде	једъ 'семь'	чек	јек 'черт'
чър	јър 'земля'	чир	јир 'собери'
чоҥ	јоҥ 'нет'	чол	јол 'путь, дорога'
чабал	јаман 'плохой'	чамачуҥ	јамачу 'заплата'

Примеры соответствия среднечулымского "ч" нижнечулымскому "ц":

ср.-чул.	н. чул.	ср.-чул.	н. чул.
чабацйа	цабацйа 'ложка'	чач	цац 'волосы'
чйацвйрй	цйацвйрй 'мешок'	чупрак	цупрок 'тряпка'
чичйацйа	цицйацйа 'тоненький'	чунарға	цонарға 'купаться'
чочка	цоцка 'свинья'	чимчи	цымдыш 'шепотка'
чирчйа	цырца 'чайная чашка, стакан'		

² А. П. Дульзон. Чулымские татары и их язык. Уч. зап. ТГПИ, т. IX, 1952.

Нижнечулымскому "ц" соответствует в древнетюркском "ч", а нижнечулымскому "j" - древнетюркское " ". Таким образом, в среднечулымском "ч" в начале слова совпало древнетюркское "ч" и "j".

Для статьи использованы полевые записи проф. А.П.Дульзона и автора, произведенные в пос. Тегульдэт Томской области.

Н.Н.Широбокова

ЯКУТСКИЙ АНЛАУТНЫЙ Д-

Дентальные смычные в якутском анлауте представлены глухим т- и звонким д-. В "Словаре якутского языка" Э.К.Пекарского приведено около 200 корней, начинающихся с д-, корней с анлаутным т- в 3 раза больше (45 слов имеют варианты с т- д-). Противопоставление д- и т- имеет фонологическое значение:

далаар 'много говорить' // талаар 'слегка волноваться',
далбар 'берестяной сосуд' // талбар 'отборный',
дал 'скотный двор' // тал 'выбирать' и т.д.

Анлаутный д- встречается в целом ряде тюркских языков - это языки юго-восточной (азербайджанский, турецкий, туркменский и т.д.) и северо-западной (тувинский, тофский) групп. По поводу происхождения этого д- существуют различные точки зрения. Их можно свести к двум противоположным утверждениям: в пратюркском анлауте был один дентальный смычный - глухой (сильный) т-¹; д- появился в результате позиционного озвончения, иноязычного влияния, междиалектного смещения. А.М.Щербак считает, что д- в огузских и тувинском языках появился в результате ослабления анлаутного т- и слабый (звонкий) был результатом этого процесса, а сильный (глухой) представляет исходную ступень.

¹ М. Р я с я н е н . Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, стр.39;

² А. М. Щ е р б а к . Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр.90-91.

Сторонники другой точки зрения восстанавливают для праторкского анлаута два смычных $t-$ и $d-$ а для алтайской общности — три: $*t-$, $*d-$, $*s-$. В.М.Иллич-Свитыч развил гипотезу о наличии в алтайском анлауте троичного противопоставления по характеру смычки для гуттуральных, дентальных и лабиальных. Троичность противопоставления дентальных строится на соответствиях:

- ($*t-$) $t-$ (тюрк. $*t-$ / > огуз. $t-$, $d-$. тув. карагас. $t-$, $d-$ /
монг. $*t-$: тунг. $*t-$)
($*d-$) $t-$ (тюрк. $*d-$ / > огуз. $d-$, тув.-карагас. $d-$ /: монг.
 $d-$: тунг. $d-$)
($*s-$) $d-$ (тюрк. $j-$ / огуз. $j-$ тув.карагас. $s-$ /: монг. $*d-$:
тунг. $*d-$ ¹.

"Одна из возможных интерпретаций этого противопоставления: глухие сильные — глухие слабые — звонкие. Это противопоставление обнаруживается в дентальном и велярном ряду в позиции начала слова"². В.М.Иллич-Свитыч предложил следующую репрезентацию этого противопоставления по языкам:

алт.	тунгусо-маньчжурский			монг.	тюркские			корейск.
	эвен.	нан.	маньчж.	письм.	тур.	тув.	др.т	
$*t-$	$t-$	$t-, c-$	$t-, c-$	$t-, \check{c}-$	$t-, d-$	$t-, d-$	$t-$	$t-$
$*t$	d	$d, \check{z}$	$d, \check{z}$	$d-, \check{z}-$ $-t-, -\check{c}-$	$d-$ $-t-, d-$	d	t	$t-$ $-th-$
$*d$	d	$d, \check{z}$	$d, \check{z}$	$d, \check{z}$	y	$\check{c}$ $-d-$	j $-s-$	$t-$ $-d-$

¹ В. М. И л л и ч - С в и т ы ч . Опыт сравнения ностратических языков. М., 1971, стр. XIII.

² В. М. И л л и ч - С в и т ы ч . Соответствия в ностратических языках. Этимология 1966. М., 1968, стр.305.

Таким образом, с точки зрения авторов этой гипотезы турецкий и другие огузские языки в этом отношении архаичнее древнетюркских языков. "Итак, огузские языки и тувино-карагасский сохраняют (в несколько измененной форме) пратюркское противопоставление *d- и *t-¹. Сходную точку зрения находим и в некоторых работах Н. Поппе². Систему анлаутных смычных близкую к тувинской Э. Р. Тенишев находит в саларском и сарыг-югурском³, причем он рассматривает ее как отражение более древней системы, основанной на противопоставлении звонкости-глухости.

Якутская система анлаутных дентальных смычных не объясняется ни из первой, ни из второй гипотез. Следы первичного разграничения d- и t- в якутском языке В. М. Иллич-Свитыч отмечал только в слове диз 'говорить'. Об отношении якутского d- к d- огузской и тувино-карагасской групп языков можно судить из следующей таблицы⁴. (Табл. см. на след. стр.). Огузскому и тувино-карагасскому d-(~t) в якутском регулярно соответствует t-. То-есть, явление совершенно противоположное тому, что мы видим в огузском и тувинском языках - точнее, тому как объясняет несоответствия в этих языках А. М. Щербак: "... в тувинском языке и в языках огузской группы происходило ослабление анлаутного t. Слабый (звонкий) дентальный был конечным результатом указанного процесса, тогда как соответствующий сильный (глухой) представлял исходную ступень. И если развитие первого происходило согласно общей закономерности, то сохранение второго было обусловлено действием частных, локальных факторов. Следовательно, совпадение слов с начальным d- в названных выше языках - закономерное явление, совпадение же слов с начальным t- является случайным"⁵. В якутском языке случайным оказывается совпадение d- огузскому или тувинскому d-:

¹ В. И. И л л и ч - С в и т ы ч . Алтайские дентальные
"Вопросы языкознания", № 6 , 1963, стр.44.

² Н. Р о р р е . Altaisch und Urtürkisch. UJb 1-2, s. 100 .

³ Э. Р. Т е н и ш е в . Саларский язык, стр. II-15.

⁴ Примеры из аз., тур., туркм., тув. и тат. языков взяты из работы А. М. Щербака "Сравнительная грамматика тюркских языков", стр. 91-93.

⁵ Там же, стр. 90-91.

азерб.	тур.	туркм.	тув.	тат.	як.	др.т.	
дабан	табан	дāбан	даван	табан	табаҗай	taban	подошва, ступня.
даҗ	даҗ	дāҗ	даҗ	тав	тыа	taҗ	гора; горный лес (як.)
-	тавуш	товуш	дāш	тавиш	тыас	taviš	шум; звук, го- лос (др.т.)
даҗан-	даҗан-	даҗан-	даҗан-	таҗан-	таҗан таҗан	tajan- taja-	опираться
-	дал	тāl	тал	тал	талах	tal	тальник; ива (як.)
дал-	дал-	-	дал-	тал-	таал-	tal-	впасть в забытье, оцепенеть
дамар	дамар	дамар	дамѣр	тамѣр	тымыр	tamir, tamar, tatur	кровенос- ный сосуд, вена
дамҗи	дамла	дамҗа	дамдѣ	тамчѣ	таммах	там- капаты	капля
дан	тан	даң	даң	таң	тың	taң	заря, рассвет
тап	-	тап-	тi'п-	тап-	тап-	tap-	находить; сделать во время (як)
дар	дар	дār	тар	тар	таар	tar	теснина тупик (як.)
дара-	тара-	дара-	дiра	тара-	тараа-	tara-	расче- сывать
дарт-	тарт-	дарт-	тирт-	тарт-	тарт-	tart-	тянуть, тащить
даз	даз	-	тас	таз	тараҗай	таз ларша, плеш	лысый, пле- шивый; плешивый (як)

Продолжение таблицы

аш	таш	дāш	даш	таш	таас	таš	камень
аш-	таш-	дāш-	дажĭ-	таш-	таһы-	таš-	перели- вать че- рез край; выйти из берегов (як.)
ашĭ-	ташĭ-	-	да'жĭ-	ташĭ-	тас-	таšĭ-	таскать
э-	дĭ-~дэ-	дĭĭ-	дэ-	дĭ-	диз-	те-	говорить, сказать
эмĭр	дэмĭр	дэмĭр	дэмĭр	тĭмĭр	тимир	temir	железо
āḡ	dəḡ	дəḡ	дəḡ	тĭḡ	тāḡ	теḡ	одинако- вый, ров- ный

аз.	тур.	туркм.	тув.	як.
1. dāxĭ	daḡĭ	-	даxĭm	даҕаны-таҕаны 'и', 'тоже'
2. даj	dəj	dəḡ	дəḡ	даҕай таҕай 'трогать'
3. тоз	тоз	tōḡ	дōзун	дуоһум дооһун туоһун - 'пыль, прах'.

(як. Ālāmāḡānĭa - дуоһун - гня 'разрушить до тла').

Ко времени появления русских заимствований анлаутные д- и т- достаточно четко употреблялись; русский т- > т-, а д- > д-¹. /т' > т' ~ ч; д' > д' ~ ч/. А. Кулаковский описывает этот процесс несколько по-другому: "д и т взаимно заменяют друг друга"². Но словарь, приложенный к этой работе, оснований для такого вывода не дает. Только: долохоно толокно, така-ас доказ³. В словаре Э.К. Пекарского русские заимствования так последовательно дают т- > т- и д- > д- (за небольшим ис-ключением).

¹ П. А. С л е п ц о в . Русские лексические заимствования в якутском языке. Якутск, 1964, стр.90.

² А. К у л а к о в с к и й . Статьи и материалы по якутскому языку. Якутск, 1946, стр.18.

³ Там же, стр. 23-62.

Колебание в употреблении анлаутных д-, т- широко отмечается в диалектах якутского языка. Л.Н.Харитонов отнес его к сравнительно распространенным типам соответствий¹:

далаһа ~ талаһа - 'поперек положенное бревно, жердь через реку'

дай ~ тай - 'махать крыльями, касаясь ногами воды'

даҕай ~ таҕай - 'касаться'.

По замечанию П.П.Барашкова, в акающих говорах преобладают варианты с т², но строгой последовательности не наблюдается, для каждого слова характерна своя избирательность независимо от общей тенденции говора. Колебание анлаутных т- и д- свойственно и другим тюркским языкам³. Эти колебания объясняются заимствованием из разных источников (огузские и кипчакские языки) и междиалектным смешением. Возможно, что такими же причинами объясняется и якутское соответствие д-~т-, но остается неясным источник слов с анлаутным д-. Им не мог быть какой-либо тюркский язык, близкий к орхонским памятникам, т.к. в анлауте орхонских и енисейских памятников а- не встречается, а употребляются преимущественно глухие и сонорные: /в, џ, t, q/ и к, м (редко), н (еще реже), з и у /. В наиболее ранних памятниках древнетюркокой письменности анлаутный а- почти не встречается. Его нет в орхонских, енисейских и уйгурских памятниках. В словаре Махмуда Кашгарского он встречается очень редко: в I-ом томе 7 слов, во 2-ом - 4 слова, в 3-ем - 10 слов. В то же время анлаутный д- некоторых заимствований из других языков переходит в

¹ Л. Н. Х а р и т о н о в . Современный якутский язык. Якутск, 1947, стр.81.

² П. П. Б а р а ш к о в . Особенности говора якутов Алламаховского района.

³ Н. К. Д м и т р и е в . Туркменские народные сказки Марыйского района, стр. 30-32; Туркменские народные сказки. М.-Л., 1954; Н. А. Б а с к а н о в . Каракалпакский язык. П., М., 1952, стр.65; Ф. Р. И с х а н о в . Тувинский язык, М.-Л., 1957, стр.93. Р. Э. Р у с т о м о в . Губа диалекти. Баки, 1961, стр.65-66.

t -: тана < дана (перо.) 'штука'. Махмуд Кашгарский указывает, что переход т>д характерен лишь для языка огузов¹. Озвончение аялаутного т- в языке гузов отмечает С. Brockelmann. В своей работе он рассматривает как употребляется аялаутный д- в некоторых литературных памятниках Средней Азии².

Среди тюркских языков Сибири употребление двух аялаутных неносовых смычных характерно лишь для нескольких; из современных языков Южного Алтая это свойственно лишь тувинскому и тофскому. В аялауте алтайского языка употребляется только шумный краткий т, даже в тех случаях, когда на письме употребляется д- как, например, в слове де- 'говорить' (алтайский язык имеет иную оппозицию согласных фонем, нежели якутский; в якутском глухие-звонкие-сонорные, в алтайском - шумные и малошумные с разделением шумных по долготе и краткости. Долгая фонема встречается, в основном, внутри морфологически неразложимых основ и передается как т, краткая t встречается в аялауте, ауслауте, в сочетании с другими шумными в аялауте проявляется в глухих оттенках и изображается на письме как т, в сочетании с малошумными проявляется в звонких оттенках и изображается как д³).

В хакасском языке принята оппозиция по глухости-звонкости-сонорности (хотя некоторые исследователи считают, что в хакасском существует такое же разделение как в алтайском). В начале слова встречается только т- глухой, смычной, сильно воздушный и непридыхательный согласный⁴. В киргизском языке в начале слова регулярно выступает глухой т-, лишь для некоторых слов встречаются варианты с д-:

тебе ~	дөбө	'холм'
таяр ~	даяр	'готовый'
тажаал ~	дажал	'свиристый'
табышмак ~	дабышмак	'загадка'

¹ С.М. Муталибов "Дувану лугат-ит турк." Махмуда Кашгарского. Автореф. докт. дисс. Ташкент, 1967.

² С. Brockelmann. Osttürkische grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens. Leiden, 1954, s.28-29.

³ М. Ч. Чумакаева. Консонантизм алтайского языка. Автореф. канд. дисс., Новосибирск, 1972.

⁴ Д. И. Чанков. Согласные хакасского языка. Абакан, 1957.

Особый интерес по сравнению с рассматриваемыми языками представляет тувинский язык, в анлауте которого встречаются два дентальных смычных согласных. Вообще в тувинском языке употребляется четыре дентальных смычных:

		смычно-взрывные		
сильные придыхательные глухие	слабые непридыхательные			какими буквами передаются на письме
	глухие	слабо звонкие	нормально звонкие	
т ^h				т
	т			т
		д		д
			д	д

t^h — употребляется только в анлауте коренных слов,

т — в коренных словах в начале слога и слова чередуются с д;
в заимствованиях употребляется в любой позиции.

д в коренных словах в начале слова чередуется с т, в инлауте встречается между гласными и сонорными.

д — в заимствованных словах в любой позиции¹.

На основную оппозицию по силе-слабости накладывается дополнительная по звонкости-глухости.

При сопоставлении со словами огузской группы сравниваются слова с тув. д // огуз. d и t^h // огуз. t.

Сопоставление тув. t^h и д (д ~ т) с языками огузской группы, а также с саларским показало, что случаев несовпадения тув. д огузскому d и тув. t^h огузскому t больше (59), чем совпадений (35)², в якутском же, большей частью, тувинскому д соответствует т.

¹ Ф. Р. Исхаков, А. А. Пальмах. Грамматика тувинского языка. М., 1961, стр.86.

² Л. С. Левитская. Историческая фонетика чувашского языка. Автореф. канд.дисс., М., 1963.

тувинский	якутский	
1. тэрэн	дириң	'глубокий'
2. д1'з1	тык (тик)	1) 'втыкать, затыкать'
		2) як. 'ударить, ужалить'
3. д1т-	тынт	'теребить, дергать, чесать шерсть'
4. д1ш	тиис	'зуб'
5. д1'ж1	тыры	'самка'
6. доктā-	тохтоо	'останавливаться'
7. долу	толон	'град'
8. дорур	тураҕас	'гнедой'
9. тōк-	тоҕун	1) 'сыпать'
		2) 'сыплется'
10. төл	төрүт	'зародыш, детеныш'
11. дус	туус	'соль'
12. дурҕаја	туруйа	'журавль'

Слова с анлаутным д- представляют в якутском языке слишком большую и характерную группу, чтобы их можно было объяснить только единичными заимствованиями или озвончением. Хотя можно отметить и такие случаи: так с начальным д- вошли в якутский язык некоторые эвенкийские слова, например далыс 'род передника'. Иногда начальное д- можно объяснить и озвончением, так О.Бётлингк посслог *diäpī* производит от *tīi* - 'достигать', а озвончение объясняет тесной связью с предшествующим словом¹.

Еще один источник появления анлаутного д-: монгольский язык, - хотя якутский язык имеет склонность воспринимать монгольский анлаутный д- как глухой t-(I), он во многих случаях сохраняет монгольское d-(2)².

¹ О. Вётлингк. Über die Sprache der Jakuten. SPb., 1851, s. 159.

² С. Кабузінскі. Mongolische Elemente in der Jakutischen Sprache. Warsawa, 1961, s. 42-44.

1) *taryi-* 'касаться' < монг.-писм. *daɣari*, MNT *da'ari* ордосск. *dāri-*, калм. *dār-*, халх. *dāɣr̥*; / *toluk* 'выкуп' монг. *doliɣ*, бур. *dolig-*, др.т. *juluɣ* 'купля' як. *sulū* 'калым' / *tāɣa ~ taɣu* 'свляющаяся шерсть' монг.-писм. *daɣaki*, калм. *dāk̄*, *dākə*, бур. *daɣi*, халх. *dāɣi* = *turk. jaraɣu* 'необработанная шерсть' ср. як. *сабырҕах* 'волосы (шерсть) подле висков, загривок'.

2) *dālāgā* 'широкий' < монг. MNT *delegei*, писм.-монг. *delekei*, ордосск. *delexi*, халх. *delxi*, монг. > кир. *tālāgāi dal* < 'загон' < монг.-писм., халх., калм., бур. *dal*. *domnut* 'предсказание' < писм.-монг., халх, калм. *dom*.

Монгольский *d-* может в якутском дать *d-*, *t-*, $\frac{t}{\delta}$ -, *n-*, *l-*, а монгольский *t-* > якутские *t-*, *d-*, *č-*.

Переход *t-* > *č-* в рассматриваемых случаях можно объяснить действием регрессивной ассимиляции:

čorčui 'ясный' < халх. *towtšī* (< **tobčī*)

čorčui 'пуговица' < писм.-монг. *tobčī*, бур. *tobšī*, калм.

torčšī.

Тем более, что такую же картину мы наблюдаем и в заимствованиях из русского языка.

чочуi < 'точить'

чочу, чоччу 'точу' < 'точило'

чуочунаi < 'точенный'

чуочуна < 'точно'

Переход *d-* в *l-* объясняется тем, что эти согласные в тюркских языках тесно связаны и часто переходят друг в друга¹. Той же причиной, а также ассимиляцией *d-* носовыми согласными корня объясняется переход монг. *d-* як. *n-*: *номах ~ домох* < монг. *домоɣ*, бур. *домоɣ* (тув. *томуɣ* — 'сказка').

¹ Е. И. У б р я т о в а. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. М., 1960, стр. 98.

Особенно интересным представляется переход монгольского а- в якутское $\ddot{a}$ так как $\ddot{a}$ (gǝ) в якутском языке встречается преимущественно в словах монгольского и эвенкийского происхождения¹.

1. $\ddot{a}l\ddot{a}i$ 'глухой' < монг.-писм. $\ddot{a}l\ddot{e}i$, халх., бур. $\ddot{a}l\ddot{e}i$ ²
2. $\ddot{a}g\ddot{a}i \sim \ddot{a}g\ddot{u}i$ 'прозябнуть' < монг.-писм. $\ddot{a}g\ddot{a}i$
ордосск. $\ddot{a}g\ddot{d}\ddot{z}i$, халх., калм. $\ddot{a}g\ddot{z}i$
3. $\ddot{a}u\ddot{a}l \sim \ddot{a}u\ddot{a}l$ 'эхо' < монг.-писм. $\ddot{a}u\ddot{a}l$, калм.
 $\ddot{a}u\ddot{a}l$, халх. $\ddot{a}u\ddot{a}$, бур. $\ddot{a}u\ddot{a}$.

Возможно, что здесь некоторые случаи можно объяснить как результат ассимиляции или палатализации, но нужно обратить внимание на то, что чередование а и $\ddot{a}$ (<ǝ) встречается в старомонгольском письменном и монгольском письменном языках³. Старомонг.-писм. $\ddot{a}d\ddot{a}g\ddot{a}r \sim$ монг.-писм. $\ddot{a}d\ddot{a}g\ddot{a}r$ 'узда'.
 $\ddot{a}l\ddot{u} \sim \ddot{a}l\ddot{u}$ 'выкуп, откуп, откуп от наказания' халх. $\ddot{a}l\ddot{u}$
'откуп от наказания, лицо, заменяющее другого, подлежащего наказанию, изгой, сволочь, мерзавец // бур. $\ddot{a}l\ddot{u}$ 'выкуп', як. толук 'выкуп'.

Монг.-писм. $\ddot{a}d\ddot{a}n\ddot{a} \sim \ddot{a}d\ddot{a}n\ddot{a}$ 'вне, снаружи, вон' ~ $\ddot{a}d\ddot{a}n\ddot{a}$
'ходить, наклонившись бочком (ср. халх. $\ddot{a}d\ddot{a}n \sim$ ойр. писм. $\ddot{a}d\ddot{a}$ и т.д.) = монг.-писм. $\ddot{a}d\ddot{a}r$ > халх. $\ddot{a}d\ddot{a}r$
Ср. як. хаджа, хаджа, хаджа 'бок, боковая и хаджа 'расматываться в ширь (о нартах и другом).

Спорадически в монг. отмечаются случаи монг.-писм. $\ddot{a} \sim \ddot{e}$ < $\ddot{a} \sim \ddot{e}$ ⁴.

¹ Е. И. У б р я т о в а . Указ. соч., стр. 67.

² С. К а з и з и н с к и . Указ. соч., стр. 44.

³ Б. Я. В л а д и м и р ц е в . Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия, Ленинград, 1929, стр. 397.

⁴ Там же.

МОНГ.-ПИСЬМ. ejen < *eden 'хозяин, владыка'
 Тюрк. орх. idi, уйг. ide ~ idi
 Як. itɬi (= ipɬi, iɬi) 'владелец, хозяин, дух-властитель'
 кыаја 'оторочка, кант' // кыјаар 'предел, граница'
 Тюрк. уйг. qidiɣ, др. т. qidiɣ 'край, заграница, берег реки'
 Як. кыјна=кыјна 'край, грань горы, место над пропастью'
 Кыјаар= кычаар, кујаар 'неизвестная даль, окраина'.

Непоследовательность в восприятии якутским языком монгольских *d-* и *t-* может быть объяснена одновременностью контактов и теми изменениями, которые произошли в самом монгольском языке. Возможно, что анлаутный *d-* является результатом монгольско-тюркского двуязычия какой-то группы предков якутов. Стабилизации анлаутного *d-* могло способствовать то, что на якутский язык переходили большие группы эвенков, а для эвенкийского языка начальный *d-* обычен. Интересно, что мало отразившись в бытовой лексике, анлаутный *d-* очень характерен для звукоподражательных и образных слов и для собственных имен, особенно исторических и сказочных, причем некоторые из них не имеют монгольских параллелей. Например: Дыгын, Тыгын сын Эр Эллий-а¹.

¹ Н. К. Антонюв. Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск, 1972, стр. 109.

Б.В.Болдырев

**ФОНЕТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СУФФИКСА
КОСВЕННОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В
ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ ЯЗЫКАХ**

Категория косвенной принадлежности выражается специальным суффиксом, который в рассматриваемых нами языках имеет форму:

эвенкий- ский	эвен- ский	неги- даль- ский	нанай- ский	ульч- ский	орок- ский	ороч- ский	удэгей- ский
-у(и)	-у	-уи	-уи/-уу	-уу	-уу	-уи	-уи (-уи/-уу)

Нетрудно заметить, что по форме суффикса косвенной принадлежности рассматриваемые языки можно разделить на три группы. В языках первой группы (эвенкийском, эвенском, негидальском) интересующий нас формант имеет форму -у(и) или -у, а если признать, что соединительный гласный в состав суффикса не входит, то последний для первой группы языков имеет единую форму -у.

Как показывают наблюдения, соединительные гласные в эвенкийском, эвенском и негидальском языках появляются только в тех случаях, когда образуются недопустимые сочетания согласных. I)

I) Б.В. Болдырев. Категория косвенной принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Новосибирск, 1971, стр. 90-92, 94-96.

Иная фонетическая структура суффикса косвенной принадлежности во второй группе языков — нанайском, ульчском и орокском.

В нанайском языке суффикс косвенной принадлежности подчиняется гармонии гласных, которая состоит, как известно, в том, что "в пределах одного слова употребляются гласные лишь одной из двух серий"¹⁾. В первую серию входят гласные *і, а, о*; во вторую — *и, э, у*.

Если в состав слова входят гласные первой серии, то это слово может быть оформлено суффиксом *-но*; если в состав слова входят гласные второй серии, оно оформляется суффиксом *-ну*. Например: *Буэ паталаунозіно* "с нашей девушкой", но *Буэ мэрэууууу*. "наш герой".

Т.И. Петрова не отмечает изменения суффикса косвенной принадлежности ульчского языка по гармонии гласных, сообщая лишь о том, что "суффикс *-ди* с притяжательными окончаниями встречается обычно тогда, когда надо отметить то, что предмет добыт или каким-либо другим образом освоен данным лицом"²⁾. Об изменении показателя косвенной принадлежности в этом языке по гармонии гласных сообщается в исследовании О.П. Суника³⁾. Единая форма (*-ну*) рассматриваемого форманта отмечена и в полевых записях В.А. Аврорина⁴⁾. В подавляющем большинстве примеров, приводимых Т.И. Петровой, суффикс косвенной принадлежности имеет единую форму, что свидетельствует об утрате последним способности изменения по гармонии гласных.

По сообщению Т.И. Петровой, не подвержен влиянию закона гармонии гласных показатель косвенной принадлежности (*-ну*) и в орокском языке⁵⁾. Однако, иллюстративный мате-

1) В.А. Аврорин. Грамматика нанайского языка, т. I, М.-Л., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 41.

2) Т.И. Петрова. Ульчский диалект нанайского языка. Л., Учпедгиз, 1936, стр. 35, 39.

3) О.П. Суник. Ульчский язык. Сб. "Языки народов СССР", т. V, Изд-во "Наука", Л., 1968, стр. 154.

4) Личный архив В.А. Аврорина.

5) Т.И. Петрова. Язык ороков (ульча). Изд-во "Наука", Л., 1967, стр. 39.

риал, приведенный в исследовании Т.И. Петровой, обнаруживает, что форма косвенной принадлежности выражается в рассматриваемом языке суффиксом, изменяющимся по гармонии гласных (-но / -ну). Например: *Тар соримари, оркимба нарре эси вара битичи, нохи масицхори, ба-жанцхори вари битичи.*

"Враждуя, они слабых людей не убивали, старались убить сильного (своего), богатого (своего)".

Отмечен суффикс косвенной принадлежности в форме -но и в наших материалах. Например: *Киндзи долбо чипалда бу пакацхоро*. "Собаки сожрали ночью нашу печень".

Выше-приведенные примеры свидетельствуют о том, что до настоящего времени в орокском языке, также как, по-видимому, и в ульчском, суффикс косвенной принадлежности продолжает в отдельных случаях подвергаться влиянию гармонии гласных, постепенно вытесняясь единой формой -ну, что объясняется, по всей вероятности тем, что в области гласных в орокском, так же как и в ульчском языке, по сравнению с на-найским, наблюдается более энергичная лабиализация: "в ульчском и орокском имеем -у - там, где в на-найском -о- (закрытое)"¹⁾.

Наконец, в третьей группе языков, орокском и удэгейском, суффикс косвенной принадлежности имеет форму -чи. Е.Р. Шнейдер и О.П. Суник сообщают, кроме того, что в удэгейском языке названный формант может иметь форму -чу²⁾. Ни тот, ни другой исследователь, однако, примеров с употреблением суффикса -чу - не приводят. В наших материалах суффикс косвенной принадлежности чаще всего имеет вид -чи. Например: *Има¹аду кэптэ¹эни бу тукгацхи*. "В снегу лежали наши зайцы"; Ни эй *уль¹эцхивэни*? "Чье это мясо?" ; *Ути¹эту адицхити бисэ сэу-ни аланджа*. "Их дочь была очень красивой".

1) Т.И. Петрова. Язык ороков..., стр. 15.

2) Е.Р. Шнейдер. Краткий удэгейско-русский словарь с приложением грамматического очерка. Л., Учпедгиз, 1936, стр. 101; О.П. Суник. Удэгейский язык. Сб. "Языки народов СССР", т. V, Изд-во "Наука", Л., 1968, стр. 216.

В редких случаях особого порядка суффикс косвенной принадлежности в удэгейском языке выступает в форме *-ну*. Например: *Бу ни хануууу* . "Наш волк"; *Бу не ханууу* . "Наш соболев"; *Бу ма раууу* . "Наш медведь". Подобная форма суффикса косвенной принадлежности, по всей вероятности, обусловлена губным сингармонизмом гласных, т.е. ассимилятивным влиянием на предшествующий гласный последующего губного гласного. Лишним подтверждением тому является и то обстоятельство, что эти же существительные могут быть оформлены и суффиксом косвенной принадлежности в форме *-ни*. Например: *Бу ни хануууу* . "Наш волк"; *Бу не ханууу* . "Наш соболев"; *Бу ма раууу* . "Наш медведь". Следовательно, считать, что в удэгейском языке существует две фонетические разновидности рассматриваемого формального показателя едва ли можно. Точнее было бы считать, что единый суффикс в особых комбинаторных условиях может употребляться в факультативном даже для подобных случаев чисто фонетическом варианте .

Следует отметить, что, несмотря на разнообразие вариантов суффикса косвенной принадлежности в рассматриваемых тунгусо-маньчжурских языках (*-у* , *-ни* , *-уо* / *-уу* , *-ну*), это генетически один и тот же суффикс. Доказательством тому могут послужить следующие факты:

а) Начальный согласный показателей косвенной принадлежности в рассматриваемых языках является одним и тем же. То, что звуку *-у* — одного тунгусо-маньчжурского языка во всех других рассматриваемых языках, как правило, соответствует тот же *-у* — отмечается в исследовании В.И. Цинциус¹⁾.

б) Ранее уже отмечалось, что в составе суффикса косвенной принадлежности северной группы тунгусо-маньчжурских языков (эвенкийском, эвенском и негидальском) гласный отсутствует вообще или является соединительным, в то время как в языках южной группы (нанайский, ульчский, орокский,

1) В.И. Цинциус. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Учпедгиз, Л., 1949, стр. 239-240.

орочский, удагейский) наличие гласного (-и- или -у-) в составе суффикса косвенной принадлежности является обязательным. К этому в основном и сводится главное различие в фонетической структуре суффикса косвенной принадлежности языков северной и южной групп. Рассматриваемая фонетическая закономерность - наличие гласного (о, у, и) в конце слов южной группы языков и его отсутствие в соответствующих словах северной группы языков является довольно распространенной и охватывает значительное количество слов и некоторых формальных показателей. Как отмечает В.И. Цинциус, "редукция, а затем и отпадение (апокопа) или выпадение (синкопа) нормальных (недолгих) гласных в тунгусо-маньчжурских языках - характернейшая особенность северной подгруппы" этих языков. "Самым общим и самым ранним для этой подгруппы следует, как нам кажется, считать отпадение и выпадение узких гласных -и-, -у- - первых слогов"¹⁾, - заключает автор. Названную фонетическую закономерность В.И. Цинциус подкрепляет значительным иллюстративным материалом:

эвенк. *ади* "сеть", эвен. *ада*, нег. *аде* ||
 ороч., орок. *ади*, нан. *ади*, уд. *ади* ;
 эвенк. *ди* "голова", эвен., нег. *де* || ороч.,
 нан., уд., орок. *ди* ;
 эвенк. *бэ* "лук для стрельбы", нег. *бэ* || ороч. 2)
бэ, уд. *бэ*, орок. *буриккэ*, нан., ульч. *бури*."

Фонетически закономерным является соответствие гласных -о-, -у- в суффиксе косвенной принадлежности нанайского, ульчского и орокского языков гласному -и- ороцкого и удагейского языков. Например:

нан., ульч. *хэу* и "ветер", орок. *хэу* || уд.
эди, ороц. *эди* ;
 нан. *чиючун* "палец", ульч. *чиючун* || ороц.
чидака, уд. *чила* "палец";

1) В.И. Цинциус. Сравнительная фонетика..., стр. 125.

2) То же, стр. 129.

нан., ульч. *туклэн* "гвоздь", орок. *туклэ* || уд.
туклэ, ороч. *тилэ* ;
 нан., ульч. *тудрэн* "груздь", орок. *тунэ* || уд.,
 ороч. ;
 нан., орок. - "падагъ", ульч. уд. *тиу* -
мэ, ороч. *ти* -;
 нан., ульч., орок., *тудгэ* "дождь" || уд.,
 ороч. *тилгэ* ;
 нан. *мужки* "змея", ульч., орок. *муж* || уд. *мйки*,
 ороч. *мйки* ;
 нан. -ко/ -ку - суффикс формы обладания, ульч. - *чу*,
 орок. - *му* *о* - *муж* || уд. - *хи*, ороч. - *ки* *о* - *ки*;
 нан. - со/ - *су* - суффикс вида длительности, орок.
 - *со* || уд. - *си*/ - *си*, ороч. - *чи* *о* - *си*;
 нан. -го/ - *гу* - суффикс вида повторного действия,
 ульч. - *жй* / - *жй*, орок. - *до*/ - *ду* || уд. - *гй* / - *гй* ;
 нан. -ло/ - *лу* - суффикс вида начала действия,
 ульч. - *ло*/ - *лу*, орок. - *лу* || уд. - *ли*/ - *ли*, ороч. - *ли*.

Таким образом, различия в огласовке суффикса косвенной принадлежности ульчского, нанайского, орокского языков с одной стороны, а ороцкого и удэгейского с другой, являются закономерными, не выходящими за пределы фонетических закономерностей внутри рассматриваемой южной подгруппы тунгусо-маньчжурских языков.

Существующие различия в огласовке суффикса косвенной принадлежности северной и южной подгруппы интересующих нас языков также не должны вызывать сомнений в генетической общности рассматриваемого суффикса. В.И. Цинциус уже давно установлен "факт соответствия узких негубных -и-, -е- северной подгруппы узким губным -у-, -у(о) - южной подгруппы"¹⁾. При этом автор сообщает, что при рассматриваемом соответствии "языки ороцкий и удэгейский примыкают к северной подгруппе"²⁾. Фонетическая структура показателей

1) В.И. Цинциус. Сравнительная фонетика..., стр. 92.

2) Там же.

косвенной принадлежности орочского и удэгейского языков является лишним свидетельством регулярности рассматриваемой фонетической закономерности.

И, наконец, закономерным является соответствие сочетания звуков - *у* - в суффиксе косвенной принадлежности нанайского и ульчского языков звуку - *у* - того же суффикса в других тунгусо-маньчжурских языках. Названное фонетическое соответствие прослеживается в значительном числе рассматриваемых языков:

нан., ульч. *соуо* - // эвенк., нег., ороч., уд. *соо* -, эвен. *хоу* - "плакать";

нан., *сапар*, ульч. *сапам* // эвенк. *саӯар*
эвен. *каӯар*, нег., ороч., уд., орок. *саа* "отверстие, дыра, яма";

нан., ульч. *моӯрон* // эвенк., нег. *моӯон*, уд. *моӯом*, орок. *моӯо* "шея".

Следовательно, основное различие формантов косвенной принадлежности в рассматриваемых языках сводится к наличию (южная подгруппа) или отсутствию (северная подгруппа) гласных в их составе. Но, как известно, в языках северной подгруппы после суффикса косвенной принадлежности в особых комбинаторных условиях может появляться соединительный гласный. В.И. Цинциус, занимавшаяся сравнительным изучением фонетики тунгусо-маньчжурских языков, по поводу рассматриваемого гласного пишет следующее: "Как известно, соединительным гласным называется лишенный какой бы то ни было самостоятельной морфологической и семантической значимости гласный, который появляется в тех случаях, где при стыке одних морфем с другими говорящие, например, по-эвенкийски или по эвенский, стремятся избежать стечения согласных, непривычного по сложившимся нормам сочетания звуков. Как это было показано выше, соединительный гласный должен рассматриваться ... как сохранившийся в данной форме слова гласный основы или корня или суффикса"¹⁾. Следовательно, суффикс косвенной принадлежности северной подгруппы тунгусо-маньчжурских языков гене-

1) В.И. Цинциус. Сравнительная фонетика..., стр. II9.

тически восходит к * -*чи* (эвенкийский и негидальский языки) или * -*ча* / -*чэ* (эвенский язык).

Можно прийти к заключению о том, что различия в фонетической структуре показателей косвенной принадлежности языков тунгусо-маньчжурской группы обусловлены закономерными фонетическими соответствиями и генетически восходят к одному и тому же формальному показателю.

Л.М.Бродская

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ МОРФОЛОГИИ
ЧИРИНГДИНСКОГО ГОВОРА ЭВЕНКИЙСКОГО ЯЗЫКА.

Настоящая статья не представляет собой систематического описания чирингдинского говора, в ней обращается внимание лишь на некоторые, не зарегистрированные в других говорах особенности его морфологии. I/

Чирингдинский говор принадлежит к илимпийскому диалекту северного наречия эвенкийского языка. Как и другие говоры этого диалекта, он характеризуется спирантностью /хаконьем/, наличием неассимилированных сочетаний согласных лд и нд и особой формой количественного числительного второго десятка. 2/ Однако, от других говоров илимпийского диалекта его отличает ряд особенностей, которые частично будут описаны в данной статье.

I/. Для этого говора характерна недифференцированная в грамматическом отношении глагольно-именная основа аң. Она не имеет определённого лексического значения, но, принимая то или иное глагольное или именное оформление, может заменять любые глагол и имя. Как суще-

1/ Настоящая статья написана на основании материалов, собранных автором в августе 1968г. в посёлке Чирингда Эвенкийского нац. округа Красноярского края.

2/ Эти признаки положены в основу классификации диалектов эвенкийского языка Г.М.Василевич. См. Г.М.Василевич "Очерки диалектов эвенкийского языка", Л, 1948, стр. 14

ствительное, основа ау- может быть оформлена суффиксами числа, падежа, лично- и возвратно-притяжательными суффиксами. Как глагольная основа, она может иметь суффиксы любого вида и залога, от неё могут быть образованы все формы причастий, деепричастий, глагольных наклонений. Основа ау- в глагольном или именном оформлении употребляется в тех случаях, когда из контекста или ситуации совершенно ясно значение заменяемого ею слова или когда говорящий затрудняется в подборе соответствующего слова. В последнем случае он сначала употребляет основу ау- в определённой форме, а затем — нужное слово в той же форме. Примеры: Уи аудуи тэгэтчэрэн? 'Кто в этом своём сидит?' / Из контекста ясно, что речь идёт о лодке. Рассказчик вместо дэвдэуи 'в своей лодке' сказал аудуи, т.к. слушателям хорошо понятно, о чём идёт речь. / Аутки микчаса 'Бросился к этому'. Тадук ажилтын / лукилтын / манавсал 'Затем эти самые / стрелы / кончились'. Бэеткэнмэ каланди ауча 'Мальчика котлом накрыл'. / Ауча 'это сделал' заменяет здесь сказуемое дасса 'накрыл', однако текст хорошо знаком слушателям, и значение заменяемого слова легко восстанавливается. Бээлдук туксандаи ажилдан 'От мужчин убежать задумал'. Аудай некэссэсэ. 'Собирался сделать это.'

2/ Прилагательные превосходной степени в этом говоре образуются при помощи сокращённого суффикса -дыг / дыг<ды+гу /, независимо от основы прилагательного, к которому он присоединяется. Например: Аядыгеи каробаи хигрэн 'Свою лучшую корову ободрал'. Хурукэним, хуедыгви омонгии эмэсэ 'Уйдя, оставил своего младшего сына'. Хуедыгив ахаткэм егиси бисэн. 'Моей младшей дочери было девять лет.'

Прилагательные хэгды 'большой' и хагды 'старый', имеющие в основе мёртвый суффикс -ды, образуют превосходную степень посредством суффикса -г: Хэгдыгин омонгин хурусэ 'Его самый старший сын утёл'. Хагдыгитын-амин 'Самый старший из них - мой отец'. По-видимому, при этом происходит опрошение основы: мёртвый суффикс основы ды- и суффикс -г по аналогии с другими словами осознаётся как суффикс превосходной степени -дыг.

Прилагательные превосходной степени в говоре употребляются обычно с притяжательными суффиксами.

3/ Г. М. Василевич отмечает два варианта этого суффикса, в зависимости от основы прилагательного: ткү - для основ, оканчивающихся на гласный и -дыгу - для основ, оканчивающихся на согласный. См. Г. М. Василевич

3. Личное местоимение 3 лица множ. числа нунартын 'они' во всех косвенных падежах, кроме винительного, имеет основу, оканчивающуюся на н: нуандутын 'у них' нуандулатын 'к ним' и т. д. В других же говорах при склонении сохраняется основа нунар. Основу нунан имеет также притяжательное местоимение 3 лица множ. числа нунантитын 'их'. /Ср. нунартитын в других говорах/. Примеры: Нуандутын омонгитын бисэ 'У них был сын'. Инкитытын нунантитын бисэ фактория Агата. 'Жили они на фактории Агата'. /Местом их житья была фактория Агата/.

4/ Широко употребительным является местоимение хувул 'весь, все', соответствующее по значению местоимению упкат, распространенному в большинстве диалектов, а также в литературном языке. 4/

Местоимение хувул в чирингдинском говоре употребляется как самостоятельно, так и при имени существительном. В последнем случае при участии этого местоимения образуются определительные словосочетания. Эти словосочетания находятся, по-видимому, в процессе развития, т.к. строятся они разными способами и характер синтаксических связей между их компонентами не однотипен. Собранные материалы позволяют выделить три модели определительных словосочетаний. Общими для всех них являются следующие два признака: 1/ наличие у местоимения падежного суффикса, который связывает его с определяемым словом по способу согласования, 2/ Наличие у местоимения притяжательного суффикса. Однако, как будет показано, значение и синтаксическая функция этого суффикса во всех трёх случаях различна.

а/ В определительных словосочетаниях первого типа оба компонента соединены по способу отражения и согласования. Например: Бээд-ба хувулбатын ватча. 'Всех людей поубивал'. 'Аробава хувулбан деврэн' 'Всю корову съела'. В конструкциях этого типа каждый из компонентов является одновременно и главным, и зависимым, т.е.

"Очерк грамматики эвенкийского /тунгусского/ языка", стр. 77.

О.А. Константинова в полигусовском говоре зарегистрировала три варианта суффикса превосходной степени: -дыт/-дыгу/-дыву, причём употребление того или иного варианта в этом говоре, по-видимому, не обусловлено основой прилагательного. См. О.А. Константинова "Эвенкийский язык", Наука, М.-Л, 1966, стр. 107.

4/ В эвенкийско-русском словаре под ред. Г.М. Василевич слово упкат приводится без особых помет, указывающих на его распространение в том или ином диалекте. /См. стр. 449/ Местоимение хувули/хули/ зарегистрировано Г.М. Василевич только в илимпийском диалекте. /См. стр. 489, 493/

определяемым и определением. Например, в словосочетании "баелба хувулбатын" местоимение хувул имеет отвлечённое значение "цельность, общность" 5/ и связано со словом баел 'люди' по способу отражения, посредством лично-притяжательного суффикса -тын 'их'. В этом своём значении оно является главным, определяемым членом словосочетания. В то же время это местоимение согласуется с "баелба" в винительном падеже, то есть является по отношению к этому существительному определением. Обращает на себя внимание тот факт, что в конструкциях этого типа местоимение хувул стоит после определяемого существительного, т.е. в той позиции, которую в определительных словосочетаниях, построенных по способу отражения, занимает обычно определяемое слово. Ср. амака дун 'дедушкин чум'.

б/Зарегистрированы также словосочетания, в которых местоимение хувул, будучи определением, согласуется с определяемым словом в форме падежа и притяжания, связи же по способу отражения в таких словосочетаниях нет. Например: Хувулби байби нуандун давдасав. 'Всё своё богатство ему проиграл'. Хувулбас ооробос манадянав. 'Всех твоих оленей прикончу'. Здесь притяжательный суффикс местоимения хувул только дублирует лично- или возвратно-притяжательный суффикс определяемого слова, а не отражает его лицо. /Ср. связанные по способу отражения словосочетания "ба'би хувулбан", "ооробос хувулбатын". / Как видно из приведённых примеров, в этих словосочетаниях нет двусторонней синтаксической связи, какая была отмечена в конструкциях первого типа и благодаря которым каждый компонент является одновременно и главным, и зависимым. Напротив, местоимение хувул в рассматриваемых словосочетаниях дважды согласуется с определяемым словом: в падеже и лице обладателя. Это отражает и порядок слов: местоимение хувул здесь всегда предшествует определяемому слову, как обычно любое определение в эвенкийском языке. /Ср. омакта ду 'новый чум' /.

в/Наконец, третий и наиболее распространённый тип определительных конструкций с местоимением хувул - согласование его с определяемым существительным в падеже и оформление суффиксом 3 лица единственного числа -н, который не выражает никакого грамматического значения и никак не связывает компоненты конструкции между собой.

Например: Денгилба хувулбан гатканимил, хурусэл. 'Забрав все деньги, ушли'. Гэлэкэл хувулбан дядукив орорбов. 'Проси всех моих оленей'. /Ср. построенные по способу отражения конструкции "денгилба хувулбатын", "орорбов хувулбатын"./

Местоимение хувул может употребляться и самостоятельно, в любом падеже и с любым притяжательным суффиксом. Например: Хувули-вун нулгирэв тартыки. 'Все мы откочевали туда'. Умнэ, хэлэ, хувулбатын тавканим, улгусэнилчэ. 'Однажды, собрав их всех, стал рассказывать'. Притяжательный суффикс в этом случае указывает на опущенное лицо /или предмет/, а не на принадлежность к нему: хувули-вун — все мы, а не все наши.

5/. Для обозначения пространства, на котором совершается действие, наряду с послелогом в дательном падеже и чаще, чем они, употребляются послелог в беспадежной форме. Например: Вытка ојин горобо бирэв. 'Мы долго пробыли на вытке'. Атыркэн дэн гулэл дагитын. 'Чум старухи около домов'. /Ср. вытка оё-ду-н, гулэл дага-ду-тын, где -ду-суффикс дательного падежа./

6/. Широко употребительным является наречие эрэгэрит 'совсем, вовсе', не зарегистрированное в других говорах. Например: Лусадыва эрэгэрит эсэв хадера. 'Русский совсем не знала'. Эрэгэрит эвки умда бсэ. 'Совсем непыющий стал'.

7/П р и ч а с т и е.

а/Для обозначения наступления какого-либо времени года употребляется причастие на -кта в творительном падеже 3 лица, единственного числа от соответствующих глагольных основ: Дывактадин аминмун будэн. 'Летом /когда наступило лето/, наш отец умер'. Болоктодин, энинун нулгихинэв орордивар. 'Осенью /когда наступила осень/ мы с матерью откочевали на своих оленях'.

Зарегистрированы случаи употребления причастия на -кта и от других глагольных основ. При этом причастия могут иметь любую падежную форму. Например: Тадук пэктирэсэ, нэлэликтадуи. 'Потом в страхе выстрелил'. Дэр ахива бакаса, тар хуруктатни. 'С тех пор, как ушёл, встретил двух женщин'.

б/Причастие на -макта обозначает только что совершившееся действие. Это причастие бывает всегда в безличной форме и употребляется в составе сказуемого или в функции определения к существительному, согласуясь с ним в падеже и числе. Дюкэ булдынмакта бисэ.

лед только что образовался'. Нууан бултанāхисā элэкэс бурумэктэдү хиңилгэндү. 'Он отправился на охоту, когда только что выпал снег.'

в/Так же, как и в некоторых других говорах илимпийского диалекта, в чирингдинском говоре широко представлена форма причастия на -дйк, обозначающая давно прошедшее действие. Однако, в отличие от большинства других говоров, здесь это причастие может употребляться и в функции сказуемого простого предложения. Например: Нууан талā балдыдякин. 'Он там родился'. Аминмас вадякити бзетыл. 'Твоего отца убили людоеды.'

г/Отрицательная форма безлично-долженствовательного причастия на -вкa, образующаяся, как и все отрицательные глагольные формы в эвенкийском языке, аналитическим способом, характеризуется следующей особенностью: причастие на -ра, входящее в состав аналитической формы, образуется от основы безлично-страдательного залога с суффиксом -в. Утвердительная же форма причастия на -вкa образуется от основы действительного залога. Например: Эвкa хууту ахилā гиркувра. 'Нельзя ходить к другой женщине'. Советской человекпa эвкa ху-диврэ, экэлдү худирэ. 'Советского человека нельзя судить, не судите'. /Ср. гиркувка 'надо ходить', худивкa 'надо судить', где суффикс причастия -вкa прибавляется непосредственно к основе действительного залога./

д/Распространено в говоре употребление винительного падежа причастий в функции сказуемого простого предложения. В таких случаях причастие принимает дополнительную эмоционально-экспрессивную окраску. Эту форму употребляют, если хотят привлечь к сообщаемому факту особое внимание слушающих. В фольклорных текстах причастие в винительном падеже в функции сказуемого встречается в прямой речи. Например: "Э-э! Сарсикан капканду таганаван!" /Вот это да! /Сарсикан попался в капкан! "Кэ! Инектэдеривэн!" /Смотри-ка! Смеётся! /^{6/}

8/Деепричастие.

а/В данном говоре, как и во всех говорах илимпийского диалекта, разновременным деепричастием является форма на -кāним. В большинстве случаев эта форма согласуется в числе со сказуемым и подлежащим, однако иногда согласование отсутствует. Например: Дыли нзэ -

^{6/} С суффиксом винительного падежа, придающим высказыванию экспрессивную окраску, могут употребляться не только причастия, но и существительные. Последние в таких случаях представляют собой самостоятельные, одноставные восклицательные предложения: Олива! 'Ворон! Агдыва! Гром!'

кәнимил, бирава Лаҗава истав. 'Пройдя по горе, мы достигли реки Лаҗа. Дептылэлэвэр гакәним, хурурәв. 'Взяв еду, ушли.' В первом предложении деепричастие кәнанкәнимил 'пройдя' имеет форму множественного числа, во втором-деепричастие гакәним 'взяв', употреблено в единственном числе. Сказуемое же в обоих предложениях выражено глаголом множественного числа.

б/Наряду с деепричастием на -кәним, а также с общеэвенкийской формой на -ми, употребляется не зарегистрированное в других говорах деепричастие на -нни, выражающее действие, предшествующее главному. Дяпкун анҗаниси бнни, йм школа. 'Достигнув восьми лет, поступила в школу.' Мананни насалнай школава, хурусэв Турула. 'Окончив начальную школу, поехала в Туру.' Давдалинни карталди, хатанава эривки бисэ. 'Начиная проигрывать в карты, он звал сатану.'

в/Деепричастие предела на -кнан в речи некоторых эвенков употребляется без возвратно-притяжательных суффиксов. Например: Дяндук тунҗаси бкнан, кәхәдесэв. 'Пока не достиг пятнадцати лет, мучился.' Ср. бкнан-ми 'пока сам не достиг'.

г/Условно-временное деепричастие от основы глагола-связки би- 'быть' имеет суффикс -хик, а от основы глагола-отрицания э- 'не быть'- суффикс -рәк. Например: Этәдеуэл ваттэ бихикихун, хуладеуав. 'Если вы перестали разбойничать, то я оставляю вас /в живых/. Хи әдемчәс, эрәкив би бихи. Ты бы спал, если бы не я /если бы не было меня/.

д/Распространено в говоре употребление формы на -дя в значении деепричастия цели. 7/ Это деепричастие образуется только от двух типов глагольных основ: 1/ от вторичных основ, образованных посредством суффикса -на и обозначающих движение с целью совершить какое-то действие /демнэ- 'пойти есть', хавалнә- 'пойти работать'/, 2/ от глагольных основ, образованных от существительных посредством суффикса -лә и обозначающих движение за чем-либо /мәлә- 'пойти за дровами', мүлэ- 'пойти за водой'/.

7/ Эта форма зарегистрирована исследователями в разных диалектах и описана как "именная глагольная форма" /См. Р. И. Василевич "Эвенкийско-русский словарь", стр. 755/ или существительное /См. О. А. Константинова, Указ. соч. стр. 89/, обозначающие лицо по совершаемому им действию.

Деепричастие цели на -дя относится к числу безличных. Субъект действия, выраженного этим деепричастием, совпадает с субъектом предложения, выраженным подлежащим. Если подлежащее во множественном числе, то деепричастие принимает суффикс множ. числа -л.

Сказуемое в предложениях с деепричастием на -дя выражено всегда глаголом движения. Примеры: Тадук аминин хурусэ, бултанаде. 'Потом её отец ушёл охотиться.' Харукин бивки, да эмэвки, тэпкэ-нэде. 'Бывает пьяный и приходит кричать.' Тырга хурурав, фотографир-елва онадел. 'Днём пошли делать фотографии.' Нууан Турула эмэсэ, дептылэлэде 'Чирингдадук. 'Он приехал в Туру из Чирингды за продуктами /чтобы привезти продукты/.

е/Распространённое во всех диалектах эвенкийского языка деепричастие предшествующего действия на -чāлā/-сāлā употребляется и в Чирингдинском говоре. Однако, форматив -чāлā/-сāлā носителями говора, по-видимому, ещё не осознаётся как единый суффикс. Об этом свидетельствуют примеры типа: Би балдысāв, война этэвсэ-кэлэн. 'Я родилась сразу после того, как кончилась война, где суффикс кэ < кэн, имеющий уточняющее значение, находится между компонентами сэ и лэ деепричастия этэвсэкэлэн как только кончилась.'^{8/}
9. Г Л А Г О Л.

а/ Наряду с формой I лица множ. числа /вкл./ повелительного наклонения на -гат/-кат/-ват, в говоре распространена форма повелительного наклонения на -лдэп в значении побуждения к немедленному совместному совершению действия. Например: Ахилдэп! 'Давай спать!' Хурулдэп! 'Пойдём!' /Ср. а́скāt, хурувэ́т/ Эта форма омонимична глаголу I лица множественн. числа настоящего совершенного времени изъявительного наклонения от основы вида начала действия. /Ср. хурулдэп 'мы/пошли', ахилдэп 'мы/заснули'/ По-видимому, это совпадение не случайно. Повелительное наклонение на -лдэп является каль-

8/ Это деепричастие восходит к местному падежу причастия прошедшего времени на -ча /ча + ла>чала. Как местный падеж именной глагольной формы на -ча рассматривается оно Г. М. Василевич. /См. "Грамматика...", стр. 66 /По мнению других исследователей, форма на -чала это деепричастие, обособившееся от параклимы причастного склонения и закрепившее за собой определённое значение. /См. О. А. Константинова. Указ. соч., стр. 213 В пользу этой точки зрения говорит тот факт, что личные формы причастия на -ча в современном языке утратили способность склоняться и получили глагольное употребление.

кой русского глагола прошедшего времени множественного числа, употреблённого в значении повелительного наклонения: Пошли! Начали! Отнесённость побуждения к собеседнику /собеседникам/совместно с самим говорящим, которая в русском языке выражена только соответствующей интонацией, в связи с отсутствием у глагола прошедшего времени личного оформления, в эвенкийском языке выражена личным суффиксом I лица множ.числа /вкл./ -ц.

б/В значении утвердительного предположения может употребляться отрицательная форма наклонения вероятности, наряду с утвердительной формой. Например: Ургэпчу энэн биhi. 'Наверное, тяжёлое.' Эркэ хавалдыра. Туруду. 'Наверное, работает в Туре.' Отрицательная форма по сравнению с соответствующей положительной /ургэпчу бинэн, хавалдырка/ выражает большую степень сомнительности предположения

в/ В разговорной речи распространены отрицательные глагольные конструкции, в которых форма на -ра знаменательного глагола предшествует отрицательному глаголу э-. Например: Гүлэду тыпира эсэ 'В доме не дымит'. Эхи-тэ бүра энэн? 'Сейчас-то, наверное, дал?' Бүдэ аран эсэв. 'Её не умерла'. Би эра-да эсэв. 'Я ничего не делала'. В повествовательной речи аналитические отрицательные конструкции строятся в обычной последовательности.

г/В отрицательной форме глагола прошедшего времени множественного числа I и 2 лица, наряду с личным суффиксом, обычно сохраняется именной показатель множественного числа -л: бу эсэ-л-вун икэдэра 'мы не пели', ху эсэддун икэдэра 'вы не пели'. Этот суффикс не зарегистрирован в соответствующих утвердительных формах: икэде-сбэун, икэдесэхун.

Рассмотренные в данной статье особенности морфологии не исчерпывают своеобразия чирингдинского говора, который заслуживает более полного и всестороннего исследования и описания. Такое исследование будет проведено в дальнейшем.

Э. И. Белимов

ФУНКЦИИ И ЗНАЧЕНИЕ ИНФИНИТИВА В КЕТСКОМ ЯЗЫКЕ

Инфинитивом в кетском языке мы называем простейшую по своей морфологической структуре форму глагола, обладающую значением имени действия и способную спрягаться, т.е. принимать показатели времени, объекта, лица и числа субъекта действия. Кетский инфинитив выполняет разнообразные именные и глагольные нагрузки. Большинство инфинитивов могут регулярно употребляться в функции существительного, прилагательного, собственно инфинитива в составе сложного сказуемого, а также служат определяющей подосновой многих лично-временных форм глагола (1).

Настоящее исследование выполнено на базе материалов, собранных экспедициями Томского пединститута (75 томов). В качестве примеров использованы главным образом отрывки из опубликованных кетских сказок и других текстов. Места их записи указаны в сокращенной форме (2).

В ряде случаев определить функцию инфинитива в кетском предложении оказывается трудным и вообще невозможным, поскольку части речи в языке кетов еще недостаточно осмыслены как самостоятельные логические категории языка и поэтому слабо противопоставлены друг другу: ср. бак. ас'ка ть⁰:л' де имбес, амдинга оУон 'когда мороз наступил, он к матери пошел'; ть⁰л'-банг 'мерзлая земля'; ат ть⁰л' баУоУон 'я мерзнуть начал'. Таким образом, слово ть⁰л' может означать 'мороз', 'мерзлый, холодный' и 'мерзнуть'. Подобных примеров достаточно много; по этой причине мы считаем изложенную выше классификацию функций инфинитива до известной степени относительной.

Будучи именем, инфинитив в кетском языке широко употребляется вместо, вероятно, отсутствующих в языке специальных существительных, служащих названиями действий, явлений и процессов. В функции существительного (имени действия) инфинитивы могут определяться притяжательными местоимениями и прилагательными, при этом в предложении они часто выполняют роль подлежащего, например: вор. тай са:р хан ситајах 'морозная ночь пусть будет' (са:р 'ночевать, ночь, ночевка'); сул. ъ⁰тна тымсей аси бимбетта 'тихо говорим, но все равно слышно будет' букв. 'наш тихий разговор будет раздаваться' (тымсей 'тихо разговаривать', 'тихий разговор').

В роли подлежащего инфинитивы часто употребляются с глаголом 'заканчиваться', 'переставать'. В качестве подлежащего при этом глаголе встречаются и обычные существительные: ср. сул. аУтул' кынг бинУут 'ложбина кончилась'; бак. ъ⁰:к ко:дас аб у бинут батпин 'вы вчера, когда я устал (букв. моя сила кончилась), спрашивали'.

Объектная связь при переходном значении инфинитива осуществляется как аналитически (посредством аффиксов принадлежности), так и синтетически — посредством слияния объекта действия с инфинитивом в одну словоформу, например: сур. ть⁰?танг бинут 'соль таскать кончил' (букв. таскание соли кончилось), пак. е:нул'бе:дъ бинуУут аттес' т кайнем 'закончив делать колотушку (букв. делание колотушки кончилось), взял пальму'; сул. кондий бинУут 'укладывание пихтовых веток закончилось', сул. боУул'до бинут 'винопитие кончилось', сул. кай да сактет бинут 'лось перестал топтать' (букв. топтание лося закончилось), кет' бур'а елангбет бинут 'человек перестал дышать' (букв. человека дыхание кончилось).

Выполняя роль существительного, инфинитив нередко выступает в предложении в функции второстепенного члена (дополнения или обстоятельства): сур. док ко лык бу даУауен 'на всю жизнь он ему пушнины дал' (док 'жить, жизнь'), сул. тоҕн' с'е:л' до?к диҕерак 'такую плохую жизнь я веду', ин' са:лын с'ес'тә 'две ночевки будет сидеть', сирисн уУ даУ комал' ангабдатвой 'твой смех земляные вдали слышат' (даУ 'смеяться, смех'), сур. токтат ад дейтулут кайдас игда 'бегом я спустился с горы' (токтат 'бежать, бег').

Отличительным признаком кетского имени действия как особой категории языка является его способность склоняться или иметь при себе послелог, связь с которым осуществляется через посредство родительного падежа. Склоняемостью обладает, вероятно, лишь ограниченный круг глагольных имен. Полной парадигмы их склонения нам получить так и не удалось. В приводимых ниже примерах между падежными аффиксами и инфинитивами для наглядности поставлен дефис: пак. һун' усен-дингал (исх.п.) сет'дитне 'дочь ото сна проснулась' (усен 'спать, сон'), сур. ат адин-дингел (исх.п.) донтол' и ад боУол'дын 'я из-за пота замерз и заболел' (адин 'потеть, потение'), пак. тунил' бу унут ассоно:-дингел' (исх.п.) ос'ка би:с' деаксак 'потом он однажды вечером идет домой с охоты (ассоно: 'охотиться, охота'), сул. сайдо-р кар'га (послелог) бис' дигбасол'-вита испыт денг 'после чаепития вечером пришли люди резать мясо' (с'айдо 'пить чай, чаепитие'), сул. ав дь⁰г-д угд' (послелог) акта ариУ сь⁰Уей⁰жо боУол'ден 'всю мою жизнь вы меня сильно мучили', сул. бу даУа-бес (продол.п.) каингни 'он сосмехом сказал', кел хь⁰йбаст-бас' (продол.п.) конаУан сесол'та 'сердясь сел, сидел'; сур. ангтет'-ка (мест.врем.п. сообщает глагольной форме наречное значение) кой сидаколедий 'с трудом ходить научились' (ангтет' 'мучиться'), сул. кь⁰йвес-ка т сас'ол'та 'сердясь сидел', кур. ?ал'бет-к'е бей оУоУан 'подул легкий ветер' (?ал'бет 'обманывать, обман'), сур. бу дам-данг (направ.п.) тамнангал' ке? кос'айдын 'он очень боится лая собак' (дам 'лаять, лай'), сул. там аска т⁰ти овас иско денг са:л-а:с (совм.оруд.п.) онгонден 'однажды мы с отцом пошли рыбачить с пачечкой', кел дылгит дуУ-ас' (совм.оруд.п.) ка кур' ул'дингал' иттангУонан! 'ребята с криком вытащили большую щуку'.

Именные черты инфинитива проявляются и в выражениях желания и долженствования со словом 'надо': сур. бь⁰н боУой ть⁰л'бес-еш'анг 'не хочу замерзнуть', сур. де ей-ес'анг бь⁰н анггой обуУон' 'убить его они не захотели', вор. и: хебданг ч'еттас-есанг даи-натурш'и 'солнце за месяц хочет замуж выйти', вор. баммаш' дей-ес'анг надь 'мою мачеху убить надо'.

Нетрудно заметить, что во всех предложениях с выражением желания инфинитив имеет приращение в виде морфемы -ес'анг.

Многие исследователи кетского языка уже уделяли внимание анализу роли и значения морфемы -ес'анг, однако до сих пор у кетологов нет единого мнения относительно того, чем же следует считать -ес'анг - служебным глагольным словом, формантом назначительного падежа, послелогом и т.д. По нашему мнению, формант -ес'анг вполне можно считать падежным окончанием.

В.А.Успенский считает -ес'анг формантом "назначительного падежа" (3). Специальное исследование в этом направлении провела М.Н.Валл, она приходит к выводу, что -ес'анг является "падежным аффиксом" (4). Со своей стороны, мы можем добавить, что в кетском языке, как показано у М.А.Кастрена, морфемы -асанг и -исанг были формантами аблатива (6). Примерно в таком же значении, как -асанг и -исанг в кетском языке употребляется -ес'анг в кетском языке, несмотря на это исследователи до сих пор не включают падежную форму на -ес'анг в парадигму склонения кетских существительных и местоимений.

Таким образом, инфинитив, оформленный падежным аффиксом -е'санг, можно рассматривать как супин, т.е. особого рода отглагольное существительное, которое, являясь косвенным дополнением при личной форме глагола, выражает цель действия и, подобно супину на -у в латинском языке, употребляется всегда в форме аблатива.

Супин в кетском языке образуется практически от всех инфинитивов и может употребляться как при переходных глаголах, так и при глаголах движения и состояния. Сохраняя черты глагола и имени, кетский супин часто имеет при себе прямое или possessивное дополнение (существительное в родительном падеже или притяжательное местоимение). На русский язык супин чаще всего переводится инфинитивом с 'чтобы' или без него: сул. нанбар' ил'гетин тавингай еингес'анг 'хлеб испекли на малую ходьбу' (чтобы на малую ходьбу идти), кур. ад какснавет еинг ес'анг 'я тороплюсь ехать', пак. ат товингий и:с' т⁰:нес'анг 'я велел сварить рыбу', сур. де'нг ку: д бокуситин а:тедес'анг а:т⁰т данггоУан 'люди угли зажгли, чтобы ковать, ковать начали'; сур. котак ес'анг оУ⁰а и:нус 'зимовать сюда приходи', сум. кимадинга б⁰н дасанил'гыт ас'кадннг ки'ес'анг 'бабушке не говорил сказки рассказывать', сур. денг

бейес'анг кагде кимн^а 'люди, чтобы меня убить за мной погнались'; пак. Бал'н^адангт^ь б^онсо:бун до?н' кыкт^ь кома д^он'тијес'анг 'у Балны не оказалось ножа, чтобы отскоблить ложку'.

В некоторых случаях морфема -ес'анг выражает процесс или регулярно повторяющиеся действия. Целевое значение при этом ослаблено или вообще отсутствует. Инфинитив в таких примерах может употребляться как с формантом -ес'анг на конце, так и без него: сул. асл'инингас' еингес'анг с'ь^о: овил'да 'на лодке было тяжело ехать', ср. пак. аслина:с' с'ь^о: обил'да еинг 'на лодке тяжело было ехать', сур. к^ьейес'анг нанга с'е:л' о:б^ьУон 'ходить им тяжело стало', сур. бу де итебет н^ьл'ийес'анг 'она сумеет сшить'.

Подобно другим падежным аффиксам -ес'анг может присоединяться к личным формам глагола, в частности, к форме настоящего времени: сур. асен'а диденг абынга актем ан диаксакес'анг 'хорошо мне слушать пение птиц' (диаксак 'слушаю'), сум. ил'ынг каддиУат' книшка дибдит'ес'анг кайним 'после еды я книжку читать взял' (дибдит' 'читаю это'), сур. до:бди ак ду:бес'анг 'ему отдал, чтобы он съел'.

Глагольные черты кетского инфинитива проявляются прежде всего в том, что он может входить в состав сложного глагольного сказуемого в качестве дополнительного глагольного члена, имея при этом чаще всего целевое значение. В зависимом употреблении инфинитив может относиться как к субъекту, так и к объекту действия и располагаться либо после подчиняющего его глагола, либо перед ним. Количество глаголов, способных иметь при себе глагольное дополнение, выраженное инфинитивом, ограничено; по своему составу и семантике они в основном совпадают с аналогичной группой глаголов в индоевропейских языках: бак. ат боУет бистимнангтен кимо:с 'я иду для моих братьев жен сватать', сул. кимн ел'ти: дотанангготн 'женщины по ягоду вверх ходят' (ел'ти: 'собирать ягоду'), сум. бинда конт'у^ьн' ис'а 'сам сел грести', сул. бу еро динга б^ьн' тул'арак 'он в него выстрелить не успел', сул. денг когб^ат даул'аУин 'люди дорогу проложить ходили', пак. де калон дедоконгоне ис'бет 'он невесток послал еду готовить', пак. бу т конокс т^ьул'етес' оУонен аУе-сий 'утром он встал, пошел дрова заготавливать', сур. дил'так до?к сидаконгона 'Дильтак их научил жить'.

Подобно личным формам глаголов, инфинитив в составе сложного сказуемого может иметь при себе прямое дополнение, однако это чисто глагольное свойство инфинитива исчезает при одушевленном объекте действия. Объектная связь в этом случае устанавливается через посредство родительного падежа или путем употребления полных или кратких притяжательных местоимений. Инфинитив при этом выступает уже в новой, герундиальной функции и таким образом снова обретает свои именные признаки.

В приводимых ниже примерах для выделения поссесивных аффиксов использован дефис: сур. дыл'ти беде бь⁰н иткум 'я не умею делать лодку', пак. ат кус' д-уУий итпедем 'я умею доить корову' (уУий 'доить'), сур. аб. ам дедакитнен кус-не уУий 'мою мать послали доить коров', бак. пь⁰на бисеп ка: датабаУин кимн-на калебл' 'младший брат дома остался караулить женщин' (калебл' 'караулить'), сур. конокс' а боУонден бок лонгил' 'утром я пошел посмотреть морду'.

Инфинитив широко употребляется в формах инхоатива. Невыясненной остается лишь функция инфинитива в этих формах. Попрежнему неясно, имеется ли в кетском языке самостоятельный глагол со значением 'начинать' или идею начинательности выражают лишь известные комплексы аффиксов, примыкающих к формам инфинитива. Утверждать категорически, что глагола 'начинать' в кетском языке нет, было бы несправедливо: ср. вор. бей агохон 'ветер поднялся' (начался), пак. ба:т да калак да:н'ч'иде да:н'ч'иде бь⁰л'ге буУас' аУоУон 'внук старика играет на улице, с ним играть стал'. Формы агахон и аУоУон в обоих случаях употреблены как самостоятельные глаголы в функции сказуемого. К сожалению, подобных примеров мало, поэтому мы в праве считать, что глагол 'начинать' в кетском языке переживает пока лишь стадию своего становления. Тем не менее, с известной оговоркой мы можем рассматривать формы инхоатива как сложное сказуемое, состоящее из инфинитива и глагола 'начинать'. Приводимые ниже примеры показывают наиболее типичные случаи употребления сложного сказуемого с глаголом 'начинать'. Инфинитив всегда стоит на первом месте, однако он никогда не принимает показателей субъекта действия. Инхоатив и его формообразующие

средства подробно описаны А.П. Дульзоном (5). Приведем примеры: пак. тип ду: аУоУен 'собака лаять начала', сур. бу де:с' тос'е и:бинут да:У иУоУон 'она глаза открыла, смеяться начала', сур. ад боУос'ан данга с'иУак баУоУон 'я огонь у него просить стал', пак. богдот ну:се дъ айгонг и:УоУон 'головешка еще больше прыгать стала', сул. б^ок кадд^ок с'б^олей ангоУан авынгтен 'вы опять печалиться стали обо мне', пак. коУот би:н коданг ангоУон 'они с голоду умирать стали'.

Инфинитив может также иметь независимое употребление; в этом случае он входит в состав инфинитивного оборота, выполняющего функцию дополнения, или является основным членом односоставного предложения: вор. итаре бирей ду:јей 'он знал как убить ее', пак. тул' дъ^окауинанга товингий акс бе:де 'потом своим домашним сказал, что делать', сул. акта актый кенгассенна сиверей 'хорошо слушать пение птиц', вор. будир динг хонг фоне 'одевать ей нечего', сур. авынкте къ^ойге б^оУнет' ус'ем 'у меня в голове вшей искать есть кому', сур. буда:нгол'и, дилинг нытејэм 'он попробовал, можно кушать'; пак. бил'ес авинга еинг ат бъ^он итпедем 'куда мне ехать я не знаю'.

И так, одна и та же инфинитивная форма в зависимости от функции в предложении и грамматического оформления может быть именем действия, супином и собственно инфинитивом: сул. б^о:

б^о: б^отн си:лан там ассис ?и:ланг 'у, какую мы еду съели'; сул. еелинг и:с кынг би:нуУут кайја данггет ди:ланг кимнан 'когда запас еды кончился, они человечесьё мясо кушать стали', сур. б^онс'ъ актем ди:ленгеф'анг 'вареное хорошо кушать', вор. дош'ш' етап да илингесанг дијатоуш' 'баба-яга его съесть хочет', пак. ба:т ба:мас' иленг ангоУен 'старик со старухой есть стали'.

Способность данной инфинитивной формы участвовать в образовании всех или лишь некоторых из названных категорий в системе кетского глагольного имени зависит от причин семантического порядка.

Примечания и литература

1. Атрибутивную функцию инфинитива в настоящей статье мы не рассматриваем. Этот вопрос будет изложен нами в специальной статье "Инфинитив в функции определяющего имени в кетском языке" (в печати). По вопросу об употреблении инфинитива в качестве определяющей основы личных форм глагола см. Э. И. Б е л и м о в. "О некоторых случаях употребления инфинитива в качестве именной основы лично-временных форм глагола в кетском языке". - Актуальные проблемы лексикологии (доклады межвузовской конференции), Новосибирск, 1972.

2. Сокращения: бак. поселок Бакланиха, кур. река Курейка, пак. пос. Пакулиха, сум. пос. Сумароково, сур. пос. Сургутиха, сул. пос. Суломай, вор. пос. Ворогово, кел. пос. Келог.

3. Б. А. У с п е н с к и й. О системе кетского глагола. Кетский сборник. Лингвистика. Москва, 1968, стр.205.

4. М. Н. В а л л. О некоторых значениях -ес'анг в функции падежного аффикса в кетском языке. - Вопросы филологии, УЗОПИ, вып.52, Омск, 1969.

5. А. П. Д у л ь з о н. Кетский язык, Томск, 1967.

6. М. А. К а s t r e n. Versuch einer jenissei-ostjakischen und kettischen Sprachlehre nebst Worterverzeichnissen aus den genannten Sprachen, SPb., 1858.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО
АНАЛИЗА ИНФИНИТИВОВ В КЕТСКОМ ЯЗЫКЕ

Кетский язык, как известно, изучается уже более ста лет. За это время усилиями многих исследователей были детально изучены и описаны различные аспекты языка. Наиболее трудным в изучении оказался глагол, обладающий сложной полисентетической структурой, которая фактически не имеет аналогии в других языках.

Мы остановимся здесь на некоторых проблемах, связанных с изучением инфинитива кетского глагола. Настоящее исследование проведено на базе материалов, собранных экспедициями Томского пединститута под руководством проф. А.П.Дульзона. Все приводимые ниже примеры мы сопровождаем указаниями места их записи, сделанными в сокращенной форме (I).

Вопрос о том, имеет ли кетский глагол формы инфинитива и что следует называть инфинитивом, до недавнего времени оставался открытым. Первому исследователю кетского языка М.А.Кастрену не удалось зарегистрировать практически ни одной именной формы глагола (7). То же самое следует сказать и о других языковедах, изучавших кетский язык. Инфинитивы были впервые зарегистрированы и описаны А.П.Дульзоном (6).

Е.А.Крейнович также записал от своих осведомителей немало форм инфинитива, однако он употребляет термин "инфинитив" условно, поскольку часто называет "инфинитивами" отдельные морфемы или группы морфем, производно извлеченные им из лично-временных форм глагола (8).

Инфинитивы, если они вообще существуют в языке, должны быть прежде всего совершенно самостоятельными словами. Имеются ли такие слова в кетском языке? Этот вопрос уже можно считать излишним. В последние годы в различных местах и от большого количества осведомителей были записаны многие сотни глагольных форм, обладающих особой морфологической структурой, благодаря чему они противопоставляются в языке лично-временным формам.

Своеобразие кетского инфинитива проявляется в следующем:

1. Морфологически инфинитив является самой простой формой глагола, поскольку он лишен показателей времени, лица и числа субъекта действия, а также лично-объектных показателей; подробно о морфологическом строении инфинитивов речь пойдет ниже.

2. Анализируя функции инфинитива в предложении, не трудно заметить, что он сочетает в себе черты существительного (имени действия, явления или процесса), герундия, прилагательного (причастия) и глагола (собственно инфинитива):

а) подобно обычным существительным инфинитивы могут иметь форму единственного и множественного числа и склоняться, например: кур. бак. ул'тий 'отвязать, расстегнуть', пак. кур. ул'тинг 'развязывать, распрятать, расстегивать'; пак. ул'гу 'помочь', пак. кур. ул'гунг 'мыть'; сур. ат адиндингел' донтол' и ад боу-ол'дэн 'Я из-за пота замерз и заболел' (адин 'потеть', -дингел' - формант исходного падежа); сур. ангтет'ка кай сидаколедий 'с трудом ходить научился' (ангтет 'мучиться', -ка - формант местно-временного падежа); в герундиальной функции инфинитивы могут определяться полными или краткими притяжательными местоимениями, например: ап ераУат 'меня послать', бур'а ераУат 'его послать', тап к'ма на ераУат 'собак прогнать', сул. ду:ток 'задержать ее' (инф. уток), доуток 'задержать его', буток 'меня', куток 'тебя задержать';

б) находясь в предпозиции и постпозиции к существительному, инфинитивы выполняют роль определений, выражая значения действительных и страдательных причастий: пак денгна аУесий банген 'места, где люди заготавливают дрова' (аУесий 'заготавливать дрова'), сур. даккыт и:с'бунг би:ла:н 'жареное мясо они съели' (даккыт

'жарить'); сул. усин денг бат да:нгРай 'спящих людей убил' (усин 'спать'); сул. ды:Рытда об ба:т ус'терах ба р' гол'до 'отец юрака колотые дрова осматривал' (устет 'колоть', ак 'дрова');

в) инфинитивы могут употребляться в качестве составной части сложного глагольного сказуемого: сур. дъ калон дедоконгоне ис'бет 'он невесток послал еду готовить' (ис'бет 'еду готовить') пак. иско: де?нг онгон иско: 'рыбаки пошли ловить рыбу'.

3. Глагольные черты инфинитива проявляются и в его способности спрягаться, т.е. принимать показатели субъекта, объекта, времени, вида и т.д. В этом случае инфинитив выступает в качестве именной основы лично-временных форм глагола: сул. бур'а бул'анг бе?к Ъ⁰нгбесавет 'его ноги часто опухают' (Ъ⁰нгбес 'опухать'); тит диУер'ам 'собака лает на нее' даУер'ам 'лает на него', баУол'дам 'облаяла меня' (дам 'лаять'); ат с'у:л ди:птанг 'нарту везу' (танг 'везти'); ат даингс 'я колдую', даингсин 'они колдуют', даингл' 'колдовал' (синг 'колдовать'), ат им лактарей тиса 'орехи щелкаю', лактарей тил'а 'щелкал' (инф. лактарей).

4. Многие формы инфинитива в кетском языке изолированы от лично-временных форм, выступая по отношению к ним как супплетивные образования: сур. дъ⁰с 'ругаться', ср. сур. пак. кур. дейсоУ-от 'ругаюсь', дейлоУот 'ругался', ейлоУот 'ругайся'; сур. еинг 'идти', ср. кур. сур. боУот 'иду', боУон 'пошел', конг 'уходи'; кур. вор. бак. къ⁰й 'хожу', ср. та:йге 'хожу', то:лиУа 'ходил', талиУа 'ходи'; сул. коранг 'умирать', ср. дуйРо 'умрет', ду:ну 'умер'.

5. В кетском языке немало глаголов, вообще не имеющих форм инфинитива (во всяком случае их так и не удалось выявить); в случае надобности роль именных форм у таких глаголов выполняют формы настоящего времени; мы называем такие формы "презентными инфинитивами", например: сул. ат бангсуУу 'смотреть буду', буат баУар'у 'смотрит он на меня' (инф. нет.); да:н' аветей 'трава растет', да:н' овл'атай 'трава выросла' (инф. ты:енг); тул'тан навракнг 'глина прилипает', повендакнг 'прилипла' ср. тул'тан навракнг иУаУон 'глина прилипать стала'; а?л' опкаУан 'уха выкипает', ср.

а?л' опкаУан иУаУан 'уха выкипать начала'; кыт' богдинга октар'ан' 'жир в огонь капает', октол'дан' 'капал', ср. кыт' богдинга октар'ан' иУаУон 'жир в огонь капать стал'; асленанг нам коУетий 'лодка скоро обледенеет', коУонтий 'обледенела' ср. асленанг коУетий иУаУон 'лодка льдом покрываться стала'; ап кь⁰а бе?к когдати 'моя голова все время чешется', ср. ап кь⁰а когдати иУаУон 'моя голова чесаться стала'.

Таким образом, инфинитив в кетском языке обладает рядом специфических особенностей, которые, по нашему мнению, позволяют выделить его в самостоятельную часть речи, занимающую промежуточное положение между существительными, прилагательными и глаголами. Принятый в кетологической литературе термин "инфинитив" мы сохраняем, хотя, как было показано, он не совсем удачен.

Рассмотрим теперь некоторые вопросы морфологического анализа инфинитивов. Не считая нескольких десятков односложных слов, инфинитивы в кетском языке состоят из двух основ, первая из которых может быть представлена практически любой частью речи, вторая же — только особыми морфемами с глагольным значением. При этом исходная основа получила в кетологической литературе следующие названия: "определяющая основа" (6), "корень" (10), "корневая морфема" (8), "корневая основа" (8), "связанная корневая морфема" (2), "именная основа" (9). Формообразующую морфему с глагольным значением кетологи называют: "определяемая основа" (6), "вспомогательный глагол" (6), "формант" (6), "служебный глагольный элемент" (10), "суффикс" (9), "деривационная морфема" (8), "служебная основа" (8). Чтобы ответить на вопрос о том, насколько точны перечисленные выше термины, мы должны подробно остановиться на особенностях морфологического строения сложных инфинитивов.

Типы определяющих (исходных) основ сложных инфинитивов.

Термин "определяющая основа" впервые был введен в кетологическую литературу А.П.Дульзоном (6) и в настоящее время стал общепринятым. "Определяющей основой" кетского инфинитива мы называем его именную часть, предшествующую одному из словообразовательных глагольных формантов. В качестве определяющей основы могут употребляться существительные, прилагательные, инфинитивы, наречия и провербы.

При этом, в систему словообразования инфинитивов оказался вовлеченным лишь определенный и сравнительно небольшой круг неглагольных слов. В зависимости от значения и роли в языке одни слова в позиции определяющей основы образуют инфинитивы только с одним из формантов, другие же — с несколькими формантами; при этом возникают формы с различным грамматическим или различным лексическим значением.

Определяющая основа может иметь форму единственного и множественного числа, к ней могут присоединяться краткие притяжательные местоимения, суффиксы possessивного и предикативного оформления. Значительное большинство сложных глагольных имен образуется на базе существительных, выполняющих роль объектно-именной основы глагольного слова.

К существительным могут присоединяться почти все форманты инфинитива, при этом, в зависимости от значения существительных и связанных с ними формантов в формах инфинитива могут реализовываться самые различные виды объектной связи. Каждому виду такой связи соответствует своя серия синонимичных или близких по значению формантов.

Таким образом, инкорпорированные в глагольно-именной форме существительные могут быть:

1. Прямым объектом действия (форманты -бет, -до, -кий, -ай, -енг, -анг, -ко, -ет, -ат, -тенг, -танг). Глагольная форма в целом имеет непереходное значение, однако объект выражен слишком конкретно и не образует с формантом единого смыслового целого. Глагольные слова такого рода могут строиться по желанию говорящего почти не ограничено, например: пак. кытбет 'лук делать' (кыт 'лук'), кур. кь⁰тпнет 'рожать детей' (кь⁰т 'дети'), пак. нанбет 'хлеб печь' (нан 'хлеб'), пак. итангбет 'аргирить' (итанг 'аргир', стоянка'), пак. имдо 'шишковать' (им 'орехи'), сур. пак. кул'до 'бороду брить' (кул' 'борода'), ал'до 'суп пить' (ал' 'суп'), сул. бол'венай 'собирать грибы' (бол'вен 'грибы'), кур. тулетей 'собирать красную смородину' (тулет 'красная смородина'), пак. санно: 'белковать' (сан-ко, сан 'белки'), пак. конУо 'охотиться на медведей' (ко:н 'медведи', бак. Ъ⁰Уинет (Ъ⁰Уин -ат) 'вшей искать' (Ъ⁰Уин 'вши'), сул. е:л'ти: 'бруснику собирать' (е:л' 'брусника').

2. Косвенным объектом (форманты -бет, -тет, -ак, -тей, -тай, -теиг, -танг, -еи, -ан). Глагольная форма имеет чаще всего переходное значение; обе основы (определяющая и формант) частично пересмыслены и представляют собой устойчивое традиционное сочетание: кур. токобет 'шагать' (ток 'шаг'), пак. сур. иденгбет 'писать' (идинг 'узоры метки'), сул. вор. бул'тет 'прыгать на одной ножке, хромать' (бул' 'нога'), сул. вор. кенгтет 'порхать', 'взлетать, махать крыльями' (кенг 'крылья'), кур. дь⁰стей 'мочиться' (дь⁰с' 'моча'), пак. хонгтенг 'неводить' (хонг 'невод'), сул. когдак 'проводить осень' (когд' 'осень'), сул. сал'ненг 'нюхать табак'), кур. танно (тан-ко) 'целиться' (тан 'цель').

3. Вспомогательным объектом (форманты -тет, -до, -кит). Глагол имеет переходное значение, определяющая основа выражает орудие, предмет или материал, с помощью которого выполняется действие над другим предметом: сул. нул'тет 'бить молотком' (нул' 'молоток'), сул. тул'тантит 'обмазывать что-то глиной' (тул'тан 'глина'), кур. туУонтит 'причесывать' (туУун 'гребень'), пак. колестет 'лягать' (колес 'копыто'), кур. фиткит 'склеивать' (фит 'клей'), вор. ейгит 'лизать' (ей 'язык'), кур. хонггтет 'нащупать' (хонг 'рука'), вор. ть⁰гит 'солить' (ть⁰? 'соль'), сул. инандо 'колоть иголкой' (и?н' 'иголка').

4. Формальным (дополнительным) объектом (форманты -тей, -тай, -тет, -бет, -кат, -сей, -сай, -да, -данг). Глагольная форма имеет переходное значение, определяющая основа выражает результат или характер производимого над другим предметом действия: кур. лантый 'свалить, уронить' (лан 'бок'), пак. ентый 'застегнуть, обшить' (ен 'край'), энгтий 'называть, обзывать' (енг 'имена'), сул. иттет 'нюхать' (ит 'запах'), пак. бак. лонгданг 'крошить, толочь, мять' (лонг 'кусочки'), сул. лугий 'глотать' (лу 'кусок, обломок'), пак. сул. хь⁰д'сей 'шить', 'зашивать' (хь⁰л' 'оболочка, облачение'), сул. боккит 'затопить печь' (бо?к 'огонь'), кур. кь⁰ил'бет 'намотать', 'смотать' (кь⁰ил' 'моток, клубок').

5. Объектом сравнения (форманты -ей, -ай). Глагол имеет переходное значение, определяющая основа выражает предмет, с которым сравнивается подлежащее по цвету, внешнему виду, звуку и т.д. Например: кур. с'ул'ай 'краснеть' (с'ул' 'кровь').

6. Медиальным объектом (форманты - -бет, -беданг, -тей, -тай, -тиенг, -дан, -ден, -бес). Глагольная форма имеет переходное значение и выражает непосредственный переход субъекта в другое состояние.

Существительные в позиции определяющей основы в этих формах близки по значению прилагательным: пак. син'бет 'грязнится, пачкаться' (син' 'грязь'), сул. босембет 'овдоветь' (босем 'вдова'), сул. бамбер'анг 'стареть, становиться старухой' (ба:м 'старуха'), сул. батбер'анг 'стареть, становиться стариком' (ба:т 'старик'), кур. суд. а:ден 'потеть, горячим делаться' (а: 'жара, пот'), сул. китбес' 'жиреть' (кыт 'жир'), пак. кин'тиенг 'зачервиветь' (кин' 'червяк'), сул. вор. донгти'енг 'нарывать', 'гноиться' (донг 'гной').

Инфинитивы, построенные на базе прилагательных (только качественных) выражают переход предмета (субъекта или объекта) в новое состояние. Этот переход может осуществляться как независимо от воли и желания субъекта действия, так и при его непосредственном участии. В соответствии с этим различаются формы переходные, переходно-возвратные и формы состояния с медиальным значением. Для построения переходных форм используются форманты -бет, -беданг, -син, -сей, -сай. Приведем примеры: вор. фынебет' 'уменьшать' (фыне 'маленький'), ел. ул'бит 'намочить, (ул' 'мокрый'), вор. актабет' 'украшать' (акта 'хороший'), кур. актасин 'ласкать', кур. ул'беренг 'гладить, жалеть, экономить что-то' (ул' 'гладкий'), ел. унсий 'погасить' (ун 'спокойный, медлительный'), вор. беингсин 'облегчить' (беинг 'легкий').

Переходно-возвратные формы строятся с помощью формантов -кет, -кат, -кей, -кай, -дей, -дай, -беданг, -анг, -енг. Приведем примеры: сул. анггат 'нагреть' (анг 'горячий'), пак. у:скат 'согреть, растопить, греться' (ус' 'теплый'), вор. кь^Ол'-гей 'прислонить, прислониться' (кь^Ол' 'кривой'), кур. унберей 'успокоиться, успокоить' (ун 'спокойный'), сур. актабединг 'хвалить, хвастаться', ел. кь^Ол'дай 'наклонить', 'нагнуть', ел. ул'енг 'мыть, мыться' (ул' 'мокрый').

Формы состояния выражают качественные изменения предмета, происходящие в результате внутренних законов его развития (фор-

манты — -бес, -ден, -дан, -ей, -ай) или под влиянием внешних факторов (форманты — -бет и -син). Формант -бет употребляется для одушевленного субъекта, -син — для неодушевленного: вор. сум. тумей 'чернеть' (тум 'черный'), бак. с'оний 'зеленеть', 'желтеть' (с'он 'зеленый, желтый'), кур. когдан 'стихать' (кок, жуи 'тихий'), пак. акт'оис 'заживать' (акта 'хороший, букв. хорошим делаться'), вор. хеабес 'расти' (хеа 'большой'), кур. ть^о-л'бес 'остывать', 'замерзать' (ть^ол 'холодный'), кур. хол'бес 'жиреть' (хол' 'жирный'), вор. с'укигбет 'толстеть' (с'укиг 'толстый'), кур. актасин 'выздоровливать, становиться здоровым' (букв. 'хорошим'), вор. лансин 'затвердевать' (ланг 'твердый'), сул. утсен 'наполняться' (ут 'полюный').

Определяющей основой нескольких инфинитивов являются наречия, например: сул. тойбес 'прибывать' (о воде), сул. тыјенг 'расти' (той 'вверх, вверху'), сур. котей 'толкать; двигать, дергать' (коте 'вперед'), сур. һыл'тет 'выяснять' (һыл' 'ясно'), сул. дыноксенг 'подиравываться' (дын 'лотихоньку, тайком').

Из местоимений в роли определяющей основы, по-видимому, может употребляться только возвратное местоимение третьего лица: бор. будир 'одеваться', 'наряжаться', вор. бунго 'смотреть', бак. бунгтунг, вор. бунгдоф 'проглотить', пак. бутий 'вылезать, вытаскивать себе' (бу 'себя, себе').

В глагольном словообразовании кетского языка важное место принадлежит превербам, выступающим в роли самостоятельной или вспомогательной определяющей основы сложных глагольных форм. Термин 'преверб' (то, что предшествует глаголу) впервые появился в кетологических работах К.Боуды (5). Имея в своем распоряжении только скромные материалы М.А.Кастрена, а, следовательно, не зная формы инфинитива, в которых превербы видны особенно отчетливо, К.Боуда выделил в кетском языке только следующие превербы: фа- 'на', та- 'наверх', с- 'высь', ета- 'наружу из', игда- 'назад вниз', уоске- 'назад домой', ка- 'внутри', су- 'обратно'.

Анализ обширных материалов, собранных кетологами в последние годы, совершенно меняет представление о системе кетских превербов. Превербом в кетском языке мы называем неизменяющуюся при спряжении, префиксированную глагольной форме особую морфему, имею-

щую наречное значение локального уточнителя действия. Превербы могут иметь после себя аффикс множественности, в ряде случаев они могут присоединяться в качестве локальных уточнителей к исходным основам сложных форм.

Превербы а- и у-

Преверб а- имеет значение 'прочь в сторону', преверб у- 'прочь вниз' (ср. у: 'сила') пак. антий 'сбрить', 'отскоблить', сул. у:тий 'стряхнуть, встряхсти, отряхнуться'); сул. аронг (а-до -нг) 'откусывать, кусаться', кур. утет 'окупать, макать'; сул. авас' (а- бес) 'исчезать', пак. убай 'отстояться' (о жидкости), сул. аҗат, бак. аҗет 'выдергивать', пак. убет 'опускаться вниз, отдыхать'.

Превербы ас- и ес-

Превербы ас- 'снизу вверх' и ес- 'сверху, поверху' не являются фонетическими вариантами одной и той же морфемы, поскольку фонологически они противопоставлены друг другу: сур.бак. кур. астий 'выдергивать' (траву и т.д.), 'теребить птицу' (морфема ас- возможно восходит к существительному ас 'перо', ср. вор. асингч'и 'теребить'), ел. бак. естий 'месить' (тесто), 'стрелять' (посылать поверху книзу), 'набрызгать'.

Разница в лексическом значении превербов ас- и ес- хорошо прослеживается на следующих примерах: сул. аспун' (ас - һун'), вор. асфун' 'залезать' (на дерево), ср. сул. һун', вор. фун' 'ползти, скользить'; кур. кива асар аҗоҗан 'луна подниматься стала'; кур. ас'л'ингит 'поднимать', ср. кур. пак. еский 'бросать вниз, сбрасывать, пролить' (наст. вр. дескаван, прош. вр. десковл'ан); сур.сул. ес'а 'положить, сложить, разбросать', сул. искил' (ес- кил, кил' 'одеть, надеть') 'намотать, смотать'; сул. есконтенг 'зевать' (букв. 'рот сверху вниз растягивать'). Морфема ес- происходит, вероятно, от слова ес 'небо, бог'.

Превербы ат- и ет-

Превербы ат- 'прочь туда вниз' и ет- (перед гутуральными и некоторыми другими согласными ай- ей-) 'вверх' также являются двумя самостоятельными морфемами с различным значением: кур. пак.

атай 'налить, скатываться' (дато́бо: 'наливаю, датоблей 'налил') кур. пак. етгий 'поднимать, брызгать', ср. ул'еттаванг 'вода плещется', пак. бу де ейготей 'она тебя обрызгает'; сур. атанг, пак. атинг 'вычерпывать, наливать каплями'; сул. аток 'налить, насыпать', ср. датнак 'налью', атдок 'налей'; пак. айгонг 'прыгать', ср. еттонос 'прыгну', етанам 'прыгнул'.

Превербы ус- и ут-

Преверб ус- близок по значению русской приставке раз- 'прочь в сторону', 'отделить часть от целого', 'разделить целое на части'.

Преверб ут- имеет значение 'сюда к себе', 'у себя', приведем примеры: кур. уский 'открыть', вор. уш'ингий 'открывать', сул. устет, вор. уш'интет 'колоть' (дрова), 'раскалывать, расщеплять', кур. пак. ус'тон' (ус-до-н) 'разрывать', кур. уснон 'разорвать', сул. кур. ус'ний 'распороть' (рыбу), 'отпарывать'; сур. утдий 'украсть' (присвоить, своим сделать), кур. пак. утой 'держат, задерживать, тормозить'.

Превербы һа- и һата-

Преверб һа- по своему значению соответствует русской приставке пере- 'поперек совсем, пополам'. Если к превербу һа- присоединяется локальный уточнитель -та-, то возникает новый преверб һата- с близким значением (поперек, но с двух сторон), например: пак. һатий 'порвать, порваться, отломить'; сул. кур. һатет 'переломить, разломить'; кур. һагий 'перепилить, перерезать'; сур. һадо 'рубить, перерубить'; сул. һаронг (һа-до-нг) 'перекусить', кур. һабий 'стрелять, прострелить'; ел. һатей 'зажать' (нос), кур. һатейбет 'прижать, задавить, раздавить'; ел. һатейгбет 'задавить, зажимать'.

Превербы ик- и ь^от-

Наиболее общее значение преверба ик- 'сюда вниз'; 'вплотную здесь'.

Значение преверба ь^от можно сформулировать следующим образом: 'сюда наверх', 'там сверху', ср. кур. ь^о:т 'спина'. Приведем примеры: сул. икбес, кур. икбес 'приходить, приезжать,

приносить'; вор. Ъ⁰тиш (Ъ⁰т- бес) 'приставать к берегу', букв. 'наверх выходить' (ср. сул. Ъ⁰табес 'пристаю'); сул. иксенг 'привязать, связать, завязать'; пак. иксентгий 'завязать, перевязать, застегнуть'; сул. кур. Ъ⁰т'кий 'накрыть, показаться'; пак. Ъ⁰тингий 'накрыть, накрыться, покрыть' (чум тиской); кур. еУат (ик-ат) 'спускаться' (ср. игделок 'спустись'), сул. Ъ⁰тат 'идти в лес', т.е. 'идти вверх от реки, подниматься на гору'; кур. пак. ектий 'слушать', сул. Ъ⁰тенгай 'улыбаться'.

Превербы ал'- и тат-

Преверб ал'- означает 'пополам', 'отделить и удалить часть от целого', морфему ал'- можно сопоставить со следующими словами: кур. ел. ал' 'половина, часть', сур. ал' 'штаны' (состоят из двух частей), кур. а:л' 'в стороне, там подалее от реки', сул. ал'дон' 'меч' (нож, которым можно рассечь пополам), кур. алан 'ворота' (из двух половин). Морфема ал- имеет форму единственного и множественного числа, она хорошо прослеживается в личных формах: кур. ал'тий 'распороть', ср. дал'табренг 'распариваю', дал'табленг 'распорол'; сул. ал'нгий 'отпороть' ср. дал'тавакинг 'поря', далтовл'анг 'отпорол'; сул. ал'до 'рубить' (дерева) - в данном случае вершина и ствол дерева отделяются от корней и комлевой части, 'рубить на куски поваленные деревья или чурки' - глаголы надо, устет; кур. пак. ал'бет 'обманывать', сул. ала-спет 'отбирать'.

Преверб тат-, тет- имеет значение 'поперек, через': пак. вор. татат 'переходить' (через реку по льду и т.д.), ср. тетнарак 'перешел'; сул. тасс'уй 'переходить вброд' (тат-с'уй) сур. татенг 'натягивать' (лук), 'качать'; пак. татенгий 'выпрямлять, исправлять'; сул. таткат 'исправлять'.

Превербы си- и с'ук-

Морфема си- имеет местоименное значение 'сам, себе, и себе, в себя, оба взаимно'. Ср. сул. Каскет банг дус'полетет, кой атонок 'Каскет об землю ударился, медведем стал'; атсиба-тонок 'Я родился' (букв. сам стал). Ср. кур. багданг 'тянуть',

пак. сибагдинг 'тянуться' (взаимно оба, на соревнование). Приведем другие примеры: бак. сул. сиУан 'взвесить' (взаимно уравновесить), сул. сиУет, вор. сигит 'мести, отгребать, обглаживать' (-кит, -гит 'двигать по поверхности, мазать, рассыпать, размазывать по поверхности'), ср. тал'гит 'сорить, рассыпать сор' (тал' 'сор'), тал'сиУет 'сор мести' (перемещать сор по какой-то поверхности к себе, в кучу); сул. сиУак 'просить', кур. силак 'просил' (делал, чтобы своим стало, к себе перешло); кур. сул. с'ул'тий, с'ул'тиинг 'захлебываться, жадно пить, хлебать, лакать' (си-ул'-тий, букв. 'в себя воду зачерпывать'), сур. ел. ситий 'просыпаться' (в себя приходиться), кур. сул. с'ынг 'одевать, одеваться' (си-анг); сул. сиУо 'зарядить' (си-ко).

Морфему си- мы находим в слове сида 'привычка' (си-да), в энклитике отглагольных прилагательных, образованных от инфинитивов в том случае, когда они субстантивируются или употребляются в предикативной функции, например: вор. идингбетс'и 'грамотный' (букв. пишущий сам), идингбет 'писать'; анынгбетс'и 'задумчивый' (думающий сам), анынгбет 'думать'; сур. бе:деси 'делающий' (бе:де 'делать'), еингси 'идущий' (еинг 'идти').

Префикс си- встречается у некоторых инфинитивов в котском языке, например: сифу 'дуть', сигит 'грести' сичал 'точить', сифэль 'расти' (7).

Преверб с'ук-, сок-, с'у- имеет значение 'назад, обратно', ср. сур. с'у 'половина, назад, задняя сторона', пак. с'уд 'спинка парты', кур. с'уУа 'назад, сзади там', приведем примеры: сул. сокнгаг, сокгот 'отталкиваться' (шестом от берега), ср. соктавет 'отталкиваю', соктол'вет 'оттолкнулся'; пак. кур. с'уУунгий, сул. с'унгий 'встречать', ср. сугбукоУотн 'встретятся', с'угбулотн 'встретились'.

Преверб ок- и ʒ^ол'

Преверб ок- имеет значение 'прочь с поверхности' удалять с поверхности лишнее или производить действие тем, что имеется на поверхности).

Морфему ок- можно сопоставить со следующими словами: вор. ʒ^ок 'лишний, мешающий, торчащий', кур. ʒ^ок, ок 'сучок' (то, что

мешает, торчит на дереве), вор. оксы (ок-си) 'дерево', т.е. то, что на земле торчащее есть. При участии преверба ок- образуются следующие инфинитивы: вор. окыт 'стереть' (удалить трением с поверхности), кур. пак. октий 'забить' (гвоздь), 'забелить, замазать', сул. октет 'забивать' (клинья), 'насаживать' (топор), сул. октананг 'задевать, цепляться', сул. октар'ан ' 'капать' (о жидкости).

Преверб $\text{ь}^{\text{O}}\text{д}'$ — означает 'изнутри': сул. $\text{ь}^{\text{O}}\text{лат}$ 'выходить', ср. $\text{д}^{\text{O}}\text{л'арак}$ 'выйду'; $\text{ь}^{\text{O}}\text{л'танг}$ 'вытаскивать'.

И так, многие превербы по форме и значению можно легко сопоставить с соответствующими существительными, прилагательными и т.д.

В пользу именного происхождения превербов говорит и тот факт, что почти все они имеют форму множественного числа. Следует отметить, что современные кеты уже воспринимают превербы, как совершенно десемантизированные морфемы и, как правило, отказываются их переводить.

Типы формантов сложных инфинитивов

Чтобы дать полное представление о морфологическом строении инфинитивов, мы должны рассмотреть и типы их формообразующих морфем. Как уже отмечалось, у исследователей кетского языка нет единого мнения относительно происхождения формантов, их функций и значений в глагольном слове. Это находит свое выражение в обилии терминов для обозначения формообразующих глагольных морфем.

Количество формообразующих средств в классе кетских инфинитивов ограничено; они легко распадаются на три группы (3):

I. Форманты $-(\text{а})$, $-(\text{ай})$, $-(\text{ат})$, $-(\text{ок})$, $-(\text{да})$, $-(\text{дай})$, $-(\text{сай})$, $-(\text{кет})$, $-(\text{гет})$, $-(\text{кай})$, $-(\text{бас})$, $-(\text{син})$, $-(\text{ел'(-ал')})$ не имеют конкретного лексического значения, их трудно или вообще невозможно соотнести с самостоятельными глагольными словами, поскольку они представляют собой комплексы аффиксов, сообщающих глагольной форме различные грамматические значения, действие, состояние, однократность, многократность, медиальность и т.д. Все это, как нам кажется, дает право назы-

вать перечисленные выше форманты "деривационными суффиксами". Приведем несколько примеров: пак. сул. ес'а (ес'-а) 'положить', вор. сум. тумей (тум-ей, тум 'черный'), 'чернеть', пак. кь⁰к-тымат (кь⁰ктым-ат) 'кашлять', кур. ырак 'весновать' (ырь 'весна'), пак. кур. ул'де 'тонуть' (ул'-де, ул' 'вода'), сур. кур. утдий 'украсть' (ут-дий), пак. хол'сей 'шить' (хь⁰л'-сей, хь⁰л' 'оболочка, облачение'), сул. ел. ус'кат 'нагревать, оттаивать' (ус'кат, ус' 'теплый'), пак. актабес, вор. лангсин 'затвердевать' (лангсин, ланг 'твердый'), пак. ел. лонгел' 'посмотреть, попробовать' (лонг-ел').

Инфинитивы, образованные при помощи глагольных суффиксов, можно таким образом считать простыми производными.

2. Большую группу глагольных имен образуют форманты -бет (мн.ч. -беданг), -тет(-тат). -тей, -тай (мн.ч. ти енг), -кит (-кет, -гит). Все они в плане их происхождения легко могут быть сопоставлены с самостоятельными глаголами: пак. сур. бе:де, кур. бере, сул. бер' 'делать'; бак. таде, сул. тар', вор. тат' 'ударять, бить'; сул. пак. тий, вор. сул. ти: 'перемещать в одном направлении, черпать, набирать'; сул. кит 'скоблить, мазать, двигать что-то по поверхности'. Став с течением времени продуктивными формантами инфинитивов, они не только несколько изменились в звуковом отношении, но и подверглись частичной десемантизации, хотя во многих случаях их первоначальное значение полностью сохраняется. В современном языке форманты -бет, -тет, -тей, -кит все больше становятся комплексами грамматических аффиксов, однако назвать их "деривационными суффиксами" нельзя по соображениям семантического порядка. В глагольных формах как именных, так и личных названные форманты выполняют роль "поствербов", т.е. находятся в энклитике глагольного слова. Ср. сул. и?рингбет 'писать', диренгивет 'пишу'; кур. тонгтет 'хватать', пак. топотет 'схватчу', топул'тет 'схватил'; вор. ть⁰гит 'солить', кур. татаУ-ет 'солю', ть⁰:нгтолиУет 'схватил'; вор. ть⁰гит 'солить', кур. татаУет 'солю', "Поствербами" мы называем суффиксированные в именной или личной форме знаменательные глагольные морфемы, исторически восходящие к самостоятельным глаголам, однако на данном этапе развития языка уже выполняющие роль служебных словообразовательных элементов.

3. В качестве формантов могут выступать самостоятельные инфинитивы, полностью сохраняющие свое лексическое значение. В данном случае мы имеем дело с чистыми глагольными основами. Исторической базой возникновения таких форм является примыкание (явление, свойственное агглютинативным языкам), при котором неоформленное имя выполняет роль определения, если оно находится в препозиции к другому имени. В сложных инфинитивах современного языка оба имени, неглагольное определяющее и глагольное определяемое, уже слились в одну словоформу. Указанный способ образования сложных инфинитивов достаточно продуктивен, поскольку одно определяющее имя можно заменять другим. В функции определяемых глагольных основ употребляются лишь несколько инфинитивов, их могут определять как существительные, так и превербы, например: ай 'собирать, добывать', сул. тулетай 'собирать красную смородину' (тулет 'красная смородина'), сул. данай 'собирать траву, заготавливать сено' (да:н 'трава'), туленгай 'потрошить рыбу' (туленг 'кишки'), бол'венай 'собирать грибы' (бол'вен 'грибы'), ср. ат бол'вен дай кимна 'Я грибы собирать стал'; сул. бак. тиренгай, тидингий 'копать, добывать кедровые корни' (тиренг 'кедровые корни'), ат 'идти, находить' сул. т⁰тат (т⁰т-ат) 'идти в гору, прочь от реки' (т⁰т преверб со значением 'наверх', -ат 'идти') (4); сул. пак. коУотат 'голодать', букв. 'голодным ходить' (коУот 'голод'), сул. т⁰лат 'выходить наружу' (т⁰л-ат), пак. вор. татат (тат-ат) 'переходить', 'пересекать', сул. кур. ассат 'всходить, подниматься вверх' (ас-ат), кур. еУат (иг-ат) 'спускаться, идти вниз', сур. т⁰Уьнат 'вшей искать' (т⁰Уьен 'вши'), ел. китат 'рулить, править'; ей 'убивать' - сул. калий 'убивать людей' (кал 'воевать, война'); атак 'сыпать, лить' - вор. илынгетах 'сорить' (илынг 'стружки, опилки'); до 'тесать, долбить, пить' - сул. с'ул'до 'кровь пить' (с'ул 'кровь'), сур. надо 'отрубить, отрезать', кур. ул'до 'пить воду' (ул 'вода'), кур. сал'до 'купить' (сал 'табак'); ил 'петь' - сул. конил 'свистеть по-бурундучьи' (ко:н 'бурундуки'); ил'енг 'кушать' - кур. сур. бокланг (бок-иленг, бок 'огонь') 'гореть', кур. имлинг 'щелкать, кушать орехи' (им-иленг, им 'орехи'); ко 'ловить, про-

мышлять' – пак иско: 'рыбу ловить' (ис' 'рыба'), пак. едаУо 'промышлять соболя' (едь 'соболь'); с'уй 'брести по воде' – сул. тасс'уй (тат-с'уй) 'переходить вброд'; танг 'тащить, везти' – сул. ъ^ол'танг 'вытаскивать' кангтенг 'идти на большую ходьбу' (канг 'зимняя дорога', букв. 'тащить по дороге'), сул. һъ^онгтенг 'неводить' (һъ^онг 'невод'); кь^ой 'ходить' – сур. ытеккей 'гостить, ходить в гости' (ытык 'стойбище'), ср. дытык-кь^ойсвет 'гощу', букв. 'в стойбище хожу'; кур. абескей 'блудить' (абес – кь^ой, абес 'исчезать'); тинг 'вертеть' – вор. уш'катинг 'открывать' (уш'ка 'назад'); ти:, тий 'черпать, набирать' – сул. ел'ти: 'собирать бруснику' (е:л' 'брусника'), ул'тий 'черпать воду', һустий 'собирать чернику' (һус' 'черника').

Итак, анализ морфологической структуры сложных инфинитивов позволяет нам сделать следующие выводы:

а) исходная основа двухсоставного инфинитива может быть выражена существительным (объектная основа), прилагательным (качественная основа), наречием или превербом (наречная основа), инфинитивом (глагольная основа); в энклитике сложного глагольного имени могут располагаться деривационные суффиксы (комплексы грамматических аффиксов), застывшие морфемы глагольного происхождения (поствербы) и, наконец, самостоятельные инфинитивы;

б) говорить о 'корне', 'корневой морфеме', 'корневой основе' можно лишь в тех случаях, когда глагольное имя оформлено деривационным суффиксом; все остальные инфинитивы двухкорневые;

в) термины 'связанная корневая морфема', 'служебная основа', 'служебный глагольный элемент' носят описательный характер, на наш взгляд, они не совсем точны;

г) термины 'определяющая основа' и 'определяемая основа' наилучшим образом пригодны для инфинитивов, возникших в результате слияния двух имен;

д) своеобразие кетского языка, его изолированное положение среди других языков обязывает нас признать, что термины, применяемые нами для морфологического анализа инфинитивов, до известной степени условны.

Примечания и литература

1. Сокращения: бак. - поселок Бакланиха (Туруханский район Красноярского края), вор. - пос. Ворогово (Туруханский р.), ел. - река Елогуй (Туруханский р.), кур. - река Курейка (Туруханский р.), пак. - река Пакулиха (Туруханский р.), сул. - пос. Суломай (Эвенкийский НО), сум. - пос. Сумароково (Туруханский р.), сур. - пос. Сургутиха (Туруханский р.).

2. Многие морфемы, относимые нами в разряд превербов, Е.А.Крейнович называет "связанными корневыми морфемами", см. Е. А. К р е й н о в и ч , Глагол кетского языка, Ленинград, 1968, стр.143.

3. Функции и значения формантов сложных инфинитивов будут подробно рассмотрены нами в статье "Морфологическая структура инфинитивов в кетском языке" (в печати).

4. Е.А.Крейнович анализирует глагол $\text{ъ}^0\text{тат}$ следующим образом: $\text{ъ}^0\text{т}$ - корень, -а- - интерфикс, -т - показатель множественности действия, см. Е. А. К р е й н о в и ч , Глагол кетского языка, Ленинград, 1968, стр.167.

5. К. В о u d a . Die Sprache der Jenisseer. Genialogische und Morphologische Untersuchungen. Antropos, Bd. 52, 1957.

6. А. П. Д у л ь з о н . Кетский язык, Томск, 1967.

7. Н. А. К а с т р е n . Versuch einer jenissei-ostjakischen und kettischen Sprachlehre nebst Worterverzeichnissen aus den genannten Sprachen, SPb., 1858.

8. Е. А. К р е й н о в и ч . Глагол кетского языка, Л., 1968, стр. 9, 12, 142, 143, 163, 167.

9. Е. А. К р е й н о в и ч . Кетский язык. - "Языки народов СССР", т.5, Л., 1968, стр.468.

10. Б. А. У с п е н с к и й , О системе кетского глагола, - "Кетский сборник. Лингвистика", Москва, 1968, стр.205.

М.М.Костяков

УПОТРЕБЛЕНИЕ ФОРМ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ КЕТСКОГО ГЛАГОЛА В ИМПЕРФЕКТНОМ ЗНАЧЕНИИ

Кетский глагол отличается особой сложностью. В нем "длинное нагромождение морфем часто сочетается со всевозможными позиционными изменениями, плеоназмами, омонимией элементов, их многозначностью и т.п."¹. Поэтому именно строение кетского глагола явилось в первую очередь предметом пристального внимания исследователей. Кетскому глаголу посвящены многие работы А.П. Дульзона², Е.А.Крейновича³, а также статья Б.А.Успенского "О системе кетского глагола", которая содержит обзор и систематизацию имеющихся материалов по кетскому языку⁴. Кетским глаголом занимались также и зарубежные лингвисты. Здесь в первую очередь следует упомянуть Э.Леви и К.Боуда.

¹ Кетский сборник. Лингвистика. М., 1968, стр.9.

² А. П. Ду л ь з о н . Кетский язык. Томск, 1968; о н ж е . Аффикация как метод передачи грамматических значений. Томск, 1962; о н ж е . Строение кетского глагола. ВЯ, 1970, № 5, стр.42-51; о н ж е . Общность глагольных форм индоевропейских языков с урало-алтайскими. Вопросы лингвистики, вып. 2, Томск, 1969.

³ Е. А. К р е й н о в и ч . Глагол кетского языка, Л., 1968.

⁴ Кетский сборник. Лингвистика. М., 1968, стр.196-228.

Нельзя сказать, что все вопросы, связанные со структурой кетского языка однозначно решены. Но так или иначе они подвергались специальному изучению.

Значения же и употребление временных форм кетского глагола не было еще предметом специальных исследований. В этой статье мы постараемся рассмотреть случаи употребления форм прошедшего времени в имперфектном значении. Рассматривая употребление форм, мы будем пользоваться названиями, которые даны этим формам в монографии А.П.Дульзона "Кетский язык".

Считаем необходимым вкратце изложить суть классификации форм кетского языка, как она проводится у А.П.Дульзона.

Во-первых, в кетском языке необходимо отличать сложные формы глагола от сложных глаголов, хотя в структурном отношении они порой идентичны, особенно, когда речь идет о сложной форме простого глагола и простой форме сложного глагола. Так, формы каузатива у Е.А.Крейновича рассматриваются как особый структурный тип сложного глагола. В самом общем виде структуру сложной формы глагола и сложного глагола можно представить в следующем виде:

определяющая подоснова + определяемая подоснова.
Дело усложняется еще тем, что и в формообразовании и в словообразовании участвует одна и та же определяемая подоснова. Особенно это касается подоснов, образованных на основе глагола е/а-делать. Для отличия сложных форм глагола от сложных глаголов имеет значение содержание определяющей подосновы. Сложные формы одного и того же глагола связаны между собой общностью инфинитива, который и служит определяющей подосновой сложной формы. Таковыми формами в кетском языке являются формы каузатива, инхоатива, формы на -бет, которые А.П.Дульзон называет пассивом, с чем мы не совсем согласны, формы на -укс'е, названные терминативом. Простые формы сложных глаголов имеют в качестве определяющей подосновы прилагательное, существительное и наречие.

В кетском глаголе регулярно прослеживается противопоставление форм со значением настояще-будущего и прошедшего времени. Наблюдения показывают, что каждой форме настояще-будущего времени соответствует только одна "своя" форма прошедшего времени.

формы прошедшего времени и настоящего-будущего имеют также и сложные формы глаголов. Правда, способ образования форм времени не одинаков у различных глаголов и форм. Но это тема особого исследования. Мы же остановимся на вопросе, является ли имперфектное употребление особенностью определенных форм прошедшего времени или оно зависит от контекста и других причин.

Имперфект, как это определяется в "Словаре лингвистических терминов" О.С.Ахмановой, обозначает действие, состояние, процесс, как продолжавшийся в прошедшем, как обычное (привычное) действие в прошлом, безотносительно к тому, было оно завершено или нет^I. Известно, что некоторые языки имеют специальные грамматические формы для выражения имперфекта. Мы не можем сказать, что в кетском языке есть специальные грамматические формы для выражения значения имперфекта, противопоставленные по значению формам перфектного или аористического значения. Поэтому в отношении кетского языка лучше говорить об употреблении форм времени в определенном значении.

Итак, употребленный в имперфектном значении глагол может представлять действие как разворачивающийся процесс, длящийся одновременно с каким-либо периодом времени. При процессном значении действие всегда связано с другим действием, глагол в данном случае изображает не динамику ситуации (смену событий), а динамику самого действия, как бы останавливая развитие событий. В этом своем значении глагол обладает определенной лексической сочетаемостью. В этом случае характерны обстоятельства, указывающие на длительность действия и способ протекания действия. Такими обстоятельствами образа действия в кетском языке являются ин 'долго', унат 'медленно', сидугд 'в течение ночи' и другие.

Например:
ен' б^ода тик унат бил'ус 'этой весной снег медленно таял',
бунг сидугдъ би:сеУалин... 'они всю ночь воевали'.
каје он сыкиг дукт дол'и:н каје 'после он семь лет жил'.
ту дил'каје сирукдъ дил'ден 'этот ребенок всю ночь плакал'.
бу ин' дил'кут куска, ка а долак 'он долго шаманил в чуме, потом вышел'.

^I О. С. А х м а н о в а . Словарь лингвистических терминов, М., стр.173.

Данные примеры представляют собой простые формы простых глаголов. Итак, значение разворачивающегося процесса могут передавать простые глаголы в их простых формах.

Следующие примеры представляют собой простые формы сложных глаголов.

бу б^он ин' даингил'бет сал' да кайнем и салдоол'бет- 'он не долго думал, взял табак и закурил',
ат' инам бат деесибиниУед' 'я долго вкручивал гайку',
бу да кайнем, бу да кил'дабинтет, кил'дабинтет а ты?н ил'тонок
'она его взяла, била, била, и котел сломался',
ат' ки?м б^олк тол'Уа кимдылгерас данил'дан 'я в это время на улицу ходила, с девушками играла'.

Как видим, и сложные глаголы в своих простых формах в соответствующем контексте передают значение разворачивающегося процесса. Надо отметить, что сложные глаголы в кетском языке гораздо более многочисленная группа, чем простые глаголы. Особенно многочисленны словообразовательные модели с компонентами -бет, -Уит, -тет.

Теперь рассмотрим сложные формы глаголов в отношении процессуального значения. Возьмем следующее предложение:
от бу тангуУол'бет, солото тангуУол'бет 'вот он таскал, золото таскал'.

Здесь слово тангуУол'бет представляет собой уже не сложный глагол, а сложную форму глагола, простая форма которого в прошедшем времени будет бил'танг 'ташил'. Корневой элемент со значением 'тащить' - танг в простом глаголе располагается в конце слова, а в сложной форме - в начале слова в качестве определяющей подосновы. Приведем другие сложные формы этого глагола:

тангкимна 'поташил, стал тащить' - каузатив,
тангбаУоУон 'стал тащить' - инхоатив.

Эти формы являются наиболее регулярными, другие имеют ограничения в образовании, которые пока не совсем ясны.

Скажем сразу, что формы однократного каузатива у большинства глаголов имеют инхоативное значение, что не совместимо с представлением о делящемся процессе. Таким образом, формы инхо-

атива и однократного каузатива не употребляются в процессном значении. В экспедиции этого года одной из задач было выяснение сочетаемости глаголов и их форм с обстоятельствами различного рода. Предварительные выводы: значение процессности не является свойством формы, а придается ей контекстом. Нередко проявлению значения процесса препятствует лексическое значение. Например, со словом *ин* 'долго' не сочетается слово *һэ^отйул'а* 'шепнул', *һитийул'а* 'приклеил' и некоторые другие.

Что касается значения обычного или повторяющегося действия, то оно в большей мере опирается на грамматическую систему. Индикатором этого значения является слово *бек*, которое изменяет свое значение в зависимости от формы глагола. На основании данных, полученных в экспедиции, и текстов представляется следующая картина. Глаголы, отмеченные как глаголы со значением однократности, употребляются со словом *бек* в значении 'навсегда, совсем'. Например:

бек *колийул'* 'совсем поравал (навсегда)'.
бек *санныйул'а* 'вылил (навсегда)'.
бек *дангомты* 'повесил навсегда'.
бек *кайнем* 'взял навсегда'.
бек *тул'адак* 'совсем упал (и больше не вставал)'.
Глаголы же со значением многократности сочетаются со словом *бек* в значении 'всегда', изображая постоянное, привычное действие. Приведем примеры:

кып *бе?к* *бил'ебыт ш'ул'* 'дед всегда делал нарти'.
ат' *бе?и* *дунгол'бет* *кидь унгокс'динга* 'я всегда садился на этот стул'.
Сравним: *ат'* *кон'ден* *кидь унгокс'динга* 'я сел на этот стул'.
ап *һып дэ^окт* *бек* *с'ингбуУол'бет* 'мой сын всегда быстро одевался'. Однако наиболее употребительным средством для выражения интеративности является препозиционная частица *бат*. Эта частица придает любому глаголу значение обычного повторяющегося действия. Примеры:

итанг *ар'* *акте* *бар'* *гайнем* 'пусть я хорошо одолевала (букв. брала). Сравним: *итанг* *ар'* *акте* *р'* *гайнем* 'пусть я хорошо одолела',

Часто это значение передается на русский язык с помощью глагола 'бывало' в сочетании с личной формой настоящего времени.

Например:

ас'ка ат'пена обыл'дга бис' кимад ыл'га бат кон'ден бат тобин'--
гии - "те киме аскад киуУал'гат" - 'когда я маленьким был, каж-
дый вечер возле бабушки, бывало, сяду, говорю: "Ну, бабушка, сказ-
ку расскажи'.

кима кысангга тесинг бада пельингон'санг али с'ас'инг си?
помылинг бада бил'абат и тудадот бада кайнем 'бабушка у рус-
ских пимы, бывало, сошьет или камусы, постель мягко обдѣлыва-
ет и за это хлебом берет'.

тон ат' кимад ыл'га бад усендин 'так я возле бабушки, бывало,
засну'.

Приведенный материал позволяет сделать следующие выводы:
специальных форм для выражения имперфекта в кетском языке нет.
Выражение процессности обуславливается в большинстве случаев
контекстом и лексическим значением глагола.

Выражение повторяемого, обычного действия больше обуслов-
ливается системой грамматических форм. Это значение является
свойственным формам со значением неоднократности.

Наиболее универсальным средством выражения этого значения
является препозиционная частица бат, которая любой глагол де-
лает итеративным.

Н.Т.Бухарева

АФФИКСАЛЬНЫЕ ДИАЛЕКТНЫЕ СЛОВА И ИХ ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РУССКИХ ГОВОРОВ СИБИРИ

В задачу данной статьи входит определение некоторых общих положений системных отношений в словообразовательных процессах, наблюдаемых в сибирских говорах. В связи с этим необходимо показать, что наличие у говоров общих с литературным (общенародным) языком словообразовательных моделей не лишает их специфики в словопроизводстве. В результате различных сочетаний общенародных основ и аффиксов в говорах образуются диалектные слова, неизвестные литературному языку: белковать – охотиться на белку; сеновать – заниматься уборкой сена; безласка – сирота; вековщина – жизнь и т.п. слова¹.

¹ В статье использованы лексические материалы картотеки Словаря русских говоров Сибири, находящейся в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР, а также материалы диалектных словарей: В.И.Д а л ь . Толковый словарь живого великорусского языка, тт. I–IV, М., 1956 /Даль, Слов./; Словарь русских народных говоров АН СССР, вв. I–6, М.–Л., 1965–1970 /СРНГ/; Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р.Оби, тт. I–3, Томск, 1964–1967 /Томск. Слов./; Словарь русских говоров южных районов Красноярского края, Красноярск, 1967 /Красноярск. Слов./.

Единичные модели и аффиксы, встречаемые в том или ином говоре, могут быть отмечены как своеобразные случаи. Но для характеристики словообразовательных отношений они едва ли что дадут, поскольку только "регулярное, повторяющееся в структурных формах — принадлежность грамматического строя языка, все же единичное, не обусловленное структурно, относится к лексике."²

Считаем необходимым также указать на те специфические (лингвистические и нелингвистические) факторы, которые способствуют возникновению различных словообразовательных процессов в сибирских говорах.

Словообразовательные диалектные слова возникают при необходимости наименования новых предметов и явлений. В сибирских говорах этот процесс ограничивается в основном наименованием чисто сибирских явлений. Ядро сибирской диалектной лексики составляют слова, унаследованные из севернорусских (материнских) говоров, которые на территории Сибири стали пополняться сибирскими новообразованиями. При образовании диалектных слов, называющих новые предметы, явления, используется производящая основа (по своему происхождению общенародная, областная или иноязычная) и различные аффиксы. В областной сибирской лексике можно отметить:

1) слова, образованные от общенародных основ: белки — вершины гор, покрытые снегом (алтай.); зеленник — обширное, необозримое пространство тайги (красноярск.); горыч — ветер, дующий с гор, береговой ветер (байкал.); оленуха — самка оленя и т.п.;

2) слова, образованные от диалектных основ: ботуха — сеть, применяемая при ловле рыбы ботанием, от севернорусского слова "бот — специальная палка или шест, которым ударяют по воде, пугая рыбу". (См. СРНГ, в. III, стр. 128); булыжник — крупный камыш (новосиб.) от севернорусского "булыжка — веретено с намотанной пряжей, 2) утолщение, опухоль (новг.)". (См. СРНГ, в. III, стр. 272); булызка — косточка плода дикого персика (забайк.) от южнорусского "булыга — дикий камень, булыжник, валун (тульск.). (См. СРНГ, в. III, стр. 272);

² К. А. Тимофеев. Заметки о словообразовании. В сб.

"Вопросы грамматики", АН СССР, М.-Л., 1960, стр. 433.

3) слова, образованные от иноязычных основ: аргальник - растение, растущее на сухом навозе (иркут.) из монгольского аргал - сухой навоз, кизяк³; урманчик - охотник на пушного зверя; то же, что промышленник и урманщина - жители тайги (тобол.) из татарского урман - лес⁴; бурдушники - жители берега р. Лены из якутского бурдун - мука, "любимое якутское кушанье: кисель из квашенного раствора ржаной муки. Даль"⁵;

4) слова, образованные от местных топонимов: амурчик - порода рыб; ангарка - небольшое речное суденышко, барка; баргузинка - синяя краска со дна высохшего озера на верхней Ангаре, фосфорнокислое железо (от географического названия р. Баргузин, впадающей в о. Байкал); сибирка - 'тюрьма' (иркут.), 'тяжелое инфекционное заболевание - сибирская язва' (сиб.) и т.п. слова⁶.

Тенденция к конкретизации значений слов, характерная для народного языка, является одной из причин, вызывающих образование новых слов на основе существующих реальных лексических возможностей. Она особенно проявляет себя в тематических группах слов, обозначающих видовые понятия каких-либо важных отраслей хозяйства. Это хорошо видно на примере лексики леса, поскольку в лесных районах Сибири такая детализация в характеристике леса является необходимой. Лес классифицируется по породам деревьев (кедрач=кедровник, пихтарь, листвяг, бельник - березый лес, елач), по качеству деревьев как строительного материала (мендач=мендачина - лес с крупнослойной, мягкой древесиной, выросший в сыром месте; нестроевой лес. - Старинны дома - это кондовые, а мендач лето простоит и желтеет весь (томск.); кондач - крепкий, прочный, без сучьев; строевой лес. - Кондач на избы выбирали (иркут); суголь - искривленный и сырой лес; дубровник - деревья

³ Монгольско-русский словарь под ред. А. Лувсандандава, М., 1957, стр. 42.

⁴ Татарско-русский словарь, М., 1966, стр. 591.

⁵ СРНГ, в. III, стр. 284.

⁶ Считаю необходимым отметить, что чисто сибирская словообразовательная лексика в статье рассматривается в системных связях и взаимоотношениях с привнесенными в говоры Сибири инодиалектными словообразовательными лексемами.

с древесиной хорошего качества; сумендач - дерево с рыхлыми слоями древесины. - Мендач - это болони много, а меньше болони - это сумендач (красноярск.) и т.п. слова; по лесным зарослям (мелкач=подсад, редяч, густарник).

Такая же конкретизация наблюдается и при наименовании необходимых в хозяйстве построек: сенник, колосник, дровник, холо-ник, сушик, денник, назёмник, конюховка и др. Конкретизация значений может быть обусловлена синонимией, когда одному предмету или явлению дано несколько наименований (по тому или иному признаку или особенности). В лесных районах Сибири распространен промысел по сбору кедровых орехов. Рабочий процесс имеет несколько названий: кедровать-шишковать - ореховать-орешничать, а человек, занимающийся добычей кедровых орехов, именуется: бидух-боец-бойщик-сбойщик-колотильщик-лазун-шишкарь-шишкобой-орешник.

В результате взаимодействия аффикса с производящей основой возникает диалектное слово с определенным значением, имеющим внутреннюю связь со значениями составляющих его компонентов. Эта связь может быть непосредственной, при которой значение слова представляет собой сумму значений производящей основы и аффикса: Например, в названии леса - кедрач, пихтарь, елач (по породам деревьев) или в таких словах, как подамбарье - пространство под полом амбара, предамбарок - крыльцо у амбара, навильник - количество сена (соломы), взятое на вилы и т.п. слова. -В подамбарье вешали хомуты, чтобы дождем не мочило (новосиб.). -Сколько корму надавала? -Три навильника бросила (новосиб.). -Кедрач - это хвойный лес, на котором орех. В тайге идешь-идешь, и все кедрач вокруг (краснояр.). Тут пихтарь, где исключительно пихта (тюмен.). Около амбара было крыльцо. Его-то и называли предамбарок; (амур.).

Значение диалектного слова может быть связано со значениями составляющих его частей опосредованно. Слово возовик, к примеру, указывает на то количество сена, которое укладывается на один воз. -Возовик - это копейка как раз для одного воза конского (томск.). Слово может указывать на признак явления или предмета по его характерному действию (ползун-ползунец - туман; бегунчик - зрачок), на качественный признак предмета (зеленник - обширное

пространство тайги; гольцы¹ - скалистые, лишенные растительности хребты), на результативность действия (сураз - незаконнорожденный ребенок; заскрёбыш - последний ребенок в семье), на причинно-следственные связи (ветренница - деревце, служащее для укрепления стога, зарода) и т.п. - На гольцах ничё не растёт (забайкал.). - А незаконный родится, так и звали сураз, его мать одна воспитывает (тюмен.). Последняя дочка дык заскрёбыш (кемер.). Ветренницей прижимали сено в стогу, срубят тонкую лесинку и прижимают (новосиб.). Внутренняя форма этих слов выражает определенный образ, который обуславливает эмоциональную и экспрессивную окраску слова, передающую отношение говорящего к называемому.

Образность народной речи обусловлена не только стремлением через образное представление мотивировать название предмета, но и выразить в нем свою эмоциональную оценку. Кузнечика в сибирских говорах называют скачком=поскакунчиком за характерное скачкообразное передвижение. - Скачек по земле скачет. Кто как скажет, кто скачек, кто кузнечик, а ребятишки солдатами кличу их (новосиб.). Характерные признаки выражены в названиях бедняка: горюн, голяк или шабурник, балахонник по названию одежды, которую носят бедняки (шабур, балахон - верхняя самотканная, обычно из холста, одежда свободного покроя). - У голяка нечего было одеть и обувь, уж такая бедность непробудная. У нас раньше бедняков шабурниками называли (хакасс.). По улице идет балахонник (краснояр.) Похожее на большую чашу озеро называют чашина (алтайск.), а маленькую ямку - чашинка. - Смородина в чашинках растет (новосиб.). Крапива, которая жалится, словно пчела, называется жало-жалюга-жалючка-жалыца-окальник. - У нас в саду много жалыницы, вырвать надо (новосиб.). В самом слове выражено объяснение названия предмета или явления указанием на его характерный отличительный признак.

Образность, конкретность народного мышления проявляет себя в создании значительного количества слов с яркой внутренней формой. Характерный признак реалий обычно заключается в производящей основе слова: нырок - ухаб, кошельники - купцы, чашечник - старовер, бездомник - плетеная сумка, кошель, заугольник - внебрачный ребенок и т.п. - Что заугольник, что сураз - все одно, над ими смеются (новосиб.). Накладывая в бездомник продуктов, он же из дома та-скает всё (амур.).

Не во всех случаях мотивированность диалектных слов понятна носителям литературного языка, так как в ней проявляется специфика народного образного мышления, которая зависит от целого ряда условий жизни и быта, географической среды, традиций, народной культуры и т.д. В некоторых сибирских говорах севернорусские слова заскрёбыш⁷ означает: 1) остаток теста в квашне и 2) хлебец или булочка, выпеченные из остатков теста. «Я заскрёбыш оставлю на опару (иркут.). Закрёбыши напекла, да ребятишки все поели (томск.). Эти значения слова по-видимому послужили основой для переносного значения «последний ребенок в семье». «Девка у них заскрёбыш — последняя (иркут.). Станет понятным, почему бурят живущие с ними русские называют браты, братские, братчеха (бурятка), если обратиться к истории заселения, например, Тункинского края Иркутской области. Русские, которые с момента поселения не жили среди бурят обособленными группами, а тесно общались и смешивались с ними, говорили: «С бурятами большо знакомство имеем. С бурятами абыдно (в согласии) живем»⁸. Здесь до сего времени живет это название, свидетельствующее о дружеских (братских) отношениях между этими народами, об их взаимном бытовом и культурном влиянии, что выражено в народном (русском и бурятском) творчестве⁹. Русские, живущие по берегам р. Лены, получили прозвище бурдушников по названию любимого якутского кушанья бурдук — «кисель из квашеного раствора ржаной муки», которое они у них переняли¹⁰. Жители Забайкалья стали называться байдаражниками от слова байдара — «глиняная посуда, в которой варят чай», заимствованного из монгольского языка вместе со способом приготовления затурана — специального напитка из чая^{II}.

⁷ См. А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия, СПб., 1885, стр. 53.

⁸ См. статью Г. С. Виноградова Замечания о говорах Тункинского края. Бурятоведческий сборник, вып. II, Иркутск, 1926 г. Приложение, стр. 2.

⁹ Там же, стр. 21. Автор приводит записи частушек, сделанные им на Аршане.

¹⁰ СРНГ, вып. III, стр. 285.

^{II} СРНГ, вып. II, стр. 54.

Слова сураз, сумёт, супрядки, сүзелень и др. станут понятными, если обратиться к фактам древнерусского языка, в котором приставка су имела значение 'вместе, сообща'¹², а слово погодица - 'сильная метель' содержит в себе областное (севернорусское) значение производящей основы погода - ненастье, ветер.¹³ - Погодица поднялась, трудно итить (краснояр.). Слово балазёнок - ребёнок (алт.), аранцы - высокие каменистые горы (якут.) могут быть объяснены только фактами тех языков, из которых они проникли в русские говоры и получили русскую аффиксальную форму. Балазёнок из алтайского балази, тюркское пала=бала - 'ребёнок, дитя',¹⁴ (по аналогии с ребёнок, суразёнок), аранцы из якутского арана - 'слой',¹⁵ (по аналогии с голицы, бельцы, тальцы и т.п.).

Образование многих новых слов в говорах объясняется теми смысловыми изменениями, которые наблюдаются в общенародных словах. Слово огоро́д в большинстве сибирских говоров обозначает понятие 'изгородь' вообще и её разновидности, вступая при этом в синонимическую связь со словами городьба-загород-загорода-огорода-огородец. Мы в поле картошку посадили и огород поставили (новосиб.). Там нет загорода, не огорожено (томск.). Зовут огорода, огородец, огород - всё одно (краснояр.). Понятие же 'огород' выражено словом овощник. По-видимому причина образования этого диалектного слова обусловлена стремлением избежать омонимии со словом огород в диалектном сибирском значении. - Раньше овощников совсем мало было, говорили, что земля ничё не родит (алтай.). Огород - дѣк изгородь, а где овощи растут - овощник (новосиб.). Слово двор в говорах Сибири претерпело некоторые смысловые изменения. К ним относятся: а) сужение значения. Сло-

¹² И. И. С р е з н е в с к и й . Материалы для Словаря древнерусского языка, т. III, СПб., 1903, стр. 592.

¹³ А. П о д в ы с о ц к и й . Словарь областного архангельского наречия. СПб., 1885, стр. 124.

¹⁴ В. В. Р а д л о в . Опыт словаря тюркских наречий, т. IV, ч. 2, СПб., 1911, стр. 1161.

¹⁵ СРНГ, вып. I, стр. 268.

во означает только скотный двор, загон, баз и вступает в синонимические отношения со словами пригон, стаяка. - Во дворе могут быть и помещения для скота и для куриц (алтай.). Двор - это рубленный, в нем и скотину держали. Двор большой, а стайка маленькая (новосиб.). Двор теплый, там и коровы, и овечки, и курицы, а пригон плетнем загородишь, тесом обощешь, он холодный (новосиб.); б) расширение значения. Слово двор обозначает 'дом со всеми хозяйственными постройками; заимка, хутор, ферма и т.п.; то же, что посёлье; в) специализация значения. Слово означает 'заезжий (постоялый) двор на тракте' (томск.); г) метафорический перенос. Двор - "небольшая ложбина на солнопеке; (южной стороне), поросшая лесом" (вост.-сиб., Даль). В результате от этого слова как производящей основы с её диалектной сибирской семантикой образовались производные: дворище - место, на котором стоит дом с хозяйственными постройками; задворье - крытый или глухой навес для скота; дворы - хозяйственные постройки на усадьбе; дворня - постоянный двор; дворник - хозяин заезжего двора. - Косина на дереве бывает, тогда его на дворы кладут (краснояр.). Вон дворище, там сараюшка (тюмен.). Дворня за углом будет, там отдохнете (омск.). Дворник уж понимали - хозяин заезжего места (томск.).

Различные междусловные отношения, наблюдаемые в лексической системе сибирских говоров, также способствуют образованию новых диалектных слов. Синонимические слова яма и погреб, означающие в ряде говоров 'специальное хранилище для картофеля и других овощей, сооруженное во дворе', являются производными при обозначении более конкретных построек данного типа. Природная яма называется ямина, погреб на улице, на котором сооружен небольшой сарайчик, - погребница=погребушка=подъямок. - Сверху если яма закрыта и вода на пробегает - это погребница. Подъямки у всех сибиряков были. Они удобны хоть летом, хоть зимой (алтай.). Погребушка - это погреб, а над ним пристойка (новосиб.). Сама надстройка называется погребёнка=погрёбка. - Погрёбка над погребом (томск.). Погребенка над погребом строится (новосиб.). Сруб для погреба - подъямник, место около погреба - погребённый, а яма со льдом для

хранения в ней летом продуктов — погребёнка. — В погребенке лёд до самой осени был (новосиб.).

При омонимичных словах в говорах нередко наблюдается тенденция к образованию словоразличительных вариантов, как например, в словах:

I. стан = становище = становьё = стано́к — 'временная постройка для жилья (шалаш, балаган, землянка и т.п.) и режé для крупного рогатого скота; стан = стано́к — 'почтовая или ямская станция в Сибири до революции'. — Мы ехали от станка до станка, и ямщики везли нас беспрекословно (Короленко, Государевы ямщики). Делали до Бийска по шесть станков (алтай.). А на почтовом станке староста и писарь (томск.);

II. стан = стани́на = стану́шка = станови́на = стано́к (редко) — 'нижняя женская сорочка с рукавчиками, обычно надеваемая под горбач (сарафан)'. — Становину и днем и ночью носили (алтай.). Станушки — та шили низ из холста, а верх из ситца (иркут.). Рукава пришиваешь, уж это станушка была, а внизу становина холщова, самоделишна (краснояр.). Рукава пунцовы, красны и холщовая рубаха — это станина (томск.).

Такая же словарная дифференцированность производных наблюдается в омонимах:

I. бот = ботови́ще = бото́вка = боту́шка — 'приспособление для рыбной ловли, которым ударяют по воде, пугая шумом рыбу и загоняя ее в сеть; то же, что фуркало, пушкарка'. — Бот — это палка, в ней дудочка. Сеть поставишь, тогда заезжаешь и начинаешь ботать: вода шумит, рыба боится и заходит в сеть (кемер.). Отсюда образованы: ботать рыбу, ботание, бота́ха — 'деревянный стакан на конце бота, ударом которого по воде пугают рыбу' (тюмен.); боту́ха = бото́вая сеть;

II. бот = бото́ = ботало́ = ботал — 'колокольчик, привязываемый на шею пасущихся лошадей, коров и т.п.'. — Для коровы бот привязывают, есь колокольчик. Боталы были — така погремушка, на лошадей одевали (томск.);

III. бот = ботовь = ботва́ — 'картофельные, свекольные, огуречные стебли вместе с листьями; то же, что мякина — веклина — плети

= плетёнышек - коса - тетива'. - Листья на картошке бот зовут (томск.). Отсюда образованы: ботвиння - квас из поджаренных отрубей; ботун - сорт сибирского лука. - Ботун, он в зиму уходит, сейчас он зеленый уже (томск.);

IV. бот = бат - 'небольшая долбленая лодка; то же, что долблёнка - обласок - однодерёвка'. - Раньше свалют сосну... выдолблют и все, и плавают - бат называлась (томск.).

Многие диалектные слова являются местными морфологическими вариантами общерусских и диалектных слов. Словообразовательные диалектные варианты представляют собой различные грамматические формы слова, в которых аффикс обладает нулевым семантическим содержанием. При присоединении его к производящей основе слово получает лишь новое грамматическое оформление. Словарный материал сибирских говоров изобилует подобными вариантами. В качестве примера можно привести наиболее распространенные междиалектные варианты: вдова = вдовуха = вдовица; лопоть = лопотина = лопотинка - 'одежда'; бут = бутун = бужунец - 'сибирский дикий лук'; тень = стенъ = затень; крышка = покрышка и др. слова.

Сравнение с литературным языком указывает на обилие аффиксальных вариантов в сибирских говорах, которое объясняется устным характером диалектной речи, ее ненормированностью и потребностью в экспрессивности. В одном и том же говоре и даже в речи одного и того же лица наблюдается довольно свободное использование диалектных вариантов этого типа. Так в томских говорах можно отметить варианты: истопель = истоплево = истопля - 'количество дров, необходимое для того, чтобы истопить печь'. - Там дров на два истопля будет. Отрубил дров на истоплево. На истоплю - на один раз. В селе Чингис-Ордынского района в речи одного лица отмечены варианты лопоть = лопотина - 'одежда'. - Ой, взяли молодуху, а лопоти-то сколько у ей! Лопотина на вешалке вешацца.

В лексике общенародного языка, представленной в Словаре современного русского литературного языка АН СССР, словообразовательные варианты встречаются довольно редко, поскольку в

нормированном языке существует тенденция к устранению избыточных средств. В диалектной речи эта избыточность носит относительный характер, так как морфологические и фонетические варианты слова часто обладают различной экспрессивностью (жа́ло = жа́льница = жа́люка - крапива; ве́рхонки = ве́рхницы - вид рукавиц; впада́ть = выпада́ть = пада́ть (о реке); бо́т = бо́тушка = бо́товище = бо́товка - приспособление для рыбной ловли и др.).

Образованию этих вариантов способствует также неустойчивость грамматического рода в говорах (исто́пель = исто́плев = исто́пля; вы́пряг = вы́пряжка - перерыв на обед; бло́шник = бло́шника - 'мята полевая' и др.), фонетические варьирования в аффиксах (бло́шника = бло́шница; бру́сника = бру́сница = бру́сника; кумо́ха = куму́ха - лихорадка; ве́ковуха = ве́ковуша - старая дева и др.), аналогии (бе́лки = бе́льцы - горы, покрытые снегом, ср. гольцы).

Пределом варьирования является смысловая дифференциация вариантов, при которой словообразовательный вариант становится лексико-семантическим. В говорах Новосибирской области слово исто́пля означает: 1) количество дров, необходимое для разовой топки печи; то же, что исто́пель. -Исто́пля - дрова на один раз вытопить печку. На исто́плю одного беремя хвата́т; 2) дрова. -При́ташыл в дом несколько охапок исто́пли. В результате расширения значения вариант исто́пля становится самостоятельным словом, в котором отношения между значениями представляют собой отношения лексико-семантических вариантов, объединенных общим, инвариантным значением 'количество дров'.

Широкое распространение в сибирских говорах получили словообразовательные междиалектные варианты севернорусского происхождения ло́поть - лопотина в значении 'одежда'. В новосибирских говорах лопотина означает также: 1) один предмет одежды. -Общее название - лопоть, а одна - лопотина; 2) рабочая одежда из грубой ткани, надеваемая сверху. -Лесова лопотина; 3) старая, поношенная одежда, хлам. -Лопотина-та, дряни-та сколько повывбросить надо. Лопотина - это старый хлам.

Диалектные варианты в системе говоров находятся в определенных внутрисловных отношениях: словообразовательные диалектные варианты представляют собой различные грамматические формы слова, а лексико-семантические – различные его значения. Образование лексико-семантических вариантов из словообразовательных является одним из источников пополнения лексической системы сибирских говоров диалектными словами.

Сравнение с общенародным языком показывает, насколько богаче, гибче и разностороннее словообразовательные процессы в живой речи, в которой максимально используются все возможные сочетаемости словообразовательных средств. Так от одной основы с помощью различных аффиксов может быть образовано большое количество производных диалектных слов. Образуются гнезда слов с единой корневой основой, получивших благодаря дифференцирующим аффиксам (обладающим определенным значением) своё семантическое содержание, которое сохранило внутреннюю связь со значением основы:

кедр, →	кедровать	печь, →	лето, →	летний
кедрач	кедровка	запечек	летовка	летник
кедровник		подпечек	летовать	летнина
кедровик		припечек	летовье	
кедровка		печище	летось	
		печурка	селеток	

Однако в некоторых словах происходит разрыв этой связи: летник – легкий пиджак или костюмный пиджак; печище – место, на котором было жилье; развалины дома.

В образовании новых слов сказывается принцип регулярности словообразовательных моделей, что наглядно можно проиллюстрировать в следующих лексико-семантических группах:

кедрая	кедровать	летовать	беликовать	подамбарник
пихтач	шишковать	вечеровать	козовать	подлавка
мелкач	сеновать	осеновать	зверовать	подсенник
редкач	пучковать (лён)		лесовать	подмостье
мендач	кучеровать			подгорье
кондач	коноховать			и т.д.

В данных лексико-семантических группах интегрирующие аффиксы с определенным (общим) значением объединяют слова с различными производящими основами, конкретно выражающими это значение. Слова кедрач, пихтач, мелкач и т.п., обозначающие разновидности сибирского леса (по породам деревьев, по качеству древесины, по зарослям), объединены общностью значения (собирательностью) суффикса -ач: Приставка под- со значением 'находящийся под чем-либо' семантически объединяет слова подамбарье, подсенник, и др. Исключение составляет слово поднзобица, которое в сибирских говорах означает 'чердак'. Суффикс -ова- в сибирских диалектах имеет значение: 1) производственного процесса: кедровать, сеновать; 2) охоты: зверовать, белковать; 3) продолжительности какого-либо действия: летовать, осеновать.

Такие структурно-семантические группы слов выявляют регулярность ряда оформляющих слова аффиксов, их большую свободу в сочетаемости с производящими основами, а также их продуктивность или непродуктивность. Аффиксы в говорах подразделяются на две группы: известные общенародному языку, но имеющие свое диалектное значение, и неизвестные общенародному языку - диалектные по происхождению.

Суффиксы -ова-, -уха-, -ище- - известны общенародному языку, но в говорах Сибири употребляются в ином значении, как мы видели выше (примеры с суффиксом -ова-). Суффикс -уха- регулярен и продуктивен в словах, обозначающих лица женского пола или самок животных:

вдовуха	маралуха
вековуха	барануха
молодуха	оленуха
большуха	копалуха и др.

Суффикс -ище- объединяет слова со значением 'определенное место, участок, на котором что-то находилось': ржище, овсище, огнище, пепелище и др.

В словах: весенчук баракчан листвяг веснига
осенчук хураган сосняг бруснига
иртышан моластига землянига,

а также в единичных: быстредь, прохожар, горыч, братанчиш и т.п. наблюдаются "чисто сибирские" суффиксы, не свойственные литературному языку.

Структурно-семантические объединения позволяют выделить группы реликтовых слов, а также слов, сохранивших в своем составе древнерусские компоненты, что представляет большую ценность для истории говора и языка:

летось	сураз	селеток	лони=лонись
зимусь	сумёт	сегодок	лончак
утрось	сузём	сегоды	залонись
ночесь	супряги		позалани
лонись	супрядки		

Данные древнерусского языка свидетельствуют, что по происхождению аффикс -сь восходит к общеславянскому местоимению сь, се, которое указывало на близко расположенный предмет в пространстве и во времени. "Сеи ночи, сь ночь - в эту ночь; сего дњи - сегодня"¹⁶. "Летось - в этот год, в это лето"¹⁷. В говорах это местоимение в переосмысленном виде употребляется в роли суффикса, указывающего на прошедшее время. -Я еще утрось всю работу сделала (новосиб.). Слово летось означает 'в прошлое лето' и 'в прошлом году'. -Летось плохая сильно трава была (новосиб.). Летось ни разу мед не качали, а нонче накачали (новосиб.). (См. древнерусское лѣто - год, многа лѣта и лето, дѣтъ - в летнее время¹⁸).

В роли приставки се сохранило свое древнерусское значение в словах селеток - сегодок - 'жеребенок, родившийся в этом году'; сегоды - 'в этом году'. -Сёгоды хлеба хороши были, только вот сёгодной горох никуда не годится (новосиб.). Приставка су в говорах не изменила своего первоначального значения 'соединение, сближение', что видно из таких примеров, как супряги - 'коллективное пользование лошадьми и техникой для совместной обработки земли (применялись в коммунах)', -Супряги первый год были (новосиб.);

¹⁶ И. С р е з н е в с к и й . Указ. выше словарь, т. III, стр. 347.

¹⁷ Там же, т. II, стр. 79.

¹⁸ Там же, т. II, стр. 78.

супрядки - 'коллективное прядение'. - Бабы соберутся к кому-нибудь на супрядки, напряди, а потом начинают ткать (новосиб.). Древнерусское слово лоні - 'в прошлом году',¹⁹ в говорах употребляется в этом же значении, образуя ряд производных слов: лончак - 'жеребенок (теленки, олененок), родившийся в прошлом году'; позалани - 'позапрошлый год'. - Засуха-то и лони, и позалани была, ды, гляди, и напрок будет (южносиб.).

В заключение следует сказать, что словообразовательная система сибирской диалектной речи, составляющая часть общезыковой системы, отличается от нее не только обилием и более свободной сочетаемостью словообразовательных единиц, но и специфическими особенностями, обусловленными прежде всего устным, ненормированным характером народной речи, образностью народного мышления, тенденцией к конкретизации значений, к их экспрессивности. Все диалектные производные слова по их структуре можно расклассифицировать на следующие группы:

1. Слова, образованные от общенародных основ с общенародными аффиксами, имеющие:

а) общенародное значение: дровник - сарай для дров, курник - помещение для кур (ср. лит. ледник, телятник, куратник и др.); грабельщик - тот, кто делает грабли, дранщик - человек, который дерёт драньё для крыш (ср. лит. кровельщик, обувщик и др.);

б) диалектное значение: погодица - сильная метель (ср. лит. "погода - состояние атмосферы в данном месте в данное время"²⁰ и обл. погода - ненастная погода, ветер); дворйще - 'место, на котором стоит дом с хозяйственными постройками (ср. лит. двор и обл. двор - дом со всеми хозяйственными постройками; то же, что хутор, ферма и т.п.);

в) слова сеновать - заниматься уборкой сена; базарщина - покупной товар; мелкач - низкорослый лес и т.п. образованы сочетанием общенародных основ с общенародными аффиксами, получивших в говорах диалектное значение.

¹⁹ И. Срезневский, т.П, стр.46.

²⁰ ССРЛЯ, т.10, М.-Л., 1956, стр.182.

II. Слова, образованные от общенародных основ с диалектными аффиксами: осенчук - овца, рожденная осенью; братанчиц - метис (рожденный от смешанного брака русских и бурят); быстредь = быстрица - быстрое течение в реке и др.

III. Слова, образованные от диалектных основ с общенародными аффиксами: бусенец - густой туман; глизовник - кочки на болоте, лывина - болотистое место в лесу, кутник - лавка в кути и др.

IV. Слова, образованные от иноязычных основ с общенародными аффиксами: бурунник - помещение для телят из бурят. бурун - годовалый теленок; аранцы - высокие каменистые горы из якут. арана - слой.

V. Слова, образованные от иноязычных основ с общенародными аффиксами, имеющими диалектное значение: емануха - коза из монг. эман - домашний козел; аракушка из монг. арака - водка из кислого молока.

К особенностям диалектного словообразования следует отнести:

а) частое употребление двойной приставки: впиритруд - с трудом, позаланись - позавчерашний год (ср.: лани - в этом году, ланись - прошлый год), понарасти - вырасти в большом количестве и др.;

б) образование диалектных слов из предложных конструкций: заберег - полоса льда у берега, подкамень - место или дорога под скалой (камнем), подклеть - подполье, вомало - маловато, слишком мало; вотесно - тесновато и т.п.;

в) образование усеченных слов различного типа: некобсь - некошенная трава, нерусь - нерусское население, выруб - место вырубки в лесу, назнэ - имя, мужество - замужество и т.п.;

г) образование диалектных слов в результате различных морфологических особенностей (родовой, числовой, залоговой дифференциаций, субстантивации и т.п.): драник - оладья из тертого картофеля с мукой и дранка - разорванный на части старый материал, подволоба - чердак дома и подволоки - лыжи с подбоем из оленьей шкуры, вздумать - вспомнить и вздуматься - подумать, женска - женщина, братской - бурят и др.;

д) образование диалектных слов из реликтовых общенародных морфем, придающее диалектному языку архаический характер: лоньшак, сузедень, всугонь - в погоню, безвѣтный - не имеющий аппетита, соромщик - говорящий непристойности, вещица - сорока и др.

В наше время, когда в говор активно входит литературная речь, диалектное словообразование наблюдается лишь в отдельных случаях, характеризующих новое в жизни страны (говорелка - радио, передовуха - передовая работница, кинщик - любитель кино, разбилизаваться - демобилизоваться и др.).

Более углубленное изучение диалектного словообразования как в плане синхронии, позволяющее проводить сравнительный анализ с общенародным языком, так и в плане диахронии, раскрывающее историческое прошлое говора, период его формирования и процессы исторического развития, - позволят представить лексический состав сибирских говоров как систему, характеризующуюся своими специфическими особенностями.

С.Г. Солтан

ПРОЦЕСС ВОЗНИКНОВЕНИЯ УЗКОРЕГИОНАЛИЗМОВ
В РУССКИХ ГОВОРАХ КЫТОВСКОГО И СЕВЕРНОГО РАЙОНОВ
НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Словарный запас отдельных говоров составляют не только лексемы широкого диалектного ареала, но и такие лексемы, которые функционируют на узком регионе и не имеют изоглосс в других говорах. Они отражают самобытность лексического состава отдельных говоров и обычно связаны с историей их формирования и развития.

Лексические элементы, функционирующие в данных говорах и не имеющие изоглосс в других говорах, мы называем узкорегionalными. Таким образом, предметом исследования данной статьи являются узкорегionalные словосочетания, слова и значения слов (семантические узкорегionalизмы).

1. Критерием для определения узкорегionalизмов являлось их отсутствие в известных нам словарях, картотеках и других словарных источниках. Выделенная группа слов может быть откорректирована, уточнена после выхода в свет других диалектных словарей русского языка, если эти словари подробнее отразят диалектную лексику.

Процесс возникновения уакорегионализмов имеет историко-социальные обоснования.

Известно, что исследуемые говоры Сибири, как и многие другие говоры, формировались в результате миграций в данный регион переселенцев из севернорусских и южнорусских губерний, Украины и Белоруссии. Характерной особенностью начального, постемиграционного периода жизни переселенцев, на наш взгляд, следует считать тот факт, что оторвавшись от своих исконных территорий, заселяя свободные пространства Сибири (чаще всего так называемые "урманы" и "елани"), разные переселенческие группы оказывались вне широких социально-экономических связей. Обширность сибирских земель, их хаотическое неплановое заселение на первых этапах миграций, а в некоторых местах сложность рельефа (таежные массивы, болота и т.п.) — все это разделяло, дробило первые миграционные потоки на мелкие переселенческие группы, которые в процессе последующей жизни оказывались изолированными друг от друга. "Вырвать в лесистой и горнотаежной полосе у суровой природы крупные массивы пригодных земель было трудно. Поэтому и рассыпались по малым еланям однодворные и двудворные деревни." ¹

Осваивая заселяемые территории, переселенцы вели хозяйство, по типу напоминающее натуральное, поскольку их изоляция на первых порах оставляла мало возможностей для широкого развития товарно-денежных отношений. Все свои хозяйственные потребности переселенцы были вынуждены удовлетворять собственным трудом. "Если феодальное государство проявляло некоторую активность в снабжении населения хлебом, то вопрос о снабжении населения промышленными изделиями решался почти исключительно самим населением." ²

1. И с т о р и я С и б и р и . "Наука", Л., 1968, т.2, стр 41

2. Т а м ж е , т.2, стр 80

Производственная и познавательная деятельность переселенцев в сибирских условиях обогащала их представления об окружающем мире. Информация, актуальная¹ для жизни в новых условиях, закреплялась в созданном переселенцами слове, словосочетании или значении уже известного слова.

Такие узкорегионализмы отражали природные особенности той местности, в которой жили и трудились переселенцы. Узкорегиональные лексемы ПРОПАРИНА - 'болотная трясина', ХОВМЯЧОК - 'островок среди болота', узкорегиональное словосочетание ДУРНАЯ КОЧКА - 'большая кочка на болоте' и семантический узкорегионализм ПЕБЕНЬ - 'маленькая болотная кочка' отражают особенности рельефа рассматриваемого нами региона. К этой же группе лексических единиц относятся семантические узкорегионализмы ПРОТАЛИНА - 'чистое, свободное от водорослей и тины место на озере' и СКОВОРОДКА - 'небольшой островок зеленой травы, появляющийся вскоре после таяния снега'. Такие климатические явления как ранний снег и холодный, северный ветер передаются семантикой узкорегиональных словосочетаний ОСЕННЯЯ ВЪПАДКА и ВЕТЕР С ДЕДОВОЙ СТОРОНЫ. Приведенные узкорегионализмы обозначили достаточно значимые² явления для жизни носителей говоров: так, на ХОВМЯЧКЕ обычно косили траву, на ПРОТАЛИНЕ было удобно ловить рыбу, трава со СКОВОРОДКИ скармливалась скоту, изголодавшемуся по сочному корму после долгой сибирской зимы и т.д.

1. "Сведения тогда представляют интерес, несут с собой информацию, когда мы узнаем что-то новое, отличное от известного." (А.Д.У р с у л . Природа информации (Философский очерк), Политиздат, М., 1968, стр 68)
2. "Ведь в большинстве случаев информация важна субъекту не сама по себе, а для каких-то целей." (А.Д. У р с у л . Указ. раб., стр 55). "С большой осмотрительностью русский хлебопашец определял почвенные, климатические и другие условия." (Народы Сибири, стр 67).

Слабые социально-экономические связи между отдельными переселенческими группами внутри данного региона в постмиграционный период, как нам кажется, неизбежно порождали раздробленность в номинации предметов и явлений, актуальных для жизни в сибирских условиях. Жители двух близлежащих сел, например, разделенных болотом или участком тайги, одно и то же явление могли называть по-разному, положив в основу внутренней формы созданных слов его разные признаки. Это приводило к так называемому параллелизму обозначений.

Процесс разложения феодального строя и зарождения в Сибири капитализма, как и в Европейской России, сопровождался бурным развитием товарно-денежных отношений. Развитие ремесел и торговли, строительство дорог способствовали возникновению тесных экономических связей между соседними регионами Сибири. " Существенную роль в заселении новых территорий сыграло строительство Сибирского тракта, который вызвал к жизни притрактовые поселения и способствовал развитию межрайонных экономических связей." ¹

Внутрирайонные и межрайонные связи, развивавшиеся в период формирования капиталистических отношений, а также внутрирегиональные миграции, обусловили контактирование разных переселенческих групп не только на социально-экономическом, но и на языковом уровне.

Рассматривая территориальное распределение сельскохозяйственной лексики в русских говорах Европейской России, Ф.П.Филин приходит к выводу, что "... наибольшая терминологическая раздробленность наблюдается в названиях побочных местных предметов и явлений, не имеющих особой социальной и экономической ценности широких межтерриториальных общественных связей." ² То же самое следует сказать

1. М. М. Г р о м ы к о. Западная Сибирь в XVIII веке.

"Наука", Новосибирск, 1965, стр. 106

2. Ф. П. Ф и л и н. Исследование о лексике русских народных говоров. М. - Л., 1936, стр. 160

об узкорегионализмах исследуемых говоров, обозначающих с этой точки зрения : 1) либо второстепенные предметы и явления ; 2) либо свойства предметов и их признаки.

К первому типу относятся, например, узкорегионализмы : ЖИЛЬЕ - 'внутренняя часть КОТЦОВ, куда попадает рыба' , ПИЛЬКА - 'хитиновый остов птичьего пера' , ЦЫГАНКИ - 'кушанье из посоленного картофеля' , ПОДЧЕРНИКИ - 'бокалы с нарисованными цветами' и т.д. Ко второму типу : ГЛУБЕЦ - 'глубокий снег' , ВОГЛОС - 'сырое сено' , ПОДМИЗЫНЕЦ - 'безымянный палец' , РУСКАЧ - 'московская водка' , БАРАН - 'двухручный рубанок' и т.п.

Процесс возникновения таких узкорегионализмов породил терминологическую множественность : " ... в крестьянских говорах каждая деталь, каждая мелочь, играющая ту или иную роль в производстве, получает свое особое наименование там, где зачастую для говорящего на литературном языке, казалось бы, не имеется никаких существенных различий." ¹

Так сельскохозяйственную терминологию исследуемых говоров пополнили узкорегиональные лексемы КАБЯК и СИБИРЯЧКА, обозначающие разные виды сохи, а также лексема ТЕЛЬПУК - 'молотило'. В плотницкую терминологию вошли узкорегионализмы ДЕРЕВО В ЧЕРТУ - 'дерево, пригодное для строительства' , ОБКАТ - 'непрочная сердцевина дерева' , ОБСНОВА - 'первый, нижний ряд бревен в срубе' , ОБЕУШКИ - 'дощицы для выдергивания гвоздей' и другие. В ткацкую терминологию влились, например, узкорегиональная лексема МЕЛЕДА - 'пестрый холст, тканый с чередованием черных и белых нитей' и семантический узкорегионализм ПЛЕТЕНЬ - 'продольные нити в холсте'.

Следует сказать и о возникновении таких узкорегионализмов, которые отражали изменения в жизни сибирской деревни. " Появление чего-то нового в жизни общества вызывает необходимость номинации, что влечет за собой образо-

вание в языке новых слов и выражений или образование новых значений у ранее существовавших единиц лексики." ¹ Лексические единицы, созданные путем словотворчества или путем семантического переноса, обычно обладают ясной, образной внутренней формой, что диктовалось потребностью донести до каждого члена языкового коллектива социальный смысл и социальную направленность называемого явления.

Свое отражение в диалектной лексике нашел сам процесс стихийных миграций в Сибирь. Количество крестьян, переезжавших в Сибирь с помощью государства, на первых порах было очень невелико, в подавляющем большинстве случаев миграционные потоки имели стихийный характер. Как противопоставление организованным переселениям, в диалектной речи рассматриваемого региона возникло узкорегionalное словосочетание **ЕХАТЬ ПО ДОРОГОМУ** - 'стихийно, самостоятельно совершать переселение в Сибирь, не получая льгот от государства'.

К периоду установления советской власти в Сибири относится появление синонимов-узкорегionalизмов **КРАСНЫЙ СВАТ - ПРОЗРИТЕЛЬ - ДЕРИПАС** 'коммунист-агитатор, агитировавший за установление советской власти в деревне'.

Активно функционируют в настоящее время узкорегionalные словосочетания **ДОХОДНЫЙ РЕБЕНОК** - 'ребенок, получающий алименты' и **ПЛАТИТЬ ХОЛОСТЯК** - 'платить налог за бездетность'.

Своеобразной языковой реакцией на распространение атеизма в деревне явилось возникновение узкорегionalной лексики **ОТОРОНЫТ** - 'один из немногих, кто верен религии'.

Диалектный язык обладает значительным количеством эмоционально-экспрессивной лексики, причем, как отмечают

1. Русский язык и советское общество. Социолого - лингвистическое исследование. М., 1968, стр 50

диалектологи ¹, экспрессивные средства говоров постоянно нуждаются в обновлении, поскольку слова, обладающие выразительностью, теряют её, тускнеют от длительного и частого употребления. " Процессы постоянного поиска и обновления экспрессивных средств говора не были бы столь активными, если не было бы второй неотъемлемой стороны их - стилистической нейтрализации, т.е. утраты экспрессии. " ²

Процесс обновления выразительных средств говоров может осуществляться созданием узкорегionalных слов и выражений, обладающих внутренней формой, которая часто содержит неожиданное сравнение, необычную ассоциацию, меткое наблюдение. К таким узкорегionalизмам относятся, например, НЕРУСЬ - 'бестолочь, ничего не понимающий человек; глупый', РАССТРИГА - 'любой из разошедшихся супругов' (ср. с устаревшим значением этого слова в литературном языке 'служитель церкви, лишенный сана'), ЖРЕЦ - 'обжора', ТАТАРИН БЕСПОЯСНЫЙ - 'неряшливый человек'.

Итак, возникновение узкорегionalизмов в говорах Кыштовского и Северного районов имеет историко-социальные обоснования и связано прежде всего с процессом заселения и освоения данной территории русскими переселенцами. Лексические единицы узкорегionalного типа, создававшиеся в миграционный и постмиграционный периоды, закрепляли в своей семантике и отражали во внутренней форме ту информацию, которая была актуальна для жизни переселенцев в новых сибирских условиях. В исследуемых говорах среди узкорегionalизмов встречаются самые разнообразные термины, относящиеся к разным отраслям крестьянского хозяйства. Процесс обновления образных средств говоров также осуществлялся за счет создания узкорегionalизмов.

-
1. См., например, Т. С. К о г о т к о в а . О стилистических категориях говора. Актуальные проблемы лексикологии, вып. 2, ч. 1, Новосибирск, 1969
2. Там же, стр 204

А.Г.Чикачев

ЗАМЕТКИ О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ НИЖНЕ-ИНДИГИРСКОГО РУССКОГО ГОВОРА

Нижне-индигирский русский говор – это говор жителей Русско-Устьинского сельского Совета Аллаиховского района Якутской АССР. Центром Русско-Устьинского наслега (Русского Устья) является пос. Полярный, который находится на реке Индигирке, в 80-ти километрах от Северного Ледовитого океана, на 71° северной широты и 149° восточной долготы. Основное занятие населения – охота на белого песца и рыболовство. Поселились здесь русские очень давно. Еще в 1650 г. оброк на Индигирке уплатили 142 человека – устюжане, вятичи, усольцы, мезенцы, белоозерцы, холмогорцы, новгородцы, чердынцы¹. Жители Русского Устья – потомки промышленных и торговых людей, пришедших на Индигирку в середине ХУП века.

По сохранившемуся преданию предки теперешних жителей Русского Устья были выходцами из центральных губерний России, в основном из Северо-Западных губерний. Спасаясь от тяжелой ратной службы, от "горя-злочастия", а многие и в поисках наживы, жители разных городов примерно в середине ХУП века двинулись на Восток на кочках по Северному Ледовитому океану, достигли р. Индигирки, поселились здесь и назвали свой поселок "Русским Устьем" (или Русским жилым)¹.

¹ И. С. Г у р в и ч. Этническая история Северовостока Сибири, М., 1966, стр.55.

В журнале "Русское этнографическое обозрение" за 1913 год (книги ХСУ1-ХСУП) В.М.Зензинов в статье о Русском Устье пишет: "Этот клин, занятый русским населением, врезался в толщу инородческого населения. Русские образовали мещанское общество со своими управой и старостой". Далее он приводит слова местного жителя, старика Гольженского: "Слышал я от старых, совсем старых людей, что ране Индигирка была юкагирская река. Собрались люди из разных губерний и поплыли на лодках морем - от удущья спасались, болезнь такая. И доехали до Индигирки и здесь поселились. А в России их вовсе потеряли. Люди были дворянских фамилий. Дед мой был дворянином и грамота у него была с золотыми буквами, да мальчишка изорвал.

Как стали подати собирать, в мещане записали, а сначала та вовсе ничего не платили.

Узнали, наконец, про них в России. Царь прислал комиссаров подати собирать... Далее, больше - обжились люди. Была ревизия, приехали сюда - фамилии искали: - ты из Воронцовской губернии, будешь Воронцовский, ты из Галуги (Калуги - А.Ч.) - будешь Галуганский (Гольженский - А.Ч.)¹. Однако документальных данных, подтверждающих сведения о приходе предков русскоустинцев на Индигирку морским путем пока не найдено. Впервые Русское Устье в научной литературе, по всей вероятности, упоминается в 1739 году².

Таким образом, на Индигирке русские живут свыше трех столетий. Но окруженные со всех сторон нерусским населением, они на протяжении этого периода продолжали говорить на русском языке, сохранили русские обычаи, русскую культуру и сделали немало для воздействия этой культуры на окружавшие их малые народности. Язык русскоустинцев имеет свои специфические особенности.

¹ В. М. З е н з и н о в . Русские у Холодного Океана. Ж-л "Русское этнографическое обозрение", кн. ХСУ1-ХСУП за 1913 г.

² См. Краткий исторический очерк гидрографии русских морей, ч.1, СПб., 1896, стр.6-7.

Знание якутского языка распространено крайне слабо; за последнее время в связи с развитием транспорта, связи, экономики появилось больше людей, знающих этот язык, но все же лишь немногие могут свободно объясняться на нем. В этом отношении они резко отличаются от ленских "пашенных", для которых якутский язык стал таким же родным как и русский. В связи с огромной оторванностью от русской жизни на протяжении сотен лет жители Русского устья сохранили до наших дней много самобытных черт как в быту, так и в языке. Поэтому ниже-индигирский говор представляет, по нашему мнению, большой научный интерес как хранитель языковых реликтов.

В результате Великой Октябрьской социалистической революции, и особенно после войны произошли огромные сдвиги в экономике и культуре и общественной жизни народов Севера. Расширение школьной сети, проникновение в деревню газеты, книг, кино, радио, авиационного транспорта, экскурсионные поездки на "материк" и т.п. все это привело к повышению культурного уровня далеких окраин, в том числе и Русского устья. Но диалектные отличия в какой-то мере еще сохраняются. Специального исследования данного говора до сих пор не проводилось. Поэтому автор не берет на себя задачу полного и детального описания структуры ниже-индигирского говора. Моя цель — остановиться лишь на наиболее отличительных особенностях морфологии этого говора.

Склонение существительных

I. Склонение третьего типа, к которому принадлежат имена существительные женского рода на мягкий согласный и шипящий, приближается с первым типом склонения. Окончание "е" встречается вместо литературного "и" в дательном и предложном падежах.

И. пр'истан'	ноч'
Р. пр'истан'и	ноч'и
Д. пр'истан'е	ноч'е
В. пр'истан'	ноч'
Т. пристан'у	ноч'у
П. о пр'истан'е	о ноч'е

2. В творительном падеже существительные третьего склонения множественного числа после мягкого согласного имеют окончания -ами, вместо -ми: д'в'ерам'и, лошад'ами, пл'ечами (плет'ями).

3. Широко распространено безударное окончание "а" в составе суффикса "ана" у существительных, обозначающих социальную принадлежность людей и их местожительство: двор'ана, хр'иш ана, кулум'шана (колымчане), м'ешана, акучана, иркучана и т.п.

4. Существительные среднего рода на "мя" имеют окончание "мо": имо, ш'емо, знамо, пл'емо и т.п. При склонении данных слов в литературном языке сохраняется традиционный суффикс-основа "ен", а в ниже-индигирском говоре при склонении в единственном числе этот падежный показатель утрачен.

И.	имо	знамо	стр'емо	ш'емо
Р.	има	знама	стр'ема	ш'ема
Д.	иму	знаму	стр'ему	ш'ему
В.	имо	знамо	стр'емо	ш'емо
Т.	имом	знамом	стр'еом	ш'еом
П.	об име	о знам'е	о стр'ем'е	о ш'ем'е

5. Существительные мужского рода с суффиксом -ушк (юшк), обозначающие лицо, склоняются в основном на о, не исключая и формы в именительном падеже:

бат'ушко	д'едушко	мал'ч'ишко
без бат'ушка	без д'едушка	без мал'ч'ишка
бат'ушку	д'едушку	мал'ч'ишку
бат'ушком	д'едушком	мал'ч'ишком

6. Необходимо отметить частое употребление постпозитивного члена -то после существительных, несущих логическое ударение, частица то согласуется со словом, к которому относятся, однако иногда употребляется без согласования: можно слышать ж'емл'а-та или ж'емл'а-то и т.п. Согласование частицы то со словом, к которому она относится, производится соответственно роду данного числа:

а) существительные женского рода единственного числа именительного падежа имеют частицу та: гумага-та, в'есна-та, кн'ига-та, ж'ена-та, п'ешн'а-та, с'естра-та.

В винительном падеже эти слова будут иметь частицу **ту**: **гумагу-ту, в'есну-ту, ж'ену-ту, кн'игу-ту, с'естру-ту** и т.п.

б) Существительные мужского рода в именительном падеже единственного числа имеют частицу от: **стар'ик-от, от'ес-от, стол-от, карандаш-от, муж'ик-от, брат-от** и т.п.

Эти же слова в винительном падеже единственного числа будут иметь частицу **та** у одушевленных существительных, а у неодушевленных существительных частицу от: **стар'ика-та, брата-та, оца-та, муж'ика-та, кон'а-та, сын-та, но стол-от, карандаш-от, ча -от, дом-от, стул-от, и т.п.**

в) Существительные среднего рода в именительном падеже имеют частицу **то**. В винительном падеже сохраняется эта же частица: **н'ебо-то, пол'о-то, пол'то-то, кол'со-то, ш'ено-то** и т.п.

Парадигмы склонения существительных ед.числа с постпозитивными частицами:

И.	книг'а-та	стол-от	ш'ено-то
Р.	к'ниг'и-те	стола-та	ш'ена-та
Д.	кн'иг'е-те	столу-т-	ш'ену-ту
В.	кн'игу-ту	стол-от	ш'ено-то
Т.	кн'иги -те	столом-те	ш'еном-те
П.	о кн'иг'е-те	о сто'е-те	о ш'ен'е-те

2. Во множественном числе существительные всех трех родов имеют частицу **те**: **стар'ики-те, кон'и-те, окна-те, гумаг'и-те, кн'иг'и-те, иглы-те** и т.п.

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Окончание родительного падежа единственного числа мужского рода у некоторых прилагательных имеет долгое **о** вместо **-ого, -его**: **бол'шоо, шил'ноо, красноо, б'елоо, гулубоо** и т.п.

Все прилагательные в единственном числе мужского рода именительного падежа имеют окончание **ий** вместо **ий**; **шил'но**, **гулубовато**, **красно**, **б'ело**, **широко**, **сол'оно**, **р'иже** и т.п.

Во множественном числе эти слова имеют окончание **ия** **всес-** литературного **ие**: **красны'а**, **голубы а**, **б'елы а**, **широ'ки а**, **ж'ил'оны а**, **ш'еры а**, **бол'ши а**, **р'ижи а** и т.п.

В словосочетаниях прилагательных с существительными **постпозитивная частица то** употребляется после прилагательного: **красн-от платок**, **хороша-та кн'ига**, **бол'ша-та лотка**, **голубо-то плачо**, **бол'шо-то окно**, **широко-то окно** и т.п.

Склонение личных местоимений

И.	я	ты	он	м'и
Р.	м'ин'а	ч'иба	ево	нас
Д.	м'ин'е	ч'иб'е	ему	нам
В.	м'ин'а	ч'иба	ево	нас
Т.	мно	тобо	им	нам'и
П.	о м'ин'е	о ч'иб'е	о н'ом	о нас

ГЛАГОЛ

Окончания глаголов **III-го** лица единственного и множественного числа в настоящем и будущем времени имеют твердую основу **т**: **идут**, **б'егут**, **ид'от**, **работа ут** и т.д.

Глаголы, имеющие в конце основы заднеязычный согласный, не имеют чередования с шипящим, как это свойственно литературному языку.

п'еку	б'егу	жгу
п'екош'	б'егош'	жгош
п'екот	б'егот	жгот
п'еком	б'егом	жгом
п'екоч'е	б'егоч'е	жгоч'е
п'екут	б'егут	жгут

Неопределенная форма глагола с основой настоящего времени на заднеязычный согласный также содержит заднеязычный согласный в конце основы, к которой присоединяется окончание **ч'и**: **п'екч'и** 'печь', **ч'екч'и** 'течь', **л'акч'и** 'лечь', **ш'екч'и** 'сесть', **ж'екч'и** 'жечь' и т.п.

Повелительное наклонение употребляется очень часто с частицей да: да -да, пр'ин'ис'и-да, куп'ич'е-да, по ч'е-да, нап'иш'и-да, ч'ита -да, д'ела ч'е-да, дума ч'е-да и т.д.

Довольно часто постпозитивная частица то употребляется при глаголе и подчеркивает значимость действия в предложении: работат'-то плохо, хорошо начал'и работат'то, он-то не заход'ит-то, уб'ират'-то не буду, не надо ход'ит-то и т.п.

Мы отметили лишь отличительные особенности морфологии говора. Характерные особенности его проявляются также в фонетике, лексике, синтаксисе, что требует специального изучения.

С.К.Макеенко

К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ ЯЗЫКА И ДИАЛЕКТА

Проблема соотношения языка и диалекта является наиболее важной проблемой в диалектологических изысканиях многих исследователей современных народных говоров. В зависимости от того, под каким углом зрения она решается, делаются основные выводы, касающиеся функционирования, развития и особенностей диалектной системы в целом. При этом совершенно не важно, обращаются ли авторы работ к ней непосредственно или совсем не затрагивают ее: всякое теоретическое обобщение исследователя в области изучения русских диалектов можно рассматривать как реализацию определенной точки зрения на данную проблему.

Основным и исходным пунктом объективного разрешения этого сложного вопроса служит определение понятия диалекта и его дифференциальных признаков (сговоримся, что в данном случае под диалектом понимается всякая единица диалектного членения языка: говор, группа говоров и т.п.). "Общеизвестно, что почти во всякой науке наиболее трудно поддаются определению именно основные понятия; лингвистика не только не является исключением из этого правила, а напротив, оказывается самой его яркой иллюстрацией"^I. Это замечание вдвойне справедливо для диалектологии, которая как

^I А. И. А р н о л ь д . Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования. Уч.записки ЛГПИ им.А.И.Герцена, т.295, Л., 1966, стр.12.

самостоятельная лингвистическая дисциплина страдает также несовершенством своей собственной терминологии. В частности, термин 'диалект' получает различные толкования, характер и количество признаков, разграничивающих язык и диалект, произвольны и зависят скорее от взглядов исследователя на объект изучения, чем от самого объекта. Поскольку отличия диалекта от соответствующего языка можно выделить только после того, как составится общее представление о самом языке, следует, видимо, обратиться прежде к языку.

"Любой современный национальный язык как целое в отношении своей структуры представляет весьма сложное и многообразное явление. В разных сферах своего употребления он во многом различается, но в то же время всегда остается самим собой и обычно характеризуется определенным комплексом общих структурных признаков. Его основные наиболее полярные разновидности – литературный язык с его многочисленными функционально-стилистическими ответвлениями, письменной и устной формами и диалектный язык в его территориальном варьировании"². Таким образом, проблема языка и диалекта сводится, в конечном счете, к проблеме двух полярных разновидностей национального языка – диалекта и литературного языка.

Исходя из того, что литературный язык имеет две формы существования – устную и письменную, – можно говорить об устном и письменном литературных языках. Правда, некоторые лингвисты выделяют в литературном языке разговорный и письменный стили³, но, как справедливо замечено, "ни в одном языковом коллективе письменная и устная норма не обладают полностью аналогичной структурой. Отсюда вытекает естественный вывод, что следует отвергнуть возможность существования абстрактной универсальной нормы, подчиняющей себе письменную и устную нормы, для какого-бы то ни было из существующих языков... Следовательно, письменная и устная нормы должны рассматриваться как рядоположенные величины, которые не

² Русская диалектология. М., 1965, стр.7.

³ См., например, Р. А. Б у д а г о в . Введение в науку о языке. М., 1965.

подчинены какой бы то ни было высшей норме и связь между которыми объясняется лишь тем обстоятельством, что они выполняют ком-
плементарные функции в использующем их коллективе"⁴.

Поскольку диалект имеет только устную форму существования, вполне уместно и справедливо сказать, что противопоставление диалекта и существующего языка, определение их различительных признаков должно быть основано на сравнении диалекта и устного (разговорного) литературного языка.

Термин 'диалект' обычно не имеет единого содержания у различных авторов и даже у одного и того же: либо под диалектом понимается говор, либо вообще местный (диалектный) язык, либо данный термин употребляется в его традиционном понимании как группа говоров, объединенных общими языковыми чертами. Кроме того, предварительное определение понятия диалекта в работах чаще всего не дается, так как диалектологи обычно рассматривают частные проблемы; поэтому обратимся к двум монографиям, в которых так или иначе рассматривается непосредственно проблема соотношения языка и диалекта: "Русской диалектологии" под редакцией Р.И. Аванесова и В.Г. Орловой⁵ и книге Л.И. Баранниковой "Русские народные говоры в советский период"⁶. Эти работы в настоящее время являются наиболее системными и полными описаниями современных говоров, хотя и с различной целевой установкой: в первой работе дана структурно-территориальная дифференциация диалектного языка в ее цельном и статичном состоянии, во второй — показана динамика развития говоров и особенности этого развития.

⁴ И. В а х е к . К проблеме письменного языка. Пражский лингвистический кружок. М., 1967, стр. 530-531.

⁵ Русская диалектология, М., 1965.

⁶ Л. И. Б а р а н н и к о в а . Русские народные говоры в советский период. (К проблеме соотношения языка и диалекта). Саратов, 1967.

Так, например, Л.И. Баранникова следующим образом определяет диалект: "Под диалектом будем понимать один из территориальных вариантов общезыковой системы коммуникативных средств, который используется частью этнического коллектива и характеризуется функциональной ограниченностью. Таким образом, — продолжает автор, — в основу разграничения кладется три признака: 1) социальный, проявляющийся в том, что язык обслуживает весь этнический коллектив (племя, народ, нацию), диалект — только его часть; 2) функциональный — многообразие функций у языка и ограниченность функций у диалекта; 3) структурный (собственно лингвистический) — независимость языковой системы и зависимость диалектной"⁷.

Если понимать под языком "определенную систему коммуникативных средств, используемую в данном этническом коллективе для всех типов и форм коммуникации, могущую иметь внутренние различия территориального и функционально-стилевого порядка"⁸, на основе которого автор дает понятие диалекта, можно заметить некоторые внутренние противоречия в его определении.

Во-первых, под общезыковой системой в данном случае понимается национальный язык, о структурной сложности которого уже сказано. Отсюда следует, что вариантами языковой системы являются не только диалекты, но и литературный язык, вернее, его письменная и устная разновидности.

Во-вторых, структурный признак — зависимость диалекта от языка, особенно его большая проницаемость по сравнению с системой языковой — характерен не только для диалекта, но и в какой-то, правда, меньшей мере, для языков, недавно получивших письменность. Об этом языковом влиянии в свое время писал Е.Д. Поливанов: "Можно отметить и известный ряд признаков — признаков литературных языков современной эпохи у нерусских народностей Союза. К ним будут относиться (из области словаря и фразеологии): ... сильнейшее влияние русского словаря, главным образом, в области политической и научно-технической терминологии, а также нередко и в области фразеологии и даже ... в области синтаксиса"⁹.

⁷ Русские народные говоры..., стр.17.

⁸ Там же, стр.17.

⁹ Е. Д. П о л и в а н о в . Революция и литературный язык Союза ССР. Статьи по общему языкознанию. М., 1968, стр.21.

В-третьих, вариант предполагает, хотя и иное, соотношение всех или почти всех коммуникативных средств, в том числе и использование письменной формы, однако диалект как раз этим и отличается от устного литературного языка.

Однако и признание диалекта вариантом языка в какой-то мере не согласуется с признанием диалекта как части целого, которое делается после следующей оговорки: "К сожалению, далеко не всегда легко решить, с частью языка или особым языком мы имеем дело"¹⁰. Поскольку речь идет о соотношении языка и диалекта в настоящее время, на данном этапе общественного развития, справедливо будет сказать, что диалект – и часть целого, так как "входит в состав более обширного языкового образования, и поэтому он всегда противопоставлен другому диалекту (или другим диалектам)"¹¹, и особый язык, особый в том смысле, что имеет иную фонетическую и лексико-грамматическую структуру в отличие от устного литературного языка, причем диалектные отличия – это результат исторического языкового развития, и в этом отношении диалект в настоящее время отличается от различных территориальных и социальных аномалий устного литературного языка, имеющих кратковременный период существования в литературной речи. Авторы "Русской диалектологии" как раз не делают такого разрыва, неоднозначно употребляя термины 'диалект' и 'диалектный язык', предлагая наиболее удачное определение диалекта: "Диалект – это разновидность языка, распространенная в качестве орудия общения местных жителей на определенной территории и характеризующаяся относительным единством языковой системы (точнее – единством языковой системы по определенному комплексу признаков)"¹². Соответственно диалектный язык определяется как "язык в его в принципе бесписьменных формах в любом пункте территориального распространения на всей территории данного языка"¹³ и представляющих собой "сложную систему диалектных микросистем и микросистем различных степеней"¹⁴.

¹⁰ Русские народные говоры..., стр.16.

¹¹ Русская диалектология, стр.16.

¹² Там же, стр.15.

¹³ Там же, стр.10.

¹⁴ Там же, стр.11.

Синхронность подхода необходима также при определении функциональных границ диалекта и устного литературного языка. Если литературный язык в эпоху становления нации является собственно языком книжным, а в повседневном общении употребляется местный диалект, то противопоставление литературный язык - народная речь дает основание говорить о функциональной ограниченности диалекта, т.е. выполнении им функции обиходно-бытового общения. В эпоху образования национального языка и в особенности в позднейшие периоды противопоставление усложняется: диалектный язык - устный литературный язык - письменный литературный язык, причем в этом случае устный литературный язык вытесняет диалект и сам "становится средством обиходно-бытового общения, в связи с чем идет интенсивный процесс развития устной формы литературного языка, вместе с тем и усиления степени воздействия на диалекты"¹⁵. Поэтому, говоря о функциональной ограниченности диалекта, в обеих работах отождествление устной и письменной форм литературного языка приводит к представлению о каком-то общем литературном языке, имеющем разнообразные функции, хотя и там и тут последовательно проводится разграничение устной и письменной форм и делается признание того, что первоначально "письменный язык возникает на почве устного и является производным от него"¹⁶. И далее: "Однако, возникнув, он постепенно эмансипируется от устного языка, и, обладая на определенных этапах истории общества... определенными преимуществами... оказывает существенное воздействие на устный язык той части общества, которая является носителем письменного-литературного языка"¹⁷, т.е. получается следующая схема отношений: диалект - устный язык - письменный язык, где характер взаимодействия в соотносительных парах диалект - устный язык - письменный язык различен для различных эпох. Следовательно, в

Русские народные говоры в советский период, стр.57.

Русская диалектология, стр.8.

Там же, стр.8.

функциональном отношении, поскольку мы сравниваем устный язык и диалект, нет каких-либо принципиальных различий между диалектным и устным литературным языками, выполняющими как тот, так и другой функцию повседневного общения людей. Поэтому многообразие функций литературного языка нужно отнести за счет его письменной формы; отсюда же и отношение "к монологической и диалогической формам языкового выражения"¹⁸ является несущественным различием диалекта и языка, так как монологическая речь свойственна и диалекту.

Таким образом, в основе разграничения диалекта и устного литературного языка должны лежать следующие признаки: 1) территориальная ограниченность при функционировании; 2) отсутствие развитой письменной формы (владение письменными навыками отдельных носителей говора не означает самостоятельную и отдиалектную письменную форму); 3) употребление определенной частью этнического коллектива, вернее, определенным социальным коллективом (в настоящее время колхозным крестьянством).

Поскольку совокупность этих признаков в большей степени определяет и сохраняет фонетические и лексико-грамматические особенности (как исторический продукт языкового развития) в диалекте, мы полагаем, что четвертым разграничительным признаком диалекта и языка является наличие у диалекта иной фонетико-грамматической и лексико-семантической структуры (структурный признак). Данный признак необходим не только для того, чтобы разграничить оба языка, но и затем, что подобное разграничение не самоцель, а начальная стадия изучения и описания диалектных особенностей в настоящее время, которые и находятся в центре внимания современной диалектологии.

¹⁸ Русская диалектология, стр.7.

М.И.Черемисина

А.В.Захарова

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ДЕТСКОЙ РЕЧИ

1. Постановка проблемы

Все, кому приходилось наблюдать за речью детей-дошкольников, обращают внимание на относительно широкое использование ими слов, неизвестных кодифицированному языку взрослых. Богатая коллекция таких "детских слов" представлена в известной книге К.И.Чуковского "От двух до пяти" (1). Примеры такого рода можно найти в опубликованных дневниках родителей (2-7 и др.), а также в частично опубликованных протоколах экспериментов, проводимых детскими психологами. Большой фактический материал содержится в книге А.Н.Гвоздева (8) - лучшем отечественном исследовании по детской речи (в лингвистическом аспекте). Однако специального анализа детских новообразований А.Н.Гвоздевым не проводилось. Вопрос о роли аналогии при формообразовании в языке детей косвенно затрагивался в статье С.Тер-Минасовой (9). Причины и механизмы детского словотворчества (в психологическом плане) освещались в работах Ушаковой Т.Н. (10,11). Специальному лингвистическому исследованию подобные факты детской речи не подвергались.

Для любого взрослого носителя языка (неспециалиста) "детские слова" интересны лишь как ошибки против строгих нормативов автоматически правильной речи, намекающие на иную, "невзрослую" логику

ку, на непривычно свободное видение привычных вещей. Перед лингвистами и лингвopsихологами эти факты детской речи ставят серьезные теоретические проблемы, требующие специального направленного изучения. Одна из этих проблем состоит в следующем. Известно, что процесс овладения родным языком очень сложен. Его итогом является умение говорить, т.е. овладение некоторым словарным запасом и правилами его использования. Это предполагает знание достаточного множества звуковых оболочек слов, умение их правильно произносить и автоматически ставить их в соответствие определенным отрезкам жизненного опыта (и обратно, — элементы опыта соотносить с определенными комплексами звуков, уметь распознавать и вычленять эти комплексы в чужой речи). Эту лингвистическую работу ребенка, происходящую "снизу", нельзя представлять по аналогии с тем, как уже в сознательном возрасте люди в процессе обучения и самообучения, "сверху" (Л.С.Выготский, 12) запоминают ("выучивают") слова иностранного языка по мере их появления в изучаемых текстах. Очевидно, что родные слова ребенок запоминает как-то иначе. Во-первых, здесь нет текста, в котором благодаря графике слова (словоформы) уже отделены одно от другого, во-вторых, нет и не может быть опоры на уже известное, относительно готовое, выделенное содержание, фиксированное соотносительным словом родного языка, переводным эквивалентом. Единственной опорой, позволяющей ребенку понять содержание новых слов, появляющихся перед ним в речевом потоке, является действительность, частично описанная, названная в контексте, состоящем из знакомых слов. Слова иностранного языка нередко заучиваются повторением вслух и "про себя" по нескольку раз. На освоение минимума слов уходит достаточно много времени и труда. При этом чужой словарь почти никогда не усваивается так полно и гибко, как родной, элементов которого никто не выписывает и не повторяет.

Вопрос, который возникает перед лингвистом, изучающим процесс формирования словаря у ребенка в дошкольные годы, состоит в следующем: действительно ли дети ЗАПОМИНАЮТ тем или иным способом все те слова и их формы, которыми они пользуются? Если бы запоминание было единственным механизмом накопления словаря,

то "на поверхности" не должно было бы появляться аномальных "словечек" и разного рода "неправильностей", которые привлекают внимание взрослого наблюдателя. Их наличие даже в небольшом количестве свидетельствует о существовании у ребенка и другого механизма лингвистического поведения, более сложного, более творческого и более эффективного, чем запоминание. Мы имеем в виду детское словотворчество.

Чтобы пояснить эту мысль, спустимся с уровня слов на уровень грамматических форм слова, — падежных форм существительных и прилагательных, личных, временных, причастных, деепричастных и других форм глагола и др. Запоминаем ли мы все отдельные формы каждого слова? Даже взрослые люди постоянно пополняют свой словарный запас, узнают и запоминают новые слова, но, конечно, не формы, которые легко образуются по какому-то общему правилу, известному нам независимо от грамматических описаний. Овладевая алгоритмами "перехода" от одной усвоенной словоформы, отнесенной нами к определенному классу, к другим словоформам в рамках парадигмы, мы избавляем себя от колоссальных затрат механического труда запоминания "всех" словоформ.

Между словоизменением и словообразованием нет "китайской стены". Можно назвать целый ряд отношений, переходных между словоизменением и словообразованием в собственном смысле. Это, например, отношения между глаголами разного вида (писал — написал, пел — запел, спел, прыгал — прыгнул и т.д.), между положительной степенью качественного прилагательного, сравнительной степенью и наречием (быстрый — быстрее — быстро), между нейтральным и уменьшительным существительным (нос — носик, рука — ручка, кошка — кошечка), между глаголом и отглагольным существительным (восстать — восстание, бурить — бурение, курить — курение) и т.д. В языке взрослых эта "переходная зона" относительно ограничена, и за ее пределами мы привыкли пользоваться готовыми, известными нам словами. В каком-то возрасте наш словарь достигает некоторой критической величины и начинает "окостеневать". В нем оказывается уже достаточно проверенных, общепризнанных стандартных знаков для именовании практически всех элементов нашего стандартного жизненного опыта. А говорить

"вслух" о нестандартном опыте "взрослое" общество поручает лишь определенной группе своих членов, — поэтам и писателям, которые поэтому и сохраняют на всю жизнь нечто от "детского" отношения к языку.

Умея оперировать словами, строить из них разные сочетания, по разному ограничивающие, уточняющие или сдвигающие исходные смыслы слов, взрослый носитель языка почти не испытывает потребности в придумывании нового слова для именовании элементов своего опыта. Но в детстве эта ситуация имеет, повидимому, существенно иной характер.

Ребенок живет в огромном, незнакомом ему и бесконечно разнообразном мире. Знакомство с этим миром, расширение жизненного опыта ребенка происходит чрезвычайно быстро. Потребность в выражении новых "содержаний", "идей" должна возникать перед ним постоянно. По-видимому, ситуация "разрыва" между содержанием, требующим выражения, и отсутствием готового слова для выражения этого содержания в определенном возрасте должна быть не исключительной, а типовой.

Кажется естественным предположить, что для преодоления подобных разрывов между содержанием и выражением ребенок должен выработать особый "образец" лингвистического поведения, своего рода "алгоритм словотворчества". Он должен научиться сам делать слова, которые ему нужны, делать их раньше, чем получит от общества готовыми. Но для того, чтобы быть понятым, он должен руководствоваться в своем творчестве теми самыми "правилами", по которым построены другие известные ему слова "взрослого" языка. Чтобы постичь эти правила, отвлечь их от материала, он должен научиться "разбирать" слова подобно тому, как он развивчивает игрушки.

Понятно само собой, что всю эту работу ребенок должен выполнить сам, не обращаясь ни к каким "писанным" правилам. Единственным источником этого "умения" могут быть готовые образцы. Поэтому можно ожидать, что в его творчестве разные образцы будут отражаться не одновременно, то есть не так, как это происходит, например, в поэтической речи взрослых, которым уже открыты все потенциальные возможности языка. Ребенок, как можно думать, отвле-

кает словообразовательные модели от запаса "правильных" знакомых ему слов по мере накопления в его памяти этого запаса. Естественно, что сначала это должны быть модели, представленные рядами слов наиболее частотных в его собственной речи и речи окружающих, а затем уже и относительно более редкие модели.

Наблюдатель не имеет, конечно, прямого доступа в лабораторию детского творчества. Если бы дети, "собирая" слова из выделенных ими "кусочков" других слов, всегда выдавали лишь "правильный" результат, то есть создавали лишь "те же самые" слова, которые говорим и мы, было бы невозможно догадаться о том, что какие-то слова вообще создаются ими, а не просто воспроизводятся. В "гипотезе словотворчества" не было нужды. Более того - она была бы неправомерна. Если проводить границу между формообразованием (вода - воду, водам..., водица, водичка и т.д.) и словообразованием (вода, водный, водянистый, водяной, обводнить, обезвоживание и т.д.), то принципиальное различие между ними состоит прежде всего именно в гораздо меньшей относительной регулярности последнего. Словообразование гораздо богаче словоизменения по числу "разрешенных возможностей", по разнообразию действующих в языке моделей, часто - синонимичных или функционально пересекающихся между собой. В языке практически существуют (актуально или потенциально) все отмеченные словоформы всех слов. Мы не знаем, встречалась ли нам когда-нибудь словоформа "нестроевыми" (тв.п., мн.ч.), но не имеет смысла вопрос "есть ли она" в русском языке, поскольку она не запрещена. Она безусловно "есть" и значение ее предопределено. По отношению к реализации словообразовательных моделей подобный вопрос имеет лингвистический смысл (ср. покупать - покупатель - *попонец; продавать - *продаватель - продавец; предавать - *предаватель - *предавец; предать - предатель, продать - продатель и т.д.).

В словарный состав языка в качестве правильных, отмеченных входит лишь некоторая, и притом меньшая часть тех морфологических конструкций, которые могли бы быть построены с учетом всех "разрешающих" правил словообразования, действующих в данном языке. Помимо "мотивированных" правил, в языке действуют еще и "немотивированные запреты": *предаватель, *попонец, *продаватель,

*продатель и т.д. неверны не потому, что они построены с нарушением какого-то морфологического правила, принципа словообразования, а просто потому, что таких слов в русском языке нет.

Если мы исходим из того, что детское словотворчество — это не результат избытка интеллектуальной энергии, не шалость, не игра ради игры, а единственно доступный ребенку способ языкового поведения в ситуации дефицита выражающих средств, в ситуации "отставания" в накоплении "оболочек слов" относительно содержаний, требующих выражения в слове, то должны признать неизбежность порождения ребенком среди множества "правильных" слов также и целой серии "неправильных" образований, — прежде всего таких, которые "неправильны" именно в силу немотивированных запретов.

Если представить себе уже созданный самый совершенный автомат, порождающий слова (не словоформы) в соответствии с программой, учитывающей все правила и ограничения, выявленные наукой о языке за весь период ее существования, то этот автомат должен был бы повторить значительную часть детских "ошибок". Ребенок в некотором смысле подобен такому автомату, только автомату самообслуживающемуся, в который никем изначально не вводилась никакая жесткая программа. Все программы он строит, перестраивает и совершенствует сам, опираясь на неупорядоченный, разнородный и хаотичный языковой материал, представленный в свободной речи взрослых. Воспринимая этот материал на слух, в конкретной жизненной ситуации, ребенок может совершать элементарные ошибки уже в процессе восприятия: "недоуслышание", неверное осмысление слова и последующее привязывание его "не к той" ситуации (детская этимология), неправильное членение речевого потока говорящего: либо объединение со словом в одно целое предшествующих или последующих элементов, либо разбиение целого на части, — и т.п. Приведем несколько примеров.

ж

(6 л.) — Сопёрники чинят танки... и ещё вычищают от мин поле (=сапёры).

ж

(4,5 л.) — Легёнда — это должен быть зверь, должен...

И он лягается, да, я же знаю.

ж

(5 л.) - ... И мама у них приличная женщина. А папа у них - пират. Ведь пират - это разбойник?^I
(=оператор).

ж

(3,3 л.) - Дай мне твоего нэсу (слово майонез - в произношении ма́йне́с - было воспринято как МОЙ НЭС с вычленением притяжательного местоимения).

ж

(4,5 л.) - Но уметь же надо киркими лопатами работать...
(из сочетания КИРКИ и ЛОПАТЫ - в произношении КИРКИ и ЛАПАТЫ - было вычленено определение КИРКИЕ).

ж

(5,5 л.) - Адмирала Нельсона звали Темилорд...
- Откуда ты знаешь?
- Ему же курочка говорила: "Скажи, Темилорд...
(скажите+те, милорд...)

ж

(4 г.) - А кто под земёлю живёт? Древние мамонты? А не древний кто живет?

ж

(4,5 г.) - У меня по всей вёрхности на коже пылала сыпь.

ж

(4,5 г.) - Ты мне альбуцид капашь в нос, а он протекает аж по вёрхности моего рта...

и т.п.

В приведенных фразах ошибка ребенка "при говорении" восходит к предшествующей ошибке "при слушании", когда был неверно проведен анализ чужой речи. Вся дальнейшая программа оперирования с выделенными отрезками верна, но эти отрезки неадекватны словам кодифицированного языка. Они не созданы ребенком, а просто ложно восприняты. На явлениях такого рода мы в этой статье останавливаться не будем. Нас будет интересовать только создание, конструирование слов ребенком.

^I Высказывание принадлежит пятилетней дочери писателя Л.Пантелева (см / 6 /, стр.329).

II. Объект исследования

Объект исследования в этой работе — производные прилагательные, самостоятельно построенные детьми. Прилагательное как языковая категория занимает в речи ребенка особое место на протяжении всего процесса усвоения родного языка. Количественное сопоставление слов разных категорий в фиксированном словаре ребенка-дошкольника (любого возраста) показывает, что слов "предметных" всегда больше, чем слов, обозначающих действия, и последних больше, чем слов, обозначающих признаки и отношения (13). Активное вхождение прилагательных в детскую речь и осознанное пользование ими характеризует лишь старший, дошкольный возраст. К этому времени у ребенка успевает накопиться значительный запас имён вещей и явлений (существительные), названий действий, процессов и состояний (глаголы) и даже пространственно-временных и оценочных наречий. Усваиваются к этому времени и основные грамматические категории изменяемых слов. А.Н.Гвоздев, опираясь на собственные материалы и на выводы многих исследователей-психологов, заключает, что этот факт "является общепризнанным в науке и, по-видимому, представляет собой закономерность, общую большинству детей, если не всем детям" (8). В психологическом плане это объясняется тем, что у маленьких детей еще нет потребности в словах, выражающих признаки, поскольку у них еще не успело сформироваться само ощущение признака. Чтобы это ощущение возникло, ребенок должен осознать неоднородность однородных предметов, ему необходимо научиться сравнивать и делать выводы из сравнения. Через сравнение постигаются размеры и формы, цвета и свойства предмета, а сама потребность в сравнении есть результат немалого опыта — и жизненного, и языкового. "Ни в чем так наглядно не сказывается созревание психики... детей, когда они становятся старше... как именно в увеличении числа прилагательных, которыми обогащается их речь" (1).

При этом потребность в различении и обозначении признаков и качеств быстро становится так велика, что для ее удовлетворения не хватает тех слов, которые усваиваются детьми из речи взрослых и затем воспроизводятся в их собственной речи. Эта ситуация

приходится на возраст 5,5 - 7 лет, и именно в этот период в речь детей широко входят производные прилагательные, самостоятельно образованные ими от основ существительных, глаголов, реже - наречий и прилагательных.

Конечно, какое-то множество производных прилагательных усваивается детьми как "целые". Иначе им не от чего было бы отвлекать модели образования слов. Но наши материалы и методы не позволяют отграничить такие "базовые" производные лексемы от правильных производных, построенных самими детьми. Поэтому специальный интерес для нас должны представлять именно "неправильные производные", то есть такие прилагательные, которые отмечены в детской речи, но интуитивно ощущаются как отсутствующие в кодифицированном языке (в этой форме или с этим значением).

Такие слова, как правило, являются окказиональными. Они создаются в момент речи по каким-то схемам. Отношения между схемами, выступающими для ребенка как "руководство к действию", и кодифицированными моделями русского словообразования часто бывают достаточно сложными и требуют специального анализа. Окказиональные слова обычно не воспроизводятся детьми в других ситуациях, и если одно и то же "словечко" в разных материалах встречается несколько раз, то естественно предположить повторность самой операции словотворчества.

Значительный интерес представляет сам факт воспроизводимости, многократности таких операций на одном и том же словообразовательном материале. Разные дети, живущие в разных местах страны, из поколения в поколение "придумывают" одни и те же слова с одним и тем же значением. Еще К.И. Чуковский писал, что "было бы небесполезно составить словарь таких "общедетских" речений" (I).

Выбирая в качестве объекта исследования прилагательные, мы учитывали следующие обстоятельства, делающие эти слова особенно интересным полем ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО наблюдения ИМЕННО В ПЛАНЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ.

I. Освоение прилагательного как особой лексикограмматической категории (части речи) с ее формальными и семантическими особенностями завершает собою освоение ребенком общезыковой системы знаменательных частей речи. Важная особенность этого процесса состоит в том, что он протекает на фоне и на базе гораздо более

богатого языкового опыта ребенка, чем, например, освоение категории существительного и глагола.

2. Ко времени, когда осваивается прилагательное, ребенком не только уже усвоено множество разнообразных слов, способных выступить в качестве мотивирующих основ при словообразовании, но в основном подходит к концу и систематизация этих основ. Поэтому значение производного прилагательного, его функции в речи существенно определяются уже не только лексическим значением основы, но и местом, которое эта основа занимает в общей системе. Словообразовательная ошибка или, шире, несовпадение построенного ребенком слова с кодифицированным знаком, выражающим нужное ему значение, нередко обуславливается именно тем, что системное место мотивирующего слова ребенком определено неверно. В процессе исследования, идя от производного прилагательного, мы получаем возможность выявлять "системные места" мотивирующих существительных.

3. Всякое слово, созданное ребенком, есть результат оперирования элементами языка, не имеющими номинативного характера, не функционирующими самостоятельно. Их выделение является результатом спонтанного анализа "целых" единиц, слов, а оперирование ими предполагает освоение определенных моделей, схем синтеза. Анализируя создаваемые детьми производные прилагательные, мы получаем возможность судить о том, какие модели синтеза, в какой мере, в какое время и в какой последовательности осваиваются детьми.

4. Производные прилагательные структурно и семантически вторичны по отношению к мотивирующему слову-основе, которая сама может быть и часто бывает производной. Наблюдения над детской речью показывают, что словообразовательная сложность мотивирующих основ может быть достаточно высока. При этом характер этой сложности (и даже сам ее факт) может в разной мере осознаваться детьми (объективная производность основы и ощущение ребенком основы как производной далеко не всегда совпадают). Производные прилагательные и с этой точки зрения представляют богатый материал, позволяющий проникать довольно глубоко в языковое со-

знание ребенка накануне начала школьного обучения, то есть в самом конце его "естественного" языкового развития.

5. Поступая в школу и овладевая там навыками чтения и письма, ребенок получает тем самым "открытый доступ" к огромной информации о мире, накопленной человечеством и закодированной в письменных текстах. Эта информация, в огромной своей части не соотносимая с личным опытом ребенка, требует для своего усвоения иных механизмов, чем те, которые сформировались у него в процессе овладения языком. Адаптация ребенка к этому процессу не может не сказываться на значимости первичных лингвистических механизмов в новых условиях. Отношение детей к языку в школьный период становится менее творческим. Но, КРОМЕ ТОГО, овладевая письмом, ребенок получает в свои руки и мощное средство АНАЛИЗА языка, - средство, в корне отличное от первичных, не знаковых механизмов анализа звукового потока и его семантики. Поэтому возраст 6-7 лет в наших условиях - это не просто определенная возрастная граница, - такая, что "до нее" усваиваются одни элементы языка, "после нее" - другие. Это действительно конец "первичного" овладения языком, и с этой точки зрения итоги его представляют особенный интерес, и практический, и теоретический.

Все это послужило основанием выбора производных прилагательных в речи детей 5-7 лет в качестве материала исследования. В этой работе будут рассмотрены отсубстантивные прилагательные¹.

III. Место прилагательных в словарном составе языка и в речи детей и взрослых

Известно утверждение В.В.Виноградова о том, что "в современном русском языке имена прилагательные - это самая многочисленная после существительных армия слов" (15, стр.183). Если же иметь в виду не только зарегистрированные лексикографами, но и потенциальные слова, которые появляются в нашей речи в ответ на

¹ Обзор некоторых особенностей образования прилагательных от глаголов в детской речи см. в работе А.В.Захаровой (14).

первое требование речевой ситуации, создаются нами на базе регулярных словообразовательных отношений (ср. бурундук - бурундучий, суперфосфат - суперфосфатный, компактификация - компактификационный), то прилагательные надо признать самым многочисленным разрядом слов.

Когда мы говорим не о словах, а о словоформах, мы естественно считаем потенциально существующими все регулярно образующиеся формы существующих изменяемых слов^I. В соответствии с этим можно признать существующими потенциально также и закономерные, разрешенные словообразовательной системой "первичные производные" прилагательные. От каждого существительного может быть образовано минимум одно такое прилагательное, а как правило - больше одного. Кроме того, слова других частей речи, - прежде всего глаголы - также являются базой образования совершенно регулярных производных адъективных форм, которые могут и должны расцениваться как отдельные слова при подсчете лексических единиц языка.

Все сказанное относится к оценке доли прилагательных в общенациональном словарном фонде. Из этого фонда любой носитель языка выбирает слова для построения любого конкретного текста. Но если мы обратимся к реальным текстам, продуктам индивидуальной речевой деятельности, и отвлечем собственные словники каждого из них, то при анализе внутренней структуры такого "текстуального словаря" выявится совершенно другая, даже противоположная картина статистического распределения прилагательных, совершенно иная их доля по сравнению со словами других грамматических классов. И в художественном тексте, и устно-разговорной речи взрослых людей, и в речи детей слов-прилагательных меньше, чем существительных, глаголов и часто - наречий. Еще более резкое уменьшение доли прилагательных обнаруживается при сравнении совокуп-

^I Косвенным свидетельством этой "презумпции существования" всех форм является случайный характер обнаружения НЕСУЩЕСТВУЮЩИХ "запрещенных" по определенным причинам или беспричинно, - см. пресловутые формы "ночере́г" (ныне уже санционированную), "победу - побегу", р.п. мн.ч. "мечт" (от мечта) и др., специально фиксированные и описанные И.Л.Мельчуком и др. в работе (16).

ных частот слов разных категорий в тексте: если мы будем сравнивать не само количество разных слов, а показатели того, сколько раз каждое слово и вся совокупность слов данного класса употребляется в тексте, то обнаружится, что реже прилагательных употребляются только числительные. Прилагательные – это едва ли не самая малоупотребительная категория слов. Поэтому можно сказать, что прилагательные – это чрезвычайно мощное потенциальное множество слов с чрезвычайно низкой употребительностью, т.е. функционально весьма слабое¹.

В составленном нами частотном словаре девочки-дошкольницы 6-7 лет удельный вес употреблений прилагательных – 3,4%. Это, конечно, очень незначительная доля текста. Для составления словаря были использованы протоколы записей устной речи ребенка, списанные с магнитофона. Какие же конкретные типы прилагательных были встречены в этом тексте и вошли в словарь? Это, прежде всего, слова, входящие в группу "базовых" прилагательных русского языка (обозначающие размер, цвет и т.п.). Эта группа малочис-

¹ К сожалению, мы не располагаем разнообразными и представительными статистическими данными, позволяющими дать количественную характеристику этих отношений для устной речи взрослых носителей языка. Нам известно только распределение категорий слов, полученной Э.А.Ключковой (17) и представленное абсолютными показателями (по небольшой выборке):

категория	число употр.
1. служебные слова	- 295
2. глаголы	- 186
3. местоимения	- 167
4. существительные	- 131
5. наречия	- 77
6. прилагательные	- 34
7. числительные	- 17

Кроме того, мы опираемся на неопубликованные данные, полученные студентами НГУ в результате статистической обработки художественных и эпистолярных текстов.

ленна, но в нее входят самые употребительные прилагательные. Они, как правило, непроеводны (или не осознаются детьми как производные) и усваиваются "лексически", как целые. Их форма и значение в речи детей соответствуют общеязыковой норме.

Своеобразие их в детской речи усматривается почти исключительно в том, что они утрачивают здесь почти весь спектр значений, свойственных им как многозначным словам, сохраняя лишь одно значение, самое употребительное и самое конкретное.

Не останавливаясь на прилагательных этого типа, которые характеризуются средними и малыми частотами, перейдем к интересующим нас ненормативным прилагательным. В частотном словаре, составленном нами на базе 12000 словоупотреблений, их оказалось не более десятка (3%-4%)^I. Как ни характерно словотворчество для детской речи по сравнению с речью взрослых, его относительный вес в речевом поведении ребенка невелик. И, что не менее существенно, эти новообразования резко конситуационны, а соответствующие специфические ситуации очень трудно "поймать" исследователю. Дети сочиняют слова, чтобы удовлетворить сиюминутную потребность в выражении требуемого смысла. Нередко эта потребность возникает при эмоционально окрашенном рассказе или пересказе - истолковании каких-то сведений взрослому или другому ребенку, при споре, при выяснении у взрослого какой-то интересующей ребенка специфической ситуации.

Понятно, что при записи открытым магнитофоном слов-окнационализмов почти не удается получить. Соответствующие речевые ситуации непредсказуемы и трудно организуемы. В тех же случаях, когда исследователю все же удается спровоцировать ситуацию "порождения" производных прилагательных на основе известных ребенку мотивирующих основ (метод, широко применяемый при психологических экспериментах), к результатам следует относиться критически, не абсолютизируя ИМЕННО ЭТУ производную форму, которая прозвучала в речи ребенка в данной ситуации. Поясним сказанное на примере.

^I Напр.: посылбственные негры, больноватая операция, буржуинские кресты, обльный укол, ибжный крик ("можно? можно?) и др.

Вопрос взрослого четырехлетнему ребенку:

- Как называется вода, которая в речке?

Реб. - Рече́вая... Рече́ная... Речна́я!!! (найденно известное слово).

- А которая в озере?

Реб. - Озерна́я... А в луже - лужна́я, в пруде - прудена́я...

- А в море?

Реб. - В море - морена́я... морна́я... Ой, что я, - морская!

Поставленный перед необходимостью ответить на вопрос, ребенок "ищет" слово, не находит его, строит сам - и в процессе поиска и конструирования иногда наталкивается на слышанное, известное ему "правильное" слово, иногда - нет. В данном случае была найдена известная ребенку правильная форма "речная", она и задавала направление микроанalogии при образовании цепи тематически связанных прилагательных. Выдержана одна модель словообразования (с суффиксом -н-), единый акцентологический тип. При ином направлении конситуационной аналогии ("ключева́я" - первая из полученных от ребенка и одобренных нами форм) были произведены прилагательные "речева́я", "лужева́я", "прудова́я".

Исходя из всего сказанного и в соответствии с нашими собственными задачами, мы вынуждены признать основным, а практически и единственным способом фиксации интересующих нас детских высказываний терпеливое целенаправленное вслушивание в свободно звучащую детскую речь. К.И.Чуковский для своей книги "От двух до пяти" в течение нескольких десятилетий собирал все интересное и необычное, сказанное несколькими поколениями детей. В его книге приведено около тридцати "детских" прилагательных. Он слушал и наблюдал детей сам, а также принимал с благодарностью все, что сообщали ему другие люди, знакомые и незнакомые. Примерно так же поступали и мы при сборе материала.

Собственные ориентированные карандашные записи детских фраз в условиях естественных речевых ситуаций дали нам основную часть материала. Кроме того, были использованы примеры детских высказываний, приведенные в работах других авторов (1), (5), (6), (7), (8) и др. Некоторые примеры интересующих нас форм, очень немногочисленные, но не вызывающие сомнения в достоверности, заимствовались из самых разнообразных источников. В итоге в нашем распоряжении оказалось около 600 детских высказываний, в которых упот-

реблены ненормативные производные прилагательные. Из них более 300 приходится на долю отсубстантивных образований.

Прежде чем представить собранный нами материал, нужно оговорить следующее обстоятельство, вытекающее из специфики работы непосредственно с устной речью детей. Мы воспринимаем эту речь на слух. При протоколировании магнитофонных записей мы часто ощущаем потребность сопроводить слово транскрипцией, его производный вариант, особенно когда дело касается детского новообразования. Анализируя производные прилагательные со словообразовательной точки зрения, мы работаем, в основном, с суффиксами. Нам важно сопоставить суффиксы детских производных суффиксам, отраженным в грамматических описаниях. В устном детском произношении иногда явно акцентируется ненормативный вариант кодифицированного суффикса (или флексии), напр.: звер(ы)в^атый, старуш(а)чный, клычк^ат(аи) (обладающие небольшими клыками) и некот. др.

В плане настоящей работы мы считаем возможным приводить эти формы к виду, сопоставимому с кодифицированным обликом суффиксов, т.е. зверов^атый, старушеч^ный, клычатые¹.

Академическая грамматика (20, стр. 177) делит словообразовательные суффиксы на три группы – по типам значений отсубстантивных прилагательных, "производимых" с помощью этих суффиксов. Сопоставив каждому суффиксу число содержащих его детских новообразований, мы можем количественно представить наш материал следующей таблицей (табл. см. на след.стр.).

В отсубстантивных прилагательных детской речи вообще отмечено 18 из 22 суффиксов. Но, как видно из таблицы, не все 18 вовлекаются в сферу активного детского словотворчества. Три суффикса: -Н'-, -АН- и -АНН- в составе окказионализмов не встречаются вовсе, хотя и зарегистрированы в составе воспроизводимых "правильных" слов, а пять суффиксов: -АВ-, -ЛИВ-, -ИСТ-, -ЧАТ-, -АСТ- и -АТ- дали малое число окказиональных образований.

¹ Исключение – случаи удвоения -Н- в образованиях типа "петлиный" (из петли), "столб^нная тень" и др.

Тип склонения		Значение	Суффикс	Число детских прилагат.
смешанное	притяжат., I местоим., местоимен., притяжат.	притяжательное и притяжатель- но-относительное	-ов	36
	-ин		16	
	-ий		18	
	-нин		-	
е о н в и т к е ь д а		с преобладающим относительным значением, некоторые А(N)- с качественным значением	-н-	76
			-ов-	58
			-ск-	27
			-ин-	32
			-н'-	+
			-ан-	+
			-анн-	+
			-ирован-	-
			-ианск-	-
		качественные значения	-аст-	1
			-ат-	5
			-чат-	9
			-оват-	31
			-овит-	3
			-ист-	14
			-лив-	5
			-ав-	1
			-абельн-	-

П р и м е ч а н и е: Необходимо сразу отметить, что среди всего множества детских производных А(М), сопоставленных с тем или иным классом суффиксов, далеко не все слова имеют значение, свойственное этому классу в кодифицированном языке.

Активными в этом смысле оказались 10 суффиксов, которые распределяются по всем трем общим классам. Больше всего окказионализмов встречено среди относительных прилагательных, где суффиксы, участвующие в образовании детских окказионализмов (-н-, -ов-, -ск-, -ин-) проявили высокую словообразовательную активность. В сфере качественных прилагательных активным оказался только суффикс -ОВАТ-, а в сфере притяжательных - все три основных суффикса: -ОВ-, -ИН-, -ИЙ. Это множество отсубстантивных детских образований обнаруживает разнообразие и в значениях и в реализациях разных словообразовательных схем. Рассматриваемые производные прилагательные очень по-разному соотносятся с теми эталонами, которыми могут служить, с одной стороны, непосредственно известные нам и зафиксированные словарями (с определенными оговорками, см. ниже стр. 163) "правильные слова", с другой - правила русского словообразования, зафиксированные грамматическими описаниями языка. Эта пестрота материала и возможность различных "призм" при его рассмотрении требует специального обсуждения вопроса о принципах его упорядочивания в процессе описания, т.е. о принципах классификации.

IV. Классификация материала исследования

При построении классификации материала представляется целесообразным задать следующие основные деления, на которые мы будем ориентироваться, описывая результаты исследования.

I. Первичным объектом исследования является для нас все множество отсубстантивных прилагательных, представленных в выборке. В это число входят как "правильные", так и "неправильные" слова. Понятно, что выявление этого исходного множества не представляет трудностей.

Но в конечном счете нас интересуют "неправильные" образования. Мы хотим изучить типы отклонений от "правильности", поэтому на первом этапе исследования мы должны отграничить "правильное" от "неправильного", а здесь уже возникает целый ряд серьезных вопросов, требующих обсуждения.

Первичную оценку слова с этой точки зрения мы выносим, конечно, интуитивно, — иначе было бы невозможно фиксировать окказионализмы в спонтанной речи. Записывается все то, в чем мы ощущаем какое-то отклонение от нормы. Но в процессе осмысления записанного мы уже не можем довольствоваться этим интуитивным ощущением правильности, а должны стремиться к тому, чтобы сформировать общее понятие "неправильного" в отличие от "правильного" и задать критерии, обосновывающие ту или иную оценку каждого сомнительного объекта. Это предполагает одновременное выявление и фиксацию разных типов отклонений, вызывающих ощущение неправильности.

Отклонения от некоторого интуитивного ожидания, провоцирующие наблюдателя на запись высказанных ребенком формы, могут вызываться самыми разными причинами. Часто это бывает непривычная для нас сочетаемость данного, существующего в кодифицированном языке прилагательного с определяемым существительным, — например: животное лекарство, спинное лекарство (от боли в животе, в спине), пищевая работа (работа, связанная с приготовлением пищи), классовая группа ("наша классовая группа будет та же самая, что детсадная" — когда дети пойдут в школу), очередной квас (из бочки, за которым нужно стоять в очереди), паровозный сон (сон о паровозе), паровозные стихи ("лишь один паровоз день и ночь напролет мимо станции ездил то назад, то вперед"), вокзальная женщина (дежурная на вокзале), снежная фотография ("где я лопатой снег убираю") и т.д. От этих случаев явно отличаются случаи типа "ржавый хлеб" (в смысле "ржаной", "из ржи" — неверное образование от правильно взятой основы "рожь" — "ржи") и т.п. Здесь форма образованного ребенком прилагательного случайным образом совпала с существующим в языке словом, образующимся от совсем иной мотивирующей основы. На первом этапе, с известными оговорками, примеры типа "ржавый" и ранее приведенные прилагательные могут быть объединены по тому основанию, что форма слова, использованного ребенком, существует в литературном языке.

П. Это дает известное основание для противопоставления слов, "внешне" нормальных, но отклоняющихся по смыслу или употреблению, словам обращающим на себя внимание прежде всего именно ненормативностью их внешнего оформления. Например: ослобая нитка (на которой висел осел; ср. в литературном языке ослиный); мостовный сторож (охраняющий мост); ломовитые извозчики ("Тогда еще были ломовитые извозчики..."); облаковатые горы (затянутые облаками); людиное мясо ("человечина"); ружьбый поршень (шомпол?); молнинный цвет (перламутровый, цвета молнии); насекоминная луна (глядя на муравейник: "А может и они на свою насекоминную луну спутник запустили?"); баринный кот (самоуверенный, надутый: "И стал кот важный, баринный" - ср. литературное "барственный") и т.д.

В подобных словах мы легко вычленим мотивирующую основу, значение которой не искажается в составе производного прилагательного, и словообразовательные средства. В наших материалах широко представлены суффиксы, обычно одиночные, но иногда и соединенные в группы, а также связанные с ними флексии - адъективные (у качественно-относительных производных) или притяжательные (у притяжательных). Поэтому не представляет труда каждому производному прилагательному сопоставить словообразовательную схему типа: основа сущ. $\sqrt{X}$ + суффикс χ + окончание типа y . "По определению" каждому отсубстантивному прилагательному можно приписать общее значение "имеющий отношение к $\sqrt{X}$ ". Но без специального анализа нельзя установить, какое более конкретное значение должно было бы иметь в языке такое прилагательное, может ли данная основа сочетаться с данным суффиксом и данной флексией вообще, может ли такое соединение, если оно разрешено, выражать тот смысл, который вложен в него ребенком. Не имея ответа на эти вопросы, нельзя сказать, в чем же ошибка ребенка и даже есть ли она, - то есть нарушил ли он какое-то правило, какую-то действующую в языке закономерность (и какую именно) - или он действовал совершенно правильно, а созданное им слово воспринимается как необычное просто потому, что в кодифицированном языке оно не употребляется. Однако оказывается совсем не просто реализовать разбиение окказионализмов по принципу отмеченности-неотме-

ченности формы производного прилагательного. При практических попытках сделать это мы сталкиваемся с несколькими трудностями. Первая из них состоит в следующем.

Прежде всего мы должны попытаться формализовать (обосновать и зафиксировать) операциональный критерий разбиения, т.е. указать, как устанавливается факт наличия или отсутствия данного прилагательного в кодифицированном языке. Это связано с трудностями, на которых мы остановимся ниже (стр. 163). Но пусть мы как-то установили, что само по себе наличие данной звуковой оболочки в кодифицированном языке еще не может быть основанием, чтобы говорить о тождестве соответствующего литературного слова и данного детского окказионализма. Тождество "означающих" не означает еще тождества знаков как двусторонних языковых единиц, - ведь существует и явление омонимии, - ср., например тот же "ржавый хлеб"¹. Было бы явно ошибочно видеть здесь семантическое изменение слова "ржавый", аналогичное тому, которое наблюдается в сочетании "ржавая вода". Можно предположить, что это "ржавый" есть или човообразование второго типа, построенное ребенком от основы "Р^оЖ" при помощи суффикса -ав(ый), или результат смешения двух "готовых" слабо усвоенных прилагательных (ржавый - ржаной, гвоздь - хлеб), но никак не расширение значения "ржавый".

Таким образом, само по себе наличие "слова" (т.е. оболочки) в КЛЯ² еще недостаточно для отнесения окказионализма к первой группе. Вторым условием обязательно должна быть выводимость его окказионального "детского" значения из общеизвестного. Если это условие не выполняется, оно оценивается как омоним общеупотребительного слова. Вторая трудность связана с процедурой распознавания "существования" в КЛЯ тех или иных производных прилагательных. В качестве операционального критерия было бы удобно принять словари русского литературного языка, если бы словари адекватно и полно отражали все правильные (то есть разрешенные кодифицированной словообразовательной нормой) лексические формы. Но

1

К этому же типу следует отнести прилагательное с ударением на флексии "речевая вода" - "из речки". (Ср. "речевое поведение"). Примеров такого рода в детской речи особенно много среди производных существительных.

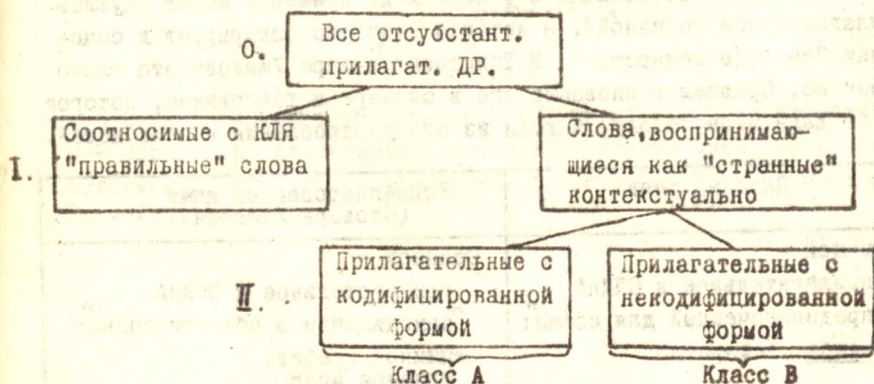
2

КЛЯ - кодифицированный литературный язык.

принцип помещения в словарь производного слова иной. Во вступительной статье к "Словарю" Ушакова (§ 56) он изложен так: "Из прилагательных не помещены в словаре ради экономии места многие такие, значение которых вполне понятно из их образования" (18). Следовательно, мы не можем при классификации объектов исследования пользоваться основанием "наличие-отсутствие в словаре данной производной формы". Более того, сам факт наличия производного прилагательного в толковом словаре должен восприниматься как сигнал о том, что значение этого слова не исчерпывается значением словообразовательной модели, как-то отклоняется от того возможного значения, которое "приписано" данной модели (сужение, расширение, идиоматизация, аномалия и др.). Учитывая эту трудность, мы невольно руководствуемся некими общими языковыми правилами, которые известны нам как носителям языка. Под этими правилами мы понимаем объективную закономерность, действующую в языке и закреплённую в морфологических отношениях существующих в нем слов. Именно эту закономерность каким-то образом и "схватывает" ребенок. В своей непосредственной форме эта закономерность не вербализуема. Она отложена в нашей памяти как "языковое чувство", к которому мы апеллируем, оценивая слова как правильные или не-правильные.

Однако на последующих этапах работы мы должны опираться на какие-то вербально фиксированные правила. Искать их приходится в грамматических описаниях языка.

В заключение этого раздела попытаемся наглядно представить принимаемую нами схему классификации эмпирического материала.

У. Специфика прилагательных с кодифицированными и некодифицированными формами

Очевидно, что к словам двух групп, полученных на второй ступени деления, т.е. к тем, форма которых кодифицирована, и к тем, форма которых ощущается как отклонение от узуса, в процессе исследования могут быть поставлены существенно разные вопросы.

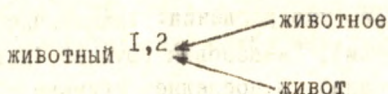
1. В первом случае мы можем предполагать семантический сдвиг, говорить о том, что существующему в языке слову ребенок приписал новый, нетрадиционный смысл. Такие факты следует квалифицировать не как словотворчество в собственном смысле, а как семантическое новаторство при тождестве словообразовательной операции в детской речи и в узусе. О том, что сдвиг смысла имеет место, мы судим по необычной сочетаемости слова или по нетрадиционной предметной соотношенности, которая фиксируется на основе конситуации. Поясним сказанное на примере прилагательных, формально совпадающих со словами, фиксированными в словарях. Здесь снова выделяются два основных типа.

а) Первый тип – это употребления, отклоняющиеся от норм сочетаемости, в связи с расширением семантики прилагательного. Факт тождества слова детской речи и слова кодифицированного языка не вызывает сомнения, мотивирующие основы адекватны. Следовательно речь идет не о двух разных словах (из детского и взрослого языка), а о двух типах употреблений – окказионально-свободном у детей и узуально-связанном у взрослых. Примером может служить прилагательное "спинной". В детской речи оно фигурирует в сочетании "спинное лекарство". В Толковом словаре Ушакова это слово отмечено. Сравним толкование его в словаре и толкование, которое мы бы дали этому слову, исходя из его употребления в речи детей.

Детская речь	Кодифицированный язык (Словарь Ушакова)
Спинной – прилагательное к СПИНА "предназначенный для спины": <u>спинное</u> лекарство	Спинной – прилагательное к СПИНА "находящийся в области спины": спинной хребет, спинной мозг, спинной плавник, спинная боль

Общее значение адъективного производного от основы существительного "имеющий отношение к *Ni*". И детское, и узузальное употребление прилагательного "спинной" вполне соответствует этому значению. Ребенок, создавая и употребляя это слово, действовал по правильной модели и реализовал значение, не противоречащее этой модели и выводимое из общего относительного значения (ср., например, содержание прилагательного "бифштексный", приведенного Ушаковым как образец однозначной выводимости значения из словообразовательной модели). Однако типовая сочетаемость этих прилагательных в узусе и в детской речи различна. В кодифицированном языке она ограничена, что и явилось причиной помещения этого слова в словарь; поэтому употребление и ощущается как отклоняющееся от нормы (и фиксируется нами). Аналогично "паровозный сон" (о паровозе), "паровозные стихи", "пищевая работа" (работа по приготовлению пищи) и т.д.

б) Ко второму типу мы относим употребления, которые не отождествляются с адъективной лексемой, описываемой словарем. Речь должна идти о 2-х лексемах-омонимах. При этом 2-я лексема-омоним, — та, которая реализуется в данном детском употреблении, — словаря не фиксируется. Выше говорилось о том, что словари фиксируют только те производные прилагательные, значения которых не следуют из семантики словообразовательной модели. Поэтому, если прилагательное, с которым отождествляется детское употребление, не идиоматично, оно и не должно фиксироваться словарем. Сюда следует отнести случаи совпадения по форме производных слов при различии на уровне производящих существительных. Например:

Здесь налицо омонимия прилагательных. При этом омоним "животный" (← животное), отмеченный в словаре, идиоматичен, круг его сочетаемости ограничен и фиксирован словарем по крайней мере на уровне типа.

Детская речь	Кодифицированный язык (Толковый словарь)
животный - "прил. к <u>живот</u> "	животный - "прил. к <u>животное</u> "
1. животная болезнь	1. животное царство
2. животное лекарство	2. животный клей (органического происхождения)
	3. животные потребности (грубые, низменные)
	4. животный эпос - литературовед. - сказки о животных.

2-й омоним, детское прилагательное, выражает лишь общий модельный смысл "имеющий отношение к M_i ", причем частные значения этого общего смысла выбираются свободно. Здесь сталкиваются две формы совершенно разных "уровней". На уровне словообразования как процесса, управляемого определенными правилами и приводящего к искомому результату, "правильным" является детское слово. Как все "правильные" производные, оно не должно фиксироваться словарем. На уровне лексики правильным является прилагательное животный², фиксированное словарем как раз потому, что оно существует, будучи идиоматичным.

В то же время наличие в словаре прилагательного животный² делает нежелательным животный¹ (ср. "желудочный"), откуда и ощущение "странности" детского употребления. Аналогично "санда́льный звук" (от топота сандалиями), "клас́совая группа" (дети, перешедшие в школу из детского сада). В последнем примере - несколько иная природа омонимии "детского" прилагательного и соответствующего слова из языка взрослых. Мотивирующая основа имеет несколько значений. Каждому значению в узусе предписана некоторая модель словообразования, отличная от модели, "работающей" при образовании прилагательного от другого значения. Ребенок нивелирует дифференциацию этих моделей.

Класс I - учащиеся одной	}	—→	КЛАССНЫЙ (КЛЯ)
ступени школьного обучения			КЛАССОВЫЙ (ДР)
Класс II - социальная группа	}	—→	КЛАССОВЫЙ (КЛЯ)

2. При анализе слов-прилагательных с некодифицированной формой мы должны идти по иному пути. Здесь следует говорить не о сочетаемости слов, а о сочетаемости морфем, о сочетаемости суффиксов и основ, а соответственно - об абстрактных комбинациях смыслов, выражаемых этими элементами (или соответствующими словообразовательными моделями). Нас должны интересовать отношения между этими комбинациями смыслов и конкретными содержаниями словоформ, то есть теми смыслами, которые мы можем восстановить на уровне лексической сочетаемости (контекста) или предметной отнесенности (ситуации). Слова, включенные в эту группу, остаются еще весьма разнообразными. Если формулировки грамматических описаний адекватно отражают действующую в языке словообразовательную норму, мы должны сравнивать детские новообразования с "разрешенными" морфологическими условиями, представленными в этих описаниях.

С точки зрения высказанной выше гипотезы о словотворчестве как об активном и сильном механизме, ускоряющем овладение ^{лексикой} уродного языка, мы должны быть готовы к появлению в речи детей "неотмеченных" форм, являющихся результатом реализации совершенно правильной, разрешенной словообразовательной программы. При этом наша задача - стремиться отграничить подобные формы от производных прилагательных, ошибочных уже на уровне общего правила.

I. Если слово построено правильно, т.е. соответствует разрешенной модели словообразования, не противоречит ни одному из перечисленных в грамматике условий, мы должны выяснить, почему же оно не функционирует как "нормальное" слово русского языка; - или, иначе, в чем же состоит "ошибка" ребенка. Здесь возможны разные ситуации. Например, слово может быть построено правильно и заданный смысл, согласно общему правилу, должен выражаться именно этим способом. Однако в узусе присутствует другое слово,

образованное "в обход" основной словообразовательной нормы. Например, при основе "осёл" (П скл.) нормален суффикс -ов(ый) (ср. мараловый, кротовый) и ребенок говорит "ословый" ("ословая нитка", на которой висел игрушечный осел). Но в узусе нам дано более идиоматическое образование "ослиный". В подобных случаях ошибки на словообразовательном уровне нет, — просто ребенок еще недостаточно овладел идиоматикой языка.

Аналогично: "мечный удар" (удар мечём), "рабóтное время" (когда папа занят работой) и др.¹).

Возможна ситуация, когда слово построено правильно, но соответствующий смысл может, согласно правилам, быть выражен и другими, синонимичными, морфологическими построениями. Ребенок выбирает один из принципиально возможных путей, узус же пошел по другому пути.

Причиной окказиональности формы построенного ребенком прилагательного может быть не только вариантность (синонимия) суффиксов, но и вариантность основ. В таком случае необходимо выяснить, не является ли в детской речи частотно доминирующей (или единственно присутствующей) не та из синонимичных (шире — эквивалентных в лексической системе кодифицированного языка) основ, от которой образуется нормативное производное прилагательное с заданным смыслом. Соответственно этому, действуя по правилам, ребенок может выбрать и другой суффикс, но первопричиной отклонения является именно специфика основы.

П. При рассмотрении детских образований, явившихся результатом некодифицированной словообразовательной операции, наша задача должна состоять в том, чтобы выявить, в чем состоит конкретное нарушение правила. Оно может состоять, во-первых, в неправильном осмыслении суффикса, т.е. в выборе не того суффикса,

¹ Показательно, что слово "рабóтный" помещено в словаре Ушакова с пометой "устар." (в сочетании "рабóтный дом"), а слово "меч-ный" встречается у И. Бунина (19, стр. 244). Можно сказать, что слова такого типа либо были в языке, либо будут когда-нибудь, ничто в их морфологической структуре этому не противоречит.

вхождение которого по норме выражает требуемый смысл, а другого, который этого смысла не выражает. В таком случае контекстуальное значение новообразования оказывается в противоречии с его модельным смыслом, и в этом состоит лингвистическая ошибка ребенка. Нарушение правила может вытекать и из другой причины. При наличии в системе морфологии нескольких суффиксов, близких по смыслу, но закрепленных за определенными типами основ (формальными или семантическими), дети могут нарушать именно принцип сочетаемости, нивелировать дифференцированность распределения конкретных суффиксов по типам основ. Вообще типы нарушений словообразовательных правил в отсубстантивных "детских" прилагательных чрезвычайно разнообразны. Это и адъективация местоименного и притяжательного склонений ("крокодильный", "царёвый"), и наложение суффиксов ("полосоватый", "абрикосовый", "облаковный"), и комбинации усеченных суффиксов ("узорчистый"), и нарушения акцентологического типа, и префиксация, диктуемая не только стремлением к регулярности антонимических противопоставлений ("бескрайний океан" - "крайний океан", "шоколадный - бесшоколадный"), но и рядом других причин ("скрынные капли" - с крыши, "сгорные реки" - с гор, "срукавный свитер" - с рукавами) и т.д.

Имея объектом рассмотрения отсубстантивные прилагательные, общее значение "порождающего" их словообразовательного шага $[N \rightarrow A]$ можно сформулировать как "признак, имеющий отношение к субстанции". Любой суффикс из арсенала суффиксов, обслуживающих такую словообразовательную операцию, несет в себе это общее значение. Следовательно, любой из этих суффиксов может быть использован при реализации данной словообразовательной модели. И в том случае, если будут соблюдены определенные требования, предъявляемые к морфологической стороне словообразовательной операции, общее значение, о котором говорилось выше, должно реализовываться верно. В этом должно состоять усвоение первоначальной недифференцированной словообразовательной модели $[N \rightarrow A]$. Можно сказать, что в этом смысле данная модель ребенком усваивается и осознается довольно рано. Но иная картина - на уровне дифференциации общего значения на частные подтипы, соответствующие определенным словообразова-

тельными формантам и правилам их взаимодействия. Здесь уже проявляется конкретная специализация этих формантов и соответствующих им значений, обнажается факт наличия многозначности и омонимии словообразовательных средств. Выбор возможностей для выражения какого-либо конкретного оттенка "признака, имеющего отношение к сущности", сужается. Резко возрастает вероятность ошибки в выборе.

Анализировать фактические отклонения в детском словообразовании можно только при опоре на кодифицированное описание перечня ЧАСТНЫХ значений, соотносимых с той или иной словообразовательной моделью. Отклонения эти могут состоять а) в "опускании" общего значения на уровень специализированного конкретного значения; б) в "движении вверх" формы, значение которой четко фиксировано конкретным суффиксом, т.е. расширение специализированного значения до общего значения модели $[N \rightarrow A]$; в) в "странствовании" конкретных значений в пределах "горизонтально" перемещения их в рамках одного словообразовательного типа.

Из всего сказанного очевидно, насколько необходимо для анализа нашего материала наличие как можно более полной картины кодифицированных ^{много-}многозначных отношений между словообразовательными значениями и словообразовательными формантами" (20), инвариантными относительно словообразовательной операции

$[N \rightarrow A]$. В грамматических же описаниях информация о частных словообразовательных значениях отсубстантивных прилагательных представлена крайне скудно или не представлена вовсе. В этом заключается одна из самых существенных трудностей, возникающих при работе с "детскими" производными прилагательными.

Л и т е р а т у р а

1. К.И.Чуковский, "От двух до пяти", М., 1957.
2. А.Д.Павлова, "Дневник матери", М., 1924.
3. Е.Шваб, "Живое детское слово", М., 1925.
4. М.Рыбникова, "Книга о языке", 1926.

5. Н.А.Менчинская, "Развитие психики ребенка (дневник матери)", М., 1957.
6. Л.Пантелеев, "Наша Мама", М., 1966.
7. Феликс Лев, "Перед школой", М., 1971.
8. А.Н.Гвоздев, "Вопросы изучения детской речи", М., 1961.
9. С.Гер-Минасова, "К проблеме детской речи", ВП, № 4, 1969.
10. Т.Н.Ушакова, "О механизмах детского словотворчества", ж. "Вопросы психологии", № 2, 1969.
11. Т.Н.Ушакова, "О причинах детского словотворчества", ж. "Вопросы психологии", № 6, 1970.
12. Л.С.Выготский, "Мышление и речь", М., 1934.
13. Р.И.Водейко, "Ранние этапы онтогенеза речи", автореф. дисс., Минск, 1968.
14. А.В.Захарова, "Отглагольные прилагательные в детской речи (модели словообразования и особенности употребления)", сб. "Актуальные проблемы лексикологии", доклады III межвузовской конференции, Новосибирск, 1972.
15. В.В.Виноградов, "Русский язык", Учпедгиз, 1947.
16. Н.А.Еськова, И.А.Мельчук, В.З.Санников, "Формальная модель русской морфологии (I.Формообразование существительных и прилагательных)", М., 1971.
17. Э.А.Ключкова, "О влиянии формы разговорной речи на распределение классов слов", в сб. "Русская разговорная речь", Саратов, 1970.
18. Толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н.Ушакова, М., 1940.
19. И.А.Бунин, "Святые", собр.соч., т.4, М., 1966.
20. П.А.Соболева, "Элементарная единица словообразовательного уровня", сб. "Актуальные проблемы лексикологии", доклады III межвузовской конференции, Новосибирск, 1972.

П.М.Бердник

О ПОНИМАНИИ ТЕРМИНА "СОГЛАСОВАНИЕ"

Точность и определенность содержания – это важнейшие требования, предъявляемые к терминам. Содержание же терминов задается определениями. Поэтому важно, чтобы определения терминов были четкими и не противоречивыми. Разнобой между определениями одного термина в разных источниках так же нежелателен, как и расплывчатость, обивчивость, противоречивость внутри каждой формулировки. Между тем, определения понятий о способах грамматической связи слов в словосочетании – понятия согласования, управления и примыкания с этой точки зрения оставляют желать лучшего. В этой заметке мы остановимся на понятии согласования. Приведем определения этого понятия в ряде лингвистических источников:

1. "Согласованием называется такая связь, при которой зависимое слово ставится в том же числе, роде, падеже или лице, что и основное слово, например: 1) в сочетании **солнце смотрит** глагол настоящего времени **смотрит** согласуется с существительным **солнце** в единственном числе и третьем лице; 2) в сочетании **апрельского солнца** прилагательное **апрельское** согласуется с существительным **солнце** в единственном числе, среднем роде, именительном падеже; 3) в сочетании **пробуждающаяся земля** причастие **пробуждающаяся** согласуется с существительным **земля** в единственном числе, женском роде, винительном падеже" (1, стр.7). 2. "Согласование – такая связь слов в подчинительном словосочетании, при

которой подчиняющее слово требует от подчиненного обязательного соответствия имеющихся у них общих категорий" (2, стр.30).

3. "Согласованием принято называть такой вид подчинительной связи, при котором наблюдается уподобление зависимого слова главному в общих у этих слов грамматических категориях (род, число, падеж" (3, стр.26). 4. "Согласование – вид синтаксической связи, выражающейся в формальном подчинении прилагательного или спрягаемого глагола тому существительному, к которому они относятся, т.е. объединение подчиняющего и подчиняемого членов общими для них морфологическими грамматическими категориями (рода, числа, лица – в случае согласования глагола с существительным, – рода, числа, падежа в случае согласования прилагательного или причастия с существительным" (4, стр.437).

В определениях согласования, как видим, либо перечисляются категории, в которых наблюдается данное отношение, без попытки теоретического объяснения его природы (1), либо подчеркивается общность этих категорий у подчиняющего и подчиняемого слов, принадлежащих разным частям речи (2, 3, 4). Между тем известно, что категории рода и числа у существительного, прилагательного и глагола, падежа у существительного и прилагательного отнюдь не "общие", а только одноименны. Поэтому грамматическая сущность согласования такими формулировками не раскрывается.

Личные окончания глаголов непосредственно выражают отношение действия к определенному лицу, характеризующемуся с точки зрения его роли в акте общения: окончание –у(ю) означает, что действие совершается говорящим, $\frac{ешь}{ишь}$ – собеседником, – $\frac{ет}{ит}$ – предметом или лицом, не участвующим в этом акте. При этом все эти окончания означают, что действует один человек (в 3 л. м.б. один предмет). Множеству действующих лиц соответствуют окончания – $\frac{ем}{им}$, $\frac{ете}{ите}$, $\frac{ут}{ат}$, $\frac{ют}{ят}$. Во всех предикативных сочетаниях выбор той или иной глагольной формы определяется прежде всего тем, кого говорящий считает действующим лицом. Поэтому говорить о грамматической форме глагола как об обусловленной грамматической формой подлежащего (ее субстантивностью, толкуемой как "3 лицо" или прономинальностью, совместимой со значениями всех лиц) нам кажется не вполне правомерным. Тем самым оказывается сомнительным и термин "согласование" применительно к этой зависимости.

Отношения между прилагательным (причастием) и существительным имеют другую природу. Рассмотрим их на простых примерах: "порошила мелкая метель" (Шолохов); "На лице Анны вспыхнули прежние краски" (Шолохов). Форме "мелкая", как и форме "метель" мы приписываем значения ж.рода, ед.ч., им.п. и на этом основании говорим о том, что прилагательное согласуется с существительным в этих категориях. Но ед.ч. существительного означает, что предмет один, а ед. ч. прилагательного не означает, что "признак один". Эта форма означает, что данный признак принадлежит предмету, который один. (Ср. прежние краски). Точно так же род прилагательного означает только то, что признак принадлежит предмету, который назван существительным ж.рода, а падеж прилагательного — то, что этот признак принадлежит предмету, названному существительным в определенном (данном) падеже. Сам же падеж существительного значим совсем по-другому: он в обобщенной форме выражает роль данного предмета в ситуации (субъектную или объектную, с разными модификациями последней).

Таким образом, зависимые компоненты атрибутивных словосочетаний не выражают сами по себе никаких свойств признака, а указывают лишь на то, какова грамматическая форма того существительного, к которому они относятся. Парадигма прилагательного построена таким образом, что в ней предусмотрены грамматические места форм, соотношенных не только с падежными вариантами существительных, но и с родовыми классами последних (в ед.числе; во множественном числе родовые различия существительных сохраняются, но прилагательными не воспроизводятся).

В свете сказанного можно сказать, что согласование не предполагает общности категорий подчиняющего и подчиненного слов. Это скорее отношение соответствия между грамматическими формами в двух существенно разных парадигмах.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что существующие определения термина "согласование", а вместе с этим и объяснение сущности выражаемых между компонентами словосочетания отношений, является ошибочным.

Литература

1. С. Г. Бархударов, С. Е. Крючков, Учебник русского языка, ч.П, Изд. "Просвещение", М., 1965, стр.7.
2. А. Н. Гвоздев . Современный русский литературный язык, ч.П, Изд. "Просвещение", М., 1968, стр.30.
3. Современный русский язык. Синтаксис. Изд. МГУ, М., 1958,стр.26
4. О. О. Ахманова . Словарь лингвистических терминов. Изд. "Советская энциклопедия", М., 1966, стр.437-438.
5. С. Г. Бархударов , С. Е. Крючков . Учебник русского языка, ч.П, Изд. "Просвещение", М., 1965,стр.7-8.
6. А. Н. Гвоздев . Современный русский литературный язык. Ч.П, Изд. "Просвещение", М., 1968, стр.32.
7. Современный русский язык. Синтаксис. Изд. МГУ, М., 1958,стр.28.
8. О. О. Ахманова . Словарь лингвистических терминов. Изд. "Советская энциклопедия", М., 1966, стр.466.
9. С. Г. Бархударов , С. Е. Крючков . Учебник русского языка, ч.П, Изд. "Просвещение", М., 1965, стр.8.
10. А. Н. Гвоздев . Современный русский литературный язык. Ч.П, Изд. "Просвещение", М., 1968, стр.37.
11. Современный русский язык. Синтаксис. Изд. МГУ, М., 1958, стр.30.
12. О. С. Ахманова . Словарь лингвистических терминов. Изд. "Советская энциклопедия", М., 1966, стр.360.

Н.В.Черемисина, Р.Я.Вельц

ГРАДАЦИЯ ИНТОНАЦИОННАЯ И ГРАДАЦИЯ ЗНАМЕНАТЕЛЬНАЯ
(К проблеме взаимосвязи коммуникативно-синтаксической
и конструктивно-синтаксической структур)

Общепризнана необходимость двухаспектного (конструктивно-синтаксического и коммуникативно-синтаксического) изучения предложения, необходимость детального изучения взаимосвязи этих аспектов.

Одна из сторон взаимосвязи названных аспектов может быть уточнена путем выявления соотношения между интонацией (коммуникативный план), порядком слов (коммуникативный и конструктивный план, поскольку для структурной схемы важны взаимные позиции ее компонентов) и категориальной характеристикой составляющих предложение слов — их принадлежностью к определенной части речи (конструктивный план).

Выявление названного соотношения на уровне синтагмы (в Щербовском истолковании этого понятия) является целью статьи.

Материалом исследования послужили художественно-прозаические и поэтические произведения и стилизованная разговорная речь (пьесы) — всего около 5 тыс. синтагм (4859).

При исследовании использовался главным образом один из двух основных, намеченных (в "Синтаксисе русского языка") акад. А.А.Шахматовым путей анализа: от формы к значению, в данном случае от интонации — к коммуникативно-синтаксической структуре синтагмы и категориальной значимости ее составляющих.

Как известно, понятие динамической структуры введено В.К. Чичаговым. "Динамическая структура, - писал он, - есть движение голоса по силе при произнесении того или иного предложения" (9, 25). Есть основания говорить и о динамической структуре (ДС) синтагмы (8, 36): и здесь мы можем наблюдать движение элементов интонационной структуры по силе, да и сам В.К.Чичагов, выделяя различные виды динамических структур, анализировал, главным образом, предложения, равные по величине синтагме. И на уровне предложения, и на уровне синтагмы выделяются обычные динамические структуры (8, 38-40). Синтагматический или фразовый центр которых занимает конечную позицию, и эмфатические динамические структуры (8, 41-45), синтагматический или фразовый центр которых занимает неконечную позицию. Обычные динамические структуры в спокойной монологической речи и в литературном языке в целом являются нормой (ср. соответствующее указание Л.В.Щербы): в русском языке действует закон прогрессивной последовательности (термин Ш.Балли), который состоит в том, что наиболее весомые по коммуникативной нагрузке слова (или синтагмы) располагаются в конечной позиции.

В исследованном материале обычные динамические структуры тоже преобладают, составляя 83% в прозе, 64,6% в стихе, 53% в драме. Как видим, существенно уменьшается процент обычных динамических структур в драматургических текстах, что, очевидно, можно объяснить близостью языка пьес к разговорной речи, которая, как правило, особенно насыщена эмоциями. При обычной динамической структуре слова, наиболее значимые коммуникативно, располагаются в конце синтагмы и произносятся с большим акцентом, нежели другие слова этой же синтагмы, несущие меньшую коммуникативную нагрузку. Синтагматическое ударение выражается при этом не столько интенсивностью, сколько длительностью. Эмфатические динамические структуры весьма эмоциональны: смысловое ударение при эмфазе, как свидетельствуют современные исследования разговорной и художественной речи, выделяется и интенсивностью, и

громкостью, и, главное, повышением или понижением тона. Уже самый факт обязательного тонального выделения эмфатического акцента говорит о его эмоциональности, ибо мелодика — прежде всего эмоциональный компонент интонации. Но эмфаза — это не только повышенная эмоциональность, но и повышенная коммуникативная значимость интонационно выделяемых слов. В синтагмах эмфатической структуры наблюдается эмфатический порядок слов: от более коммуникативно значимого к менее значимому.

Итак, своеобразие ДС зависит от коммуникативной нагрузки составляющих синтагму слов. Эта связь динамической структуры с коммуникативно-синтаксическим строением синтагмы признается ныне аксиоматичной (см. работы: 3, 4, 5, 6, 8).

Задачей данной статьи является попытка ответить на вопрос о том, имеются ли в письменном тексте какие-либо регулярные указатели степени коммуникативной значимости, а следовательно, указатели относительной силы того или иного слова в составе синтагмы. Выяснено, что динамическая структура синтагмы определяется коммуникативно-синтаксическим строением последней; при этом важна не только финальная позиция синтагматического центра, но и расположение слов в синтагме в порядке возрастающей коммуникативной значимости. Эта грация может быть выражена формулой I-2-3, где цифра 3 указывает силу синтагматического ударения, цифра 2 — силу ударения во втором по значимости слове, цифра I — силу словесных ударений остальных, логически безударных слов (см. об этом 8, 39).

Пишущий опирается на интуитивное знание нормативной линейно-динамической структуры^I: учитывает параллелизм между порядком слов и коммуникативным их весом, а также степенью их акустического выделения. Но как коммуникативно-семантическая грация сообщается читателю?

^I Термин П.Адамца (I), указывающий на динамическую структуру и коммуникативно-синтаксическое строение предложения в их совокупности.

Интуитивно ясно, что наиболее четким указателем относительного коммуникативного веса и силы слов может служить степень их знаменательности: адекватное восприятие было бы обеспечено особенно легко при условии соответствия коммуникативного веса данного слова — степени знаменательности его как части речи. При проверке этой гипотезы принималось во внимание различие частей речи по степени знаменательности. Как известно, знаменательным частям речи четко противопоставляются служебные слова, а среди знаменательных, в свою очередь, наблюдается противопоставление полнозначных существительного и глагола и малознаменательных местоимения и числительного. Имя прилагательное, обычно зависящее от существительного синтаксически, является по сравнению с существительным и относительно менее знаменательным. Столь же относительно менее знаменательным является качественное наречие по отношению к глаголу (2, 38-44). Следовательно, степень знаменательности различных частей речи может быть схематически представлена в виде определенной шкалы градации. При условии правильности принятой гипотезы этой языковой шкале соответствует шкала градации коммуникативного веса слов в речи.

С целью проверки наличия-отсутствия указанного соответствия "частеречное" строение синтагм было сопоставлено с их линейно-динамической структурой.

Анализ показал, что в синтагмах обычной динамической структуры слова располагаются не только в порядке возрастающей силы и возрастающей коммуникативной значимости, но и в порядке возрастающей знаменательности. Это наблюдается прежде всего в синтагмах, состоящих из незнаменательного (союза, частицы)² малознаменательного (местоимения, местоименного наречия) и знаменательного слова. Например:

² Имеются в виду незнаменательные слова, состоящие из двух и более слогов и несущие на себе ударение (хотя и ослабленное): ударный гласный в них не меняет своего качества.

И главное, /он настоял в ту ночь,/ чтобы она поспала. (К.Симонов. Солдатами не рождаются).

Вот где нам посчастливилось родиться,/

Где на всю жизнь,/до смерти, мы нашли... (К.Симонов. Родина).

/Марфа Петровна/. Уж ты извини / - гадока. (К.Симонов. Русские люди)

Пускай ты этого не знал,/

Но ты в тот день /убийцей стал. (К.Симонов.

Я знаю, ты бежал в бой...)

В приведенных примерах наблюдается расположение слов в порядке их возрастающей знаменательности и коммуникативной значимости. Смысловой акцент в выделенных синтагмах приходится на существительные и глаголы, слова знаменательные, несущие в тексте наибольшую смысловую нагрузку.

В синтагмах, включающих прилагательное (относительно менее знаменательное слово) и существительное (знаменательную часть речи), слова располагаются в порядке возрастания коммуникативной значимости; смысловой акцент приходится на существительное - более значимое, однозначное слово:

Но в час,/когда последняя граната/... (К.Симонов. Родина).

/Толстой/. Когда шведский король /учинил нам жестокую конфузцию под Нарвой... (А.Толстой. Петр Первый)

Единственная память,/изумрудное колечко,/зелененький огонек,/ подарок Вадима, затерялось еще в селе Владимирском. (А.Толстой. Хмурое утро)

В синтагмах с финальным местоимением - синтагмах эфатической динамической структуры - под смысловым акцентом тоже оказываются слова знаменательные, несущие большую смысловую нагрузку:

Мы не увидимся с тобой/... (К.Симонов. Мы не увидимся с тобой...)

! мир /представлялся ему /законченной системой (А.Толстой. Восемнадцатый год)

Однако подобное идеальное соответствие между динамической структурой, коммуникативным весом слов, порядком их расположения в той или иной синтагме и градацией степени знаменательности составляющих синтагму частей речи — явление далеко не регулярное.

В исследованном материале встречаются синтагмы, в составе которых имеется не одно, а два полнозначных знаменательных слова: имя существительное и глагол (10,5%). В таких синтагмах обычно несет наибольшую коммуникативную нагрузку и, следовательно, попадает под наиболее сильное ударение то слово, которое стоит в абсолютном конце синтагмы. Это — обычные динамические структуры.

Когда Таня пришла, /Синцов спал. (К.Симонов. Солдатами не рождаются)

Неправда, /друг не умирает/... (К.Симонов. Смерть друга)

Прокофий /полез за наливкой в погреб, /а за это время /Мавра и разглядела, /что турчанка попалась Прокофию/последняя из никудышних. (М.Шолохов. Тихий Дон).

Как видно из приведенных примеров, в подобных синтагмах под смысловым акцентом может быть и существительное (58%), и глагол (42%), причем локализация логического ударения ("выбор" акцентируемой части речи), зависящая всецело от коммуникативного задания, указывается в письменном тексте порядком слов. Принципиально важно, что в подобных синтагмах налицо прямой порядок слов и ударение приходится в синтагме на финальное слово.

При инверсивном словорасположении возникают эмфатические ДС; наибольшей значимостью и, следовательно, смысловым акцентом наделяется здесь слово в ненормативной позиции.

В синтагмах эмфатической динамической структуры, в составе которых имеется два знаменательных слова, синтагматическое ударение приходится чаще всего (75%) на имя существительное:

Так широко /он руки разбросал, /

Как будто разом /всю страну обнял. (К.Симонов. Смерть друга).

/Череметьев/. Да так, /девка одна пленная, /белье стирает.

(А.Толстой. Петр Первый)

Однако отнюдь не всегда слово, являющееся знаменательным, оказывается более значимым коммуникативно. В исследованном материале встречаются синтагмы, в составе которых менее знаменательные слова несут большую смысловую нагрузку, нежели полнозначные знаменательные слова, и являются носителями логического ударения.

Так, обычно выделяются смысловым акцентом малознаменательные слова — относительные местоимения, к которым "прикрепляется" придаточная часть предложения. Эти слова уточняются, конкретизируются в придаточной части, и, может быть, смысловой акцент на них служит дополнительной, интонационной скрепой частей сложноподчиненного предложения: выделяя малознаменательное слово, интонация подчеркивает незавершенность конструкции и "отсылает" к разъяснению сущности малознаменательного слова в последующем тексте. См. примеры:

Идя сейчас с Левашовым, /она с тревогой подумала о том, / что раньше не приходило ей в голову. (К.Симонов. Солдатами не рождаются)

Когда же ты нести не сможешь,

То знай, что, голову сложив,

Его всего лишь переложишь /

На плечи тех, /кто будет жив.

(К.Симонов. Смерть друга)

И Тетькин /бестолково стал рассказывать про то, /как она ходила к Оноди, и он, непонятно зачем, уверял ее в смерти Рошина. (А.Толстой. Хмурое утро).

Логическое ударение приходится на слова относительно менее знаменательные — имена прилагательные и на слова малознаменательные — местоимения, если эти слова являются основными выразителями противопоставления. В этих случаях "перемещение" ак-

цента объясняется антитезой, которая требует, чтобы логические ударения приходились на элементы, содержащие основной смысл противопоставления (7,212), и благодаря которой автором сознательно выделяются коммуникативно наиболее важные слова:

За твой окоп /другой боец/
Подставит грудь под злой свинец. (К.Симонов.
Я знаю, ты бежал в бой...)

Но воспоминания о тех немцах, /там, в немецком тылу, все равно не помогали ей /ожесточиться против этих немцев, /здесь, / в ее госпитале. (К.Симонов, Солдатами не рождаются)

Таким образом, исследование подтвердило наличие вполне определенной соотносительности между речевой линейно-динамической структурой синтагмы и категориальной общезначимой значимостью составляющих синтагму частей речи, различающихся степенью знаменательности. Если для пишущего мысль и коммуникативное задание обуславливают отбор слов - частей речи, их взаиморасположение и интонирование, то для воспринимающего интуитивное различие степени знаменательности частей речи, лексическая семантика, акцентное строение слов и их расположение определяют интонацию и смысл текста.

Исследование показало, что в письменном тексте коммуникативная весомость задана самой спецификой семантики отдельных частей речи: обычно слова располагаются здесь не только в порядке их возрастающей коммуникативной значимости, но и в порядке возрастающей знаменательности. Следовательно, упомянутая выше формула движения силы в синтагме (1-2-3 и под.) получает подтверждение не только при осмыслении коммуникативного задания, но и при учете принадлежности составляющих синтагму слов к определенной части речи - более или менее знаменательной.

Изменение формулы движения силы в эмфатических структурах типа (3-1 и под.) тоже получает дополнительное объяснение и подтверждение. Появление эмфатических динамических структур наблюдается при эмфатическом расположении слов в порядке "спадающей" коммуникативной значимости и одновременно, как правило, в порядке "убывания" степени знаменательности.

Такое соответствие линейно-динамической структуры синтагмы и нормативной языковой категориальной значимости составляющих ее классов слов (частей речи) дает возможность читателю правильно, адекватно воспринять авторское коммуникативное задание.

При наличии в синтагме двух знаменательных слов решающим средством информации о коммуникативной значимости и динамической структуре становится нарушение нормативного словорасположения: синтагматический центр сосредотачивается на инверсированном слове.

Отсутствие описанного соответствия между линейно-динамической структурой синтагмы и степенью знаменательности составляющих ее слов наблюдается также еще при двух вполне определенных условиях: при акцентации относительных местоимений, которые уточняются, конкретизируются в придаточной части предложения, и при антитезе.

Этими тремя условиями исчерпываются, судя по нашему материалу, речевые ситуации, в которых отсутствует описанное выше соответствие линейно-динамической структуры "частеречному" ее составу. Подобные условия несоответствия возникают не часто, они всегда экспрессивно значимы и, по-видимому, не мешают правильному восприятию авторского коммуникативного задания в силу того, что отступления от нормы во всех подобных случаях привлекают особое внимание.

Инверсия привлекает особое внимание, как всякое отступление от интуитивно ощущаемой нормы (прямого порядка слов): относительное местоимение создает напряженность ожидания, поскольку это указательное слово указывает не на предшествующее, а на последующее; антитеза, как выразительное средство и эвристический принцип различения и противопоставления, акцентируется всегда.

Перечисленные выводы равно справедливы для всех проанализированных текстов — и для прозаических, и для стихотворных, и для стилизованной разговорной речи. Вполне возможно, что описанное соответствие составляет одну из специфических особенностей организованной, художественной речи, но и для ответа на этот вопрос требуется предварительно провести аналогичное исследование естественной разговорной речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. П. А д а м е ц . Порядок слов в русском языке. Прага, 1966.
2. В. В. В и н о г р а д о в . Русский язык. Учпедгиз, М.-Л., 1947.
3. Вопросы русского языкознания. Саратов, 1961.
4. К. Г. К р у ш е л ь н и ц к а я . К вопросу о смысловом членении предложения. - "Вопросы языкознания", № 5, 1956.
5. И. П. Р а с п о п о в . Актуальное членение предложения. Уфа, 1961.
6. О. Б. С и р о т и н и н а . Порядок слов в русском языке. Саратов, 1965.
7. Н. В. Ч е р е м и с и н а . Нормативные позиции синтаксического ударения в современном русском языке. - В сб.: "Вопросы лексикологии и синтаксиса". Уфа, 1964.
8. Н. В. Ч е р е м и с и н а . Строение синтагмы в русской художественной речи. - В сб.: "Синтаксис и интонация", Уфа, 1969.
9. В. К. Ч и ч а г о в . О динамической структуре русского повествовательного предложения. - "Вопросы языкознания", № 3, 1953.

М.Д.Симонов

ОПЫТ СТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ МЕСТОИМЕНИЙ 'ОН' В НАУЧНОМ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

§ 1. Вступление

Местоимение ОН является самым частотным местоимением русского языка. Поэтому изучение его дистрибуции - первостепенная задача в работах по машинному переводу, информационно-логическим и поисковым языкам и автоматическому реферированию (1).

Задача этой статьи - сравнить стили научной, научно-популярной и художественной литературы по 4 признакам, связанным с местоимением ОН: 1) распределение в тексте местоимений, то есть число употреблений местоимения ОН в отрезках текстов заданной длины; 2) распределение антецедентов, то есть число антецедентов в тексте заданной длины; 3) распределение истинных антецедентов относительно местоимений, то есть доля истинных антецедентов от общего числа членов анафорической связи (в текстах разных стилей); 4) распределение ложных антецедентов относительно местоимений, то есть доля ложных антецедентов относительно совокупного числа ложных антецедентов и местоимений.

В качестве материала исследования было взято по одному источнику для каждого стиля: научный - С. К. Шаумян. Философские вопросы теоретической лингвистики. М., Наука, 1971. 7,3 уч-изд. л., научно-популярный - А. А. Формозов. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М., Наука, 1966. 7,3 уч-изд. л., художественный - Л. Н. Толстой. Севастопольские рассказы. 7,12 уч-изд. л.

Основные понятия

Антецедентом называют субстантив (имя существительное или любую субстантивированную часть речи), который предшествует местоимению и обозначает тот же предмет мысли, что и относящееся к нему, замещающее его местоимение. Напр., Множество, состоящее из атомов и построенных из них сложных объектов, называется индуктивным классом объектов¹. Антецедент имеет обычно те же значения рода и числа, что и местоимений, и определяется с опорой на эти признаки. Однако (помимо истинных антецедентов) данные признаки могут иметь и другие имена, находящиеся в позиции к местоимению. Субстантив, расположенный в тексте между антецедентом и местоимением и стоящий в том же роде и числе, что и местоимение, назовем ложным антецедентом. Напр., Таким образом, с точки зрения абстрактных моделей объяснить ложный лингвистический факт — это значит раскрыть механизмы его конструирования из простых лингвистических фактов.

Грамматические отношения между местоимением и антецедентом называют анафорической связью; члены анафорической связи — общее название для местоимения и антецедента.

§ 2. Проверка источников на однородность

Сравнение стилей можно проводить только в том случае, когда источники, взятые для каждого стиля, являются внутренне однородными по интересующим нас признакам. Определение такой однородности мы осуществляем с помощью хи-квадрат критерия. Иногда для этой цели бывает удобнее использовать коэффициент вариации (2). Из названных источников берутся выборки, каждая из которых является сплошным отрывком из текста. Длина (объем) выборки равняется общему количеству представленных в ней словоформ.

Формула, по которой вычисляется величина хи-квадрат в таких случаях, когда все выборки имеют одинаковую длину:

$$\chi^2 = \frac{\sum (x_i - \bar{x})^2}{\bar{x}}$$

где x_i — наблюдаемые (выборочные) частоты, $\bar{x}$ — средняя выбороч-

¹ Штрихом мы подчеркиваем антецедент, двумя чертами — ложный антецедент.

ная частота. Для вычисления по этой формуле величина χ^2 по специальной таблице (3) определяют вероятность большего значения. Если эта вероятность 5% и меньше, то отклонения выборочных частот от средней выборочной существенны (не случайны), то есть текст не однороден. Если же она больше 5% и меньше 95%, отклонения от $\bar{x}$ оцениваются как случайные, а текст — как однородный. Формула коэффициента вариации (для выборки равной длины):

$$V = \frac{100\% \cdot \sigma}{\bar{x}}$$

где V — коэффициент вариации, σ — среднее квадратичное отклонение от средней выборочной частоты $\left(\sigma = \sqrt{\frac{\sum (x_i - \bar{x})^2}{N}} \right)$,

N — количество выборок). Если $V > 40\%$, гипотеза о случайном варьировании частот вызывает недоверие, в этом случае текст не однороден. Однородность существует, если $V < 40\%$.

Следует подчеркнуть, что все наши выводы имеют вероятный характер. Они могут быть изменены или опровергнуты при расширении материала исследования. Поэтому для определения надежности выводов мы постоянно приводим относительную ошибку наблюдения и надежности этой ошибки. Формула относительной ошибки (δ):

$$\delta = \frac{t \cdot \sigma}{\bar{x} \cdot \sqrt{N}}$$

где t — коэффициент, который берется по специальной таблице (4) в зависимости от количества выборок и от того, с какой надежностью мы хотим получить относительную ошибку. — Несмещенная оценка среднего квадратичного отклонения от средней выборочной частоты

$$\left(\sigma = \sqrt{\frac{\sum (x_i - \bar{x})^2}{N - 1}} \right)$$

Зная δ , можно найти интервал ($\bar{x}_0$) (где $\bar{x}_0 = \bar{x} \pm \bar{x} \delta$), в пределах которого находится действительная средняя частота. Напр., надежность $\delta = 95\%$ значит, что в 95 опытах из 100, подобных тому, который мы проделали для определения $\bar{x}$, значение $\bar{x}$ не выйдет за пределы $\bar{x}_0$.

Сперва проверим источники на однородность по распределению в них местомышений.

1. Научный текст. Из монографии С.К.Шаумяна было взято 7 выборок по 5000 словоформ каждая. Получены следующие результаты (x_i - выборочная частота местоимений):

№ выборки	1	2	3	4	5	6	7
x_i	33	23	19	30	9	35	73
$\bar{x} = 31,7$	$\sum (x_i - \bar{x})^2 = 2473,76$						

Отсюда $\chi^2 = 78$, Вероятность большего значения (ВБЗ) для $\chi^2=78$ значительно меньше 5%, то есть научный текст явно не однороден.

Можно предположить, что в одной научной монографии могут быть представлены два различных стиля. Одним стилем пишутся вводные замечания и общенаучные, философские рассуждения (назовем его общенаучным), другим - конкретное научное исследование (этот стиль назовем конкретно-научным).

По нашему мнению, в монографии С.К.Шаумяна общенаучным стилем написаны "Предисловие"(I), "Вступительные замечания"(II) и глава "Проблемы лингвистической реальности"(III), конкретно-научным - глава "Общая характеристика абстрактного лингвистического моделирования"(IV). Для проверки исследуем на однородность, с одной стороны, раздел IV и, с другой, - совокупность разделов I, II и III.

Из раздела IV берем 5 выборок по 5000 словоформ каждая (x_i - выборочная частота местоимений; $\delta = 20,5\%$ при 80% надежности, то есть $\bar{x} = 21,8 \pm 4,5 / 17,3 - 26,3/$).

№ выборки	1	2	3	4	5
x_i	30	23	26	17	13
$\bar{x} = 21,8$	$\sum (x_i - \bar{x})^2 = 186,80$				

$\chi^2 = 8,57$. Отсюда ВБЗ = 8%, то есть несколько больше 5%. Проверка с помощью коэффициента вариации дает $V = 32\%$ (то есть меньше 40%). Это позволяет признать конкретно-научный раздел IV однородным текстом.

Для общенаучного текста (2 выборки по 5000 словоформ из I, II, III разделов) удобнее вычислить относительную ошибку не частоты, а доли (δ_p).

$$\delta_p = \frac{2\sqrt{p}}{\sqrt{pn}},$$

где p - доля данного явления, $q = 1 - p$, n - длина выборки;
 $\delta_p = 18,5\%$ при 95% надежности.

№ выборки	I	2
x_i	53	60
$\bar{x} = 56,5$	$\sum (x_i - \bar{x})^2 = 24,5$	

Здесь $\chi^2 = 0,41$. В этом случае ВБЗ $\approx 55\%$. Текст однороден.

Таким образом, наша гипотеза подтверждается: в одной и той же монографии по признаку распределения местоимений могут быть представлены два внутренне однородных стиля - общенаучный и конкретно-научный.

Если в целом в научной монографии местоимения распределены явно неравномерно, - ср. 9 местоимений в 5-ой выборке и 73 в 7-ой (стр.4), то каждый из выделенных нами стилей характеризуется равномерным распределением; среднее число местоимений в общенаучном тексте - 56,5 на 5000 словоупотреблений (словоформ), в конкретно-научном - 21,8 (на ту же длину).

2. Научно-популярный текст. Из книги А.А.Формозова взято 5 выборок, каждая длиной в 5000 словоформ (x_i - выборочная частота местоимений; $\delta \approx 16,5$ при 95% надежности; $\bar{x} = 72,8 \pm 12,0 / 60,8 - 84,8$). Полученные данные представлены ниже.

№ выборки	I	2	3	4	5
x_i	63	68	81	86	76
$\bar{x} = 72,8$	$\sum (x_i - \bar{x})^2 = 370,76$				

$\chi^2 = 5,09$. Следовательно ВБЗ 30%. Текст однороден.

3. Художественный текст. Из рассказов Л.Н.Толстого берем 6 выборки по 5000 словоформ (x_i - выборочная частота местоимений):

№ выборки	1	2	3	4	5	6
x_i	131	228	232	240	232	201
$\bar{x} = 210,6$	$\sum (x_i - \bar{x})^2 = 8511,4$					

В результате $\chi^2 = 40,4$, для которого ВБЗ намного меньше 5%.
Текст не однороден.

Вероятно, рассказы Л.Н.Толстого написаны разными стилями. "Севастополь в декабре месяце" приближается к очерку, а "Севастополь в мае" и "Севастополь в августе 1855 года" - сюжетные произведения и по структуре походят на повесть. Видимо, такое различие является существенным для распределения в тексте местоимений.

Для проверки нашей гипотезы нужно было бы испытать на однородность, с одной стороны, первый рассказ, а, с другой стороны, второй и третий рассказы вместе. Но первый рассказ для этого слишком короток. Поэтому ограничимся проверкой второго и третьего рассказов. Из них возьмем 5 выборки по 5000 словоформ каждая (x_i - выборочная частота местоимений; $S = 8,2\%$ при 95% надежности, $\bar{x}_0 = 226,6 \pm 18,5 / 208,1 - 245,1$):

№ выборки	1	2	3	4	5
x_i	228	232	240	232	201
$\bar{x} = 226,6$	$\sum (x_i - \bar{x})^2 = 895,28$				

Отсюда $\chi^2 = 3,9$, следовательно ВБЗ $\approx 40\%$. Текст однороден.

Таким образом, мы подходим к выводу, что распределение местоимений в научном и художественном тексте не является произвольным, а подчиняется единому для каждого стиля статистическому закону. Но для выявления этих законов не достаточно оперировать понятиями "научный", "научно-популярный" и "художественный" стиль. Нужно более подробное стилевое членение объекта.

Из выделенных нами стилей в дальнейшем исследовании будем пользоваться четырьмя: 1) конкретно-научный; 2) общенаучный; 3) научно-популярный; 4) художественный (в смысле "сюжетно-художественный").

Как было показано, чаще всего местоимение встречается в художественном, реже всего - в конкретно-научном стиле (среднее количество местоимений в первом случае примерно в 10 раз больше, чем во втором). По количеству местоимений научно-популярный стиль занимает промежуточное положение между общенаучным и художественным, а общенаучный - среднее положение между конкретно-научным и научно-популярным.

Тексты, написанные данными стилями, проверим на однородность по остальным признакам, включенным в задачу нашего исследования.

Вначале проверим источники на однородность по распределению в них антецедентов. В этом разделе, так же как и в предыдущем, длина каждой выборки равняется 5000 словоформ (x_i - выборочная частота антецедентов).

1. Конкретно-научный текст

($\delta = 21,5$ при 80% надежности: $\bar{x}_0 = 19,6 \pm 4,2 / 15,4 - 23,8$).

№ выборки	1	2	3	4	5
x_i	28	20	22	16	12
$\bar{x} = 19,6$	$\sum (x_i - \bar{x})^2 = 147,00$				

$\chi^2 = 7,5$; ВБЗ $\approx 15\%$. Текст однороден.

2. Общенаучный текст

($\delta_r = 21\%$ при 95% надежности).

№ выборки	1	2	
x_i	51	40	
$\bar{x} = 46,5$	$\sum (x_i - \bar{x})^2 = 60,5$		

$\chi^2 = 1,3$; ВБЗ $\approx 25\%$. Текст не однороден.

3. Научно-популярный текст

(= 14,5 при 90% надежности: $x = 69,6$ 10,1 /59,5 - 79.7/).

№ выборки	1	2	3	4	5
x	54	65	75	82	72
$x = 69,6$	$(x - x)^2 = 453,28$				

$$x^2 = 6,51;$$

ВБЗ 17%.

Текст однороден.

4. Художественный текст

(= 10% при 80% надежности: $x = 105$ 10,5 /94,5 - 115,5/).

№ выборки	1	2	3	4	5
x	122	80	107	122	105
$x = 105,2$	$(x - x)^2 = 946,7$				

$$x^2 = 9\%;$$

ВБЗ 7%.

Текст однороден.

Таким образом, распределение антецедентов в научном и художественном тексте также подчиняется единому для каждого стиля статистическому закону. Для выделения этих законов вполне достаточно тех стилей, которые были выделены в предыдущем разделе.

Приведенный фактический материал показывает, что количество антецедентов для каждого стиля является различным, причем это различие того же типа, что и различие местоимений (то есть больше всего антецедентов в художественном стиле, меньше всего - в конкретно-научном и т.д.).

Перейдем к четвертому признаку, то есть проверим источники на однородность по распределению ложных антецедентов относительно местоимений.

1. Конкретно-научный текст

Длина каждой выборки 30 неантецедентов² (x - выборочная частота ложных антецедентов; = 20% при 80% надежности: $x = 9,6$ 1,9 /7,7 - 11,5/).

№ выборки	1	2	3	4	5
x	7	10	10	9	12
$x = 9,6$	$(x - x)^2 = 13,20$				

$$x^2 = 1,38;$$

ВБЗ 80%.

Текст однороден.

² Неантецедент - общее название для местоимений и ложного антецедента.

Длина каждой выборки ≈ 110 неантецедентов (x_i - выборочная частота ложных антецедентов).

№ выборки	I	2
x_i	30	84
$\bar{x} = 57$	$\sum (x_i - \bar{x})^2 = 1458$	

$\chi^2 = 25,6$; ВБЗ меньше 5%. Текст не однороден.

Возможно, неоднородность возникает потому, что в общенаучном тексте встречается очень много цитат. Исключим их из рассмотрения и полученный текст вновь проверим на однородность.

Возьмем выборки длиной $\approx$ по 30 неантецедентов (x_i - выборочная частота ложных антецедентов; $\delta = 23\%$ при надежности 60%: $x_0 = 8 \pm 1,8 / 6,2 - 9,8/$).

№ выборки	I	2	3
x_i	11	5	8
$\bar{x} = 8$	$\sum (x_i - \bar{x})^2 = 18$		

$\chi^2 = 2,25$; ВБЗ $\approx 25\%-30\%$. Текст однородный. Как видим, наша гипотеза подтвердилась.

3. Научно-популярный текст

Длина каждой выборки ≈ 30 неантецедентов (x_i - выборочная частота ложных антецедентов; $\delta = 13\%$ при 90% надежности: $\bar{x}_0 = 9,2 \pm 1,2 / 8 - 10,4/$).

№ выборки	I	2	3	4	5	6	7	8	9
x_i	6	7	11	16	11	11	7	9	12
№ выборки	10	11	12	13	14	15	16	17	18
x_i	10	6	4	7	8	10	12	8	10
$\bar{x} = 9,2$	$\sum (x_i - \bar{x})^2 = 138,52$								

$U = 29\%$. $U < 40\%$, поэтому текст однороден.

4. Художественный текст

Длина каждой выборки 90 ± 14 неантецедентов³ (x_i - выборочная частота ложных антецедентов; $\delta = 4\%$ при 90% надежности; $\bar{x} = 71,8 \pm 2,9 / 68,9 - 74,7/$).

№ выборки	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
x_i	70	60	70	70	53	51	73	80	76	90	85
№ выборки	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
x_i	90	39	69	62	60	87	99	96	100	83	73
№ выборки	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33
x_i	77	99	76	99	93	91	97	99	92	87	94
№ выборки	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44
x_i	88	93	91	91	89	78	101	93	91	89	87
№ выборки	45	46	47	48	49	50	51	52	53	54	55
x_i	93	81	65	62	64	68	77	81	73	63	69
№ выборки	56	57	58	59	60	61	62	63	64	65	66
x_i	89	79	50	56	71	57	62	73	59	72	55
$\bar{x} = 71,8$	$\sum (x_i - \bar{x})^2 = 10\ 874,06$										

$U = 17,9\%$; $U < 40\%$, то есть текст однороден.

Таким образом, распределение ложных антецедентов относительно местоимений в научном и художественном тексте подчиняется единому для каждого стиля статистическому закону. Для выявления этих законов подходят не все стили, выделенные нами, когда изучалось распределение в тексте местоимений и антецедентов: вместо общенаучного нужно выделять более узкий стиль, которым пишутся общие научные рассуждения, за исключением цитат (назовем его оригинальным общенаучным).

³ Получить точно число 90 часто бывает невозможно, так как при одном местоимении сплошь и рядом бывает по несколько десятков ложных антецедентов.

Итак, для разных элементов языка, связанных с местоимением ОН, стилевое деление должно быть различно. А именно:

а) по распределению местоимений, antecedентов и истинных antecedентов относительно местоимений нужно выделить конкретно-научный, общенаучный, научно-популярный и художественный стили;

б) по распределению ложных antecedентов относительно местоимений - конкретно-научный, оригинальный общенаучный, научно-популярный и художественный стили.

Мы выделили пять различных стилей. В каждом из них (относительно распределения интересующих нас элементов) действует единый статистический закон; следовательно, дальнейшее подразделение стилей не имеет смысла, и с этой точки зрения полученные стили являются минимальными.

Но, может быть, несколько минимальных стилей мы в состоянии объединить в более крупное образование? Это было бы возможно, если бы один и тот же закон был общим сразу для нескольких стилей. С этой целью сравним разные минимальные стили.

§ 3. Сравнение минимальных стилей

Для сравнения двух стилей (в качестве основного) используем критерий Стьюдента:
$$t = \frac{\bar{x}_1 - \bar{x}_2}{S_{1,2}} \sqrt{\frac{K_1 \cdot K_2}{K_1 + K_2}}$$

где $\bar{x}_1$ - средняя выборочная частота для первого источника (стиль 1), $\bar{x}_2$ - средняя выборочная частота для второго источника (стиль 2), K_1 и K_2 - количество выборок, взятых из первого и второго источника, $S_{1,2}$ вычисляется по формуле:

$$S_{1,2} = \sqrt{\frac{\sum (x_{1i} - \bar{x}_1)^2 + \sum (x_{2i} - \bar{x}_2)^2}{K_1 + K_2 - 2}}$$

где x_{1i} и x_{2i} - выборочные частоты в первом и втором источнике. По найденной величине t (аналогично хи-квадрат критерию) определяем по специальной таблице (5) вероятность большего значения (ВБЗ). Если $5\% < \text{ВБЗ} < 95\%$, оба сравниваемых текста являются статистически однородными, они подчиняются одному и тому же закону соотношения частот; если $\text{ВБЗ} \leq 5\%$, такой однородности нет.

Иногда бывает удобнее применить квадратичное отклонение разности двух средних частот: $\varepsilon_{1,2} = \sqrt{\frac{\sigma_1^2}{N_1} + \frac{\sigma_2^2}{N_2}}$

В этой формуле σ_1^2 и σ_2^2 — дисперсии двух серий выборок (σ_1^2 из первого, σ_2^2 из второго источника); дисперсия вычисляется по формуле:

$$\sigma^2 = \frac{\sum (x_i - \bar{x})^2}{N}$$

Если получим величину $\varepsilon_{1,2}$ такую, что $3\varepsilon_{1,2} \leq \bar{x}_1 - \bar{x}_2$ это будет значить, что в сравниваемых источниках действуют разные статистические закономерности, если же $3\varepsilon_{1,2} > \bar{x}_1 - \bar{x}_2$ — для обоих источников характерна одна и та же закономерность.

Сравним минимальные стили по распределению в тексте местоимений. По величине $\bar{x}$ можно ранжировать стили следующим образом (напомним, длина выборки 5000 словоформ):

конкретно-научный (К/Н):	$\bar{x} = 21,8$
общенаучный (О/Н):	$\bar{x} = 56,5$
научно-популярный (Н/П):	$\bar{x} = 72,8$
художественный (Х):	$\bar{x} = 210,6$

Конкретно-научный и общенаучный стили явно разнородны (см. § 2 наст. раб.).

1. Сравнение научно-популярного и общенаучного стиля. Вначале используем критерий Стьюдента. $t = 2,15$; ВБЗ $\approx 8\%$. В принципе источники сопоставимы, но величина ВБЗ лишь незначительно превышает 5%, поэтому вызывает недоверие. Проверка по второй формуле дает противоположный результат: $\varepsilon_{1,2} = 5,39$. $3\varepsilon_{1,2} = 16,17$; $\bar{x}_1 - \bar{x}_2 = 16,3$. Отсюда $16,17 < 16,3$, то есть источники не сопоставимы. Таким образом, возможность объединения общенаучного и научно-популярного стиля остается под вопросом.

2. Сравнение научно-популярного и конкретно-научного стиля. Используем критерий Стьюдента. $t = 9,65$; ВБЗ значительно меньше 5% — тексты не сопоставимы.

3. Сравнение художественного и научно-популярного стиля. $t = 19,3$, ВБЗ много меньше 5% — тексты не сопоставимы.

Если художественный стиль не сопоставим с научно-популярным, то, очевидно, что он тем более не сопоставим с общенаучным конкретно-научным, так как у последних $\bar{x}$ еще меньше, чем у научно-популярного. Поэтому остальные сравнения проводить не имеет смысла.

Сравнивая минимальные стили по распределению в тексте антецедентов, приходим к тому же результату - все стили оказываются не сопоставимы⁴.

Теперь сравним минимальные стили по распределению в тексте стинных антецедентов относительно местоимений. В данном случае мы не располагаем значениями x_i и $(x_i - \bar{x})^2$. Их нужно еще получить.

конкретно-научный стиль

Общенаучный стиль

Длина выборки ≈ 65 членов анафорической связи; x_i - выборочная частота антецедентов.

$n = 85$ при надежности 95%:

$\delta = 15\%$ при надежности

$= 31 \pm 2,5$ (28,5 - 33,5/).

80%: $x = 29 \pm 4,4$ /24,6 - 33,4/)

выборки	1	2	3
x_i	32	30	31
$n = 31$	$\sum (x_i - \bar{x})^2 = 2$		

выборки	1	2	3
x_i	33	29	25
$\bar{x} = 29$	$\sum (x_i - \bar{x})^2 = 32$		

научно-популярный стиль (длина выборки ≈ 65 членов анафорической связи; x_i - выборочная частота антецедентов; $\delta = 3\%$ при надежности 95%: $\bar{x}_0 = 31,3 \pm 0,9$ /30,4 - 32,2/).

выборки	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
x_i	29	31	31	32	30	33	31	33	31	32
$n = 31,3$	$\sum (x_i - \bar{x})^2 = 14,10$									

По величине $\bar{x}$ стили ранжируются следующим образом: К/Н - 19,6; О/Н - 46,5; Н/П - 69,6; Х - 105,2.

- 1) Сравнение К/Н и О/Н. $t = 4,76$. ВБЗ < 5%, тексты не сопоставимы.
- 2) Сравнение О/Н и Н/П. $t = 4,27$. ВБЗ < 5%, тексты не сопоставимы.
- 3) Сравнение Н/П и Х. $t = 4,27$. ВБЗ < 5%, тексты не сопоставимы.

Очевидно, что приведенных сравнений вполне достаточно.

Художественный стиль (длина выборки ≈ 65 членов анафорической связи; x_i - выборочная частота antecedентов; $\delta = 9\%$ при 95% надежности; $\bar{x}_0 = 20,4 \pm 1,8 / 18,6 - 22,2/$).

№ выборки	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
x_i	22	23	32	31	16	23	22	7	15	22	22	19	17
№ выборки	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	
x_i	16	23	23	18	25	16	26	19	25	22	22	19	
$\bar{x} = 20,4$	$\sum (x_i - \bar{x})^2 = 494,1$												

Ранжируем полученные $\bar{x}$: X - 20,4; О/Н - 29; К/Н - 31; Н/П - 31,3.

1) Сравнение конкретно-научного и общенаучного стилей.

$t = 0,086$; ВБЗ намного больше 50%, тексты явно сопоставимы.

2) Сравнение конкретно-научного и научно популярного стиля.

$t = 0,38$. ВБЗ > 50%, тексты несомненно сопоставимы.

3) Сравнение общенаучного и научно-популярного стиля.

$t = 1,70$. ВБЗ $\approx 10\%$, тексты сопоставимы.

4) Сравнение научно-популярного и художественного стиля.

$t = 16,65$. ВБЗ < 5%, тексты не сопоставимы⁵.

Итак, по распределению в тексте истинных antecedентов относительно местоимений конкретно-научный, общенаучный и научно-популярный стили объединяются в единый "научный" стиль, который противопоставлен художественному.

Количество местоимений при одном antecedенте в "научных" стилях примерно одинаково и значительно меньше, чем в художественном.

⁵ Так как $\bar{x}$ для О/Н, К/Н и Н/П близки друг другу, видимо, достаточно одного сравнения Н/П и X, чтобы утверждать, что X не сопоставим также с О/Н и К/Н.

В заключение сравним минимальные стили по распределению в тексте ложных antecedентов относительно местоимений. Ранжируем $\bar{X}$: (о) О/Н⁶ - 8; Н/П - 9,2; К/Н - 9,6; Х - 71,8.

1. Сравнение конкретно-научного и оригинального общенаучного стиля. $\bar{L} = 1,02$; ВБЗ $\approx 85\%$, тексты сопоставимы.

2. Сравнение конкретно-научного и научно-популярного стиля. В этом случае удобнее вычислить $\bar{E}_{1,2}$. $\bar{E}_{1,2} = 0,98$; $3\bar{E}_{1,2} = 2,94$; $\bar{X}_1 - \bar{X}_2 = 0,4$. Так как $2,94 > 0,4$, тексты сопоставимы.

3. Сравнение оригинального общенаучного и научно-популярного стиля. $\bar{E}_{1,2} = 1,56$; $3\bar{E}_{1,2} = 4,68$; $\bar{X}_1 - \bar{X}_2 = 1,2$. Так как $4,68 > 1,2$, тексты сопоставимы.

4. Сравнение художественного и научно-популярного стиля⁷. $\bar{E}_{1,2} = 1,72$; $3\bar{E}_{1,2} = 5,16$; $\bar{X}_1 - \bar{X}_2 = 18,3$. Так как $5,16 < 18,3$, тексты не сопоставимы.

Итак, по распределению в тексте ложных antecedентов относительно местоимений конкретно-научный, оригинальный общенаучный и научно-популярный стили объединяются в единый "научный" стиль, который противопоставлен художественному.

Количество ложных antecedентов при одном местоимении в "научных" стилях примерно одинаково и значительно меньше, чем в художественном.

Суммируя сказанное, покажем в наглядной формуле, каким образом происходит объединение минимальных стилей (сплошная рамочка - знак объединения стилей; штриховая - возможное объединение стилей):

⁶ (о) О/Н - оригинальный общенаучный стиль.

⁷ $\bar{X}$ для (о) О/Н, К/Н и Н/П близки по значению. Поэтому, по всей вероятности, достаточно одного только сравнения Н/П и Х, чтобы утверждать, что Х не сопоставим также с (о) О/Н и К/Н.

1) распределение местоимений	К/Н	<u>О/Н</u>	<u>Н/П</u>	X
2) распределение антецедентов	К/Н	О/Н	Н/П	X
3) распределение истинных антецедентов относительно местоимений	<u>К/Н</u>	<u>О/Н</u>	<u>Н/П</u>	X
4) распределение ложных антецедентов относительно местоимений	<u>К/Н</u>	<u>(о)О/Н</u>	<u>Н/П</u>	X

Поскольку каждый исходный стиль проверялся по одному источнику и на базе таких же источников выделялись промежуточные стили, постольку мы не должны ожидать, что наши выводы подтвердятся и на других источниках. Об этом косвенно свидетельствует обнаруженное нами расхождение между авторским текстом Шаумяна и стилем использованного им цитатного материала. Поэтому свою работу мы рассматриваем как первичный поиск в этом направлении.

Примечания и литература

1. Л. Н. И о р д а н с к а я . Некоторые закономерности употребления местоимения 3 лица в русском языке. В сб. "Питання прикладної лінгвістики. Тези доповідей міжвузівської наукової конференції 22-28 вересня 1960 року", Чернівці, Чернівецький державний університет, 1960; Е ё ж е , Об одной проблеме автоматического синтеза русского текста; употребление личного местоимения 3-го лица в русском языке. "Научно-техническая информация", 1964, № 10; А. Л. Ш у м и л и н а . Вопросы анализа личных местоимений 3-го лица. В сб. "Лингвистические исследования по машинному переводу. Выпуск 2", М., ВИНТИ, 1961; B r o s s J. Identification of antecedents of Russian pronouns В кн. "Papers presented of the Seminar of Mathematical Linguistics", 1961; Е. В. П а д у ч е в а . Выражение тождества упоминаемых объектов как одна из проблем синтеза языкового текста. В сб. "Труды III Всесоюзной конференции по информационно-поисковым системам и автоматической обработке информации в 4-х томах, II том. Семиотические проблемы автоматизированной обработки информации". М., ВИНТИ, 1967; И. П. С е в б о . Изучение структуры связанного текста. В кн. "Лингвистические исследования по общей и славянской типологии". М., Наука, 1966; е г о ж е , Структура связанного текста и автоматизация реферирования. М., Наука, 1969.

2. Целесообразность применения в лингвистике статистических инструментов, которые мы используем в данной статье, рассматривается в книге Б. Н. Г о л о в и н а "Язык и статистика", М., Просвещение.

3. См. Б. Н. Г о л о в и н , указ. раб., стр. 31.

4. Т а м ж е , стр. 53.

5. Т а м ж е , стр. 43.

Л.В. Сахарный

ДЕРИВАЦИОННЫЙ ФАКТОР В ЛЕКСИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ СЛОВА

(К соотношению лексического и словообразовательного уровней)

1. Слово в современной лингвистике рассматривается либо как цельная единица, независимо от составляющих ее компонентов, либо как комплекс так или иначе выделяемых таких компонентов.

В первом случае принято говорить о так называемом "лексическом" значении слова (т.е. о значении лексемы в целом, безотносительно к ее компонентам. Обозначим его L). Такое значение обычно рассматривается в лексикологии.

Во втором случае принято говорить о "деривационном" ("мотивационном", "словообразовательном" и т.п.) значении слова (т.е. о значении лексемы, так или иначе связанном с ее деривационными - в широком смысле слова - компонентами. Обозначим его D). Такое значение обычно рассматривается в словообразовании (шире - в грамматике), т.к. это значение выходит за рамки данного слова и связано с разного рода группировками слов в классы.

Остается, правда, еще проблема так называемой "внутренней формы" слова, его мотивированности и т.п., но эту проблему обычно относят к области этимологии, и если внутренняя форма слова и сопоставляется с собственно лексическим значением его, то не для того, чтобы искать механизмы их взаимодействия, а для того, чтобы подчеркнуть их различие и тем самым вывести проблематику мотивации за рамки синхронной лексикологии.

2. Однако такое рассмотрение L и D — это ко всему прочему еще и одно из осознаний собственно лексического значения слова (а именно — слова как членимого единства).

Введя момент осознания значения, мы переносим рассмотрение проблемы из плана чисто лингвистического в план психолингвистический и можем построить модель более сложную и более адекватную речевой деятельности в целом.

3. Попробуем теперь более строго определить L и D как факторы, из которых складывается комплексное лексическое значение слова.

L — фактор комплексного лексического значения слова, определяемый интегральным единством всех его компонентов и парадигматическими отношениями этого слова к другим словам языка (прежде всего — к словам данного семантического поля).

D — фактор комплексного лексического значения слова, определяемый организацией этих компонентов внутри слова и синтагматическими отношениями этих компонентов к другим словам языка, содержащим хотя бы один такой компонент.

Подчеркнем, что и L и D в свою очередь, достаточно сложны по структуре.

4. В общем виде L и D присутствуют в слове одновременно (по крайней мере потенциально), хотя их соотношение в слове может быть различным для разных слов и колебаться в довольно широких пределах в различные периоды жизни данного слова.

Таким образом, общая "идеальная" потенциальная синхронная модель комплексного значения слова (K) будет выглядеть следующим образом: $K = L \cap D$

Однако в таком соотношении L и D заложено известное внутреннее противоречие, от которого язык стремится избавиться. В наименовании данной реалии K стремится к структурно-семантической непротиворечивости. Отсюда — конкуренция факторов L и D в слове, определяющая динамику развития значения слова.

5. Целесообразно рассмотреть общую эволюцию структуры К, построить общую модель "жизни" производного слова.

В процессе возникновения производного слова в нем потенциально присутствуют и **Л** и **Д**. Однако обязательно актуализируется лишь **Д**. Практически **К** полностью сводится к **Д**, а **Л** равно 0. В этот момент **Л** присутствует в слове лишь потенциально (в диахроническом аспекте - перспективно).

Правда, уже в момент возникновения слова **Л** может довольно существенно отличаться от 0 в сознании говорящего. Однако для социализации этого факта необходимо хотя бы кратковременное употребление данного слова как цельной лексической единицы.

Проявившись, **Л** начинает вести себя довольно "агрессивно" по отношению в **Д**, т.к. **Л** - более сильный фактор (он подкрепляется реальией, и связь между ними становится обязательной), а **Д** - в значительной мере произволен, случаен. Поэтому при функционировании слова в речевой деятельности фактор **Л** постепенно вытесняет фактор **Д**. В конце концов **К** практически полностью сводится к **Л**, а **Д** становится равным 0. В этот момент слово полностью перестает быть производным, состоящим из компонентов. Происходит деэтимологизация, опрощение слова. Актуальным в слове остается лишь **Л**, а **Д** присутствует теперь в слове потенциально (в диахроническом аспекте - ретроспективно/).

Следовательно, можно говорить о том, что изменяющиеся различия между реальными **Л** и **Д** в слове, возникающие после появления слова и исчезающие с его опрощением, связаны со сменой актуализации в соотношении этих факторов, всегда потенциально присущих слову (Ср. работы Е.Л. Гинзбурга).

6. Итак, в динамике развития слова соотношение **Л** и **Д** не остаются постоянными, и при синхронном исследовании языка мы всегда сталкиваемся со словами, находящимися на самых различных стадиях такого изменения.

Современная лингвистика разработала тонкий аппарат для исследования морфемной структуры слова (ср., например, "принцип квадрата" Д. Гринберга), однако применение этого аппарата помогает выявить наличие **Д**, но ничего не говорит об **Л**. С

другой стороны, изучение слова в современной лексикологии, как уже говорилось, касается только Л и не затрагивает Д.

Вопросами же соотношения Л и Д занимается, по существу, только этимология и учение об исторических изменениях в структуре слова (в особенности об опрошении). Однако эти разделы науки о слове охватывают лишь очень небольшую часть словарного состава языка (по-видимому, лишь несколько сотен слов).

Соотношение же Л и Д в основной массе слов (которые находятся на тех этапах эволюции К, когда Л уже появилось, а Д еще не исчезло) фактически остается вне поля зрения исследователей. Методика исследования структуры К, включающего оба фактора, и соотношения этих факторов в самом К не разработана. Такое соотношение может быть обнаружено и исследовано, кажется, только с помощью психолингвистических экспериментов.

7. Для изучения соотношения Л и Д в слове естественно обратиться к принципам ассоциативного эксперимента, т.к. в ассоциациях тонкости значения слова отражаются довольно четко. При этом для большей эффективности эксперимента методику его необходимо несколько модифицировать.

Во-первых, ассоциацию целесообразно сделать более "направленной", сузить границы, в рамках которых испытуемый может осуществить свой выбор. Поэтому испытуемый получает слово-стимул (например, чайник) и задание написать три слова с тем же суффиксом.

Во-вторых, в итоге эксперимента наиболее показательным будет не столько абсолютная характеристика ассоциаций на данный стимул, сколько относительная характеристика релевантных различий в ассоциациях на разные стимулы, составляющие однако определенную группу слов (например, группу слов с одним и тем же суффиксом).

8. Для доказательства принципиальной справедливости наших рассуждений было бы идеально подобрать группу слов с максимально однотипными Д и максимально разнотипными Л. В этом отношении показательна группа слов дневник, вечерник, ночник, утренник, которые образуют однотипную и замкнутую группу по Д и совершенно разнотипны по Л (тетрадь, студент, светильник, праздник).

Исходная гипотеза: чем активнее в слове Л, тем меньше в ассоциациях будут встречаться другие слова данной группы (связанные по Д).

Очевидно, что дневник, утренник - очень актуальные для школьников слова, максимально связанные с денотатом. Поэтому осознание значения слова идет, прежде всего, по фактору Л. Вечерник - слово пассивного запаса, плохо связанное с денотатом. Поэтому осознание значения слова, прежде всего, по фактору Д. Отсюда - минимальное количество ассоциаций по Д в первом случае и максимальное - во втором.

Приведем результаты эксперимента (5-7 классы школ г.Перми).

реакции (в т.ч. первые)	стимулы	<u>ночник</u> (67 чел)	<u>утренник</u> (77 чел)	<u>дневник</u> (69 чел)	<u>вечерник</u> (67 чел)
Всего реакций		199(67)	228(77)	212(69)	197(67)
В том числе:					
<u>ночник</u>		-	-	-	7(3)
<u>утренник</u>		2(0)	-	-	32(13)
<u>дневник</u>		19(8)	3(2)	-	17(9)
<u>вечерник</u>		-	-	4(1)	-
Всего таких реакций		21(8)	3(2)	4(1)	56(25)
в %		10%(12%)	1%(3%)	2%(1%)	28%(35%)

Другие наиболее частые реакции:

ночник-печник 27(14), дачник 23(8), ученик 20(4), школьник 9(3);

утренник-праздник 34(20), сапожник 14(3), колхозник 9(9);

дневник-ученик 44(16), школьник 26(13), лесник 25(15),

учебник 12;

вечерник-вареник 7(7), печник 7(0), ученик 6(2), субботник 4(4).

9. Показав принципиальную возможность исследования соотношения Л и Д, попытаемся поставить задачу еще более широко:

можно ли измерять это соотношение, что в нем следует измерять и как это сделать.

С помощью имеющихся формальных методик можно достаточно точно выделить такие реакции, которые характеризуют фактор D и позволяют предположить осознание испытуемыми этого фактора.

Естественно, что малое число таких реакций (несмотря на неизбежный разброс и влияние побочных факторов) четко сигнализирует об уменьшении удельного веса D в K , а, следовательно, о росте "лексикализации" данного слова-стимула.

Тогда появляется возможность измерить степень лексикализации для каждого слова с помощью "коэффициента лексикализации" (K_L).

$$K_L = \frac{R_S - R_D}{R_S}$$

где R_S - число всех реакций на данное слово-стимул,

R_D - число всех реакций на данное слово-стимул, характеризующих фактор D

$$0 \leq R_D \leq R_S$$

Ю. При таком подходе можно по-новому поставить проблемы, связанные с ролью слова как базы для складывания словообразовательного типа (модели), т.е. проблемы, связанные с генерализацией D и возникновением словообразовательной абстракции.

Так, например, "угасание" D в данном слове прямо сказывается на способности этого слова выступать "представителем" данного словообразовательного типа. Базой для словообразовательного типа могут служить, прежде всего, слова с достаточно малым K_L . С помощью K_L можно очертить круг слов, более вероятных в качестве такой базы (скорее вечерник, чем дневник).

Далее. Структурная "прозрачность" группы слов, составляющих словообразовательный тип, сказывается и на "прозрачности" этого типа. Чем более слов с малым K_L объединяет данный словообразовательный тип, тем он более четок и прозрачен (например, тип слов баранина, свинина и т.п.). И, наоборот, чем больше в таком типе слов с большим K_L , тем он более размыт и семантически нечеток (например, тип слов пепелище, пожарище и т.п.).

Применяя "коэффициент лексикализации", можно отметить и ряд других закономерностей в соотношении слова и словообразовательного типа.

Л.М. Жданович

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ПРИЧИННЫМИ СОЮЗАМИ

В этой работе будут рассмотрены причинные предложения, выделяемые как особый разряд двучленных сложноподчиненных предложений. Одночленные, то есть такие, в которых союз расчленен (указательный его элемент 'потому', 'оттого' и т.п. входит в главную часть, а собственно союзный компонент 'что' - в придаточную) /см. (3), (4)/ мы не рассматриваем.

Причинные предложения выделяются как особый разряд на двух основаниях: семантическом и формальном. Семантическим основанием является значение придаточной части, которая в составе целого выражает причину или обоснование того, о чем сообщается в главной части. Но лингвистическое содержание термина "причина" остается неразъясненным. Поэтому понятие "причинных предложений" задается формально: перечислением тех союзов, появление которых в придаточной части сигнализирует о том, что она имеет значение причины или обоснования.

В специальных исследованиях, посвященных анализу предложений этого типа, встречаются указания на 19 причинных союзов, из которых актуальными (кодифицированными, не архаичными) в настоящее время являются 12: "потому что", "так как", "ибо", "поскольку", "оттого что", "вследствие того что", "благодаря тому что", "тем более что", "благо", "в связи с тем что", "в силу того что", "ввиду того что". Союз "из-за того что" встречается только в расчлененном виде, а такие предложения мы относим к одночленным и не рассматриваем.

Причинные союзы являются основным конституирующим признаком причинных предложений. Но однородно ли синтаксически и семантически само это множество союзов? Что общего между ними и чем они отличаются друг от друга? Поскольку их много, можно предположить, что эти союзы составляют систему и между ними существует разделение функций.

Исследуя отношения между союзами этой группы, мы применили методику трансформационного анализа, то есть попробовали заменить один союз другими во фразах, заранее выбранных из художественных и частично публицистических текстов. Объем выборки - 239 фраз.

Этот метод, с точки зрения наших задач, удобен тем, что он позволяет экспериментировать с лингвистическим материалом и получать содержательные выводы из ограниченного числа фактов. Работая этим методом, исследователь получает много так называемого "отрицательного" материала, представляющего большой интерес. Наблюдая за тем, какие элементы структуры фразы вступают здесь в действие и препятствуют функционированию в ней нового союза, можно уточнить структурные и семантические особенности этого типа предложений и союзов.

Исходя из понимания трансформации как элементарной операции над компонентами фразы, мы будем называть субституцией одну из простейших операций трансформационного анализа, основную в нашем исследовании: замену одного причинного союза другим причинным союзом:

$K_i \rightarrow K_j$, где K_i и K_j - элементы из множества K - причинные союзы русского языка.

Под термином "исходная фраза" понимается конкретное предложение, встреченное в тексте. "Трансформом" будем называть фразу, которая получается из исходной с помощью трансформации.

Обращение к приему субституции исключительно важно именно потому, что этот метод позволяет освободиться от лексических различий, затемняющих отношения союзов в условиях работы со свободной выборкой. Естественные фразы языка всегда наполнены по-разному, и трудно бывает определить, откуда идут их смысловые и другие различия.

Подставляя в исходную фразу с придаточным причины на место исходного другой причинный союз, мы смотрим, имеет ли смысл полученная фраза, является ли она отмеченной фразой русского языка (о понятии "отмеченной фразы" см. /2/, /5/), если нет, то стараемся выяснить, что делает ее неотмеченной.

Вопрос о критерии правильности возникает сразу же при обращении к экспериментам, и он всегда каким-либо образом решается /2, 5, 7, 8/. Однако общепринятого формального определения понятие правильной (отмеченной) фразы не имеет. В нашей работе мы считаем неотмеченными фразами такие, относительно которых мы не можем построить ситуации, которые соответствовали бы их содержанию.

Для каждого правильного (отмеченного) трансформации можно фиксировать одно из трех следующих отношений к исходной фразе;

- 1) тождество (= мы не видим никакой разницы по смыслу между трансформом и исходной фразой. К этому же случаю относим и такие, когда некоторое различие между трансформом и исходной фразой интуитивно ощущается, но не поддается рефлексии и на данном этапе работы не может быть описано в лингвистических терминах);
- 2) синонимия. О ней мы будем говорить в случаях, когда видим между трансформом и исходной фразой минимальное семантическое различие, которое можно интерпретировать как семантический или стилистический оттенок, но которым мы можем пренебречь в процессе общения;
- 3) различие. (Трансформ и исходная фраза не являются синонимичными. Трансформ имеет смысл, которого не было в исходной фразе, и разницей между смыслами исходной фразы и трансформации уже нельзя пренебречь в процессе общения).

Для установления степени равнозначности союзов необходим их анализ на взаимозаменяемость. О полной эквивалентности их можно говорить лишь тогда, когда на место одного из них подставляется другой во всех окружениях и наоборот — на место другого всегда подставляется первый. Но для того, чтобы такой анализ

дал достоверный результат, нужно располагать достаточным количеством исходных фраз с каждым из названных причинных союзов. Однако многие из этих союзов являются мало распространенными. В нашей выборке 7 наиболее распространенных причинных союзов представлены таким количеством примеров: "потому что" - 137, "ибо" - 35, "так как" - 30, "поскольку" - 12, "благо" - 10, "оттого что" - 8, "тем более что" - 7. Остальные 5 союзов представлены единичными примерами.

Методом взаимозамен анализировались 7 наиболее распространенных союзов во фразах с постпозицией придаточной части. Результаты анализа можно обобщить такой таблицей:

Анализируемый союз	Исходные союзы						
	потому что	ибо	так как	поскольку	оттого что	тем более что	благо
потому что		т	т	т	с	р	ср-
ибо	тс		т	т	с-	р	с-
так как	т-	т		т	с-	р	с-
поскольку	т-	т	т		с-	р	с-
оттого что	с-	с-	с-	с-		р	р-
тем более что	р-	р-	р-	р-	р-		с
благо	ср-	с-	ср-	ср-	р-	ср-	

т означает возможность правильного трансформы, тождественного исходной фразе.

с означает возможность правильного трансформы, синонимичного исходной фразе.

р означает возможность правильного трансформы, отношение которого к исходной фразе квалифицировано как "различие".

- означает возможность неправильного трансформы.

Очевидно, что тождество двух фраз, отличающихся формально только союзами, предполагает равнозначность союзов. Синонимия предполагает близость значений союзов при наличии у них диффе-

ренциальных признаков, являющихся нейтрализуемыми или не вызывающих больших сдвигов в смысле фразы. Различие фраз указывает на существование у союзов дифференциальных признаков, которые вызывают существенное изменение смысла фразы, не являются нейтрализуемыми. Неотмеченность трансформов предполагает наличие у союзов дифференциальных признаков, которые совместимы не со всеми контекстами.

Четыре основных причинных союза, "потому что", "ибо", "так как", "поскольку", выражающих причинное значение в его наиболее общем недифференцированном виде, которые можно условно назвать "союзами общей причины", в большинстве случаев взаимозаменяемы, например:

Кум от кума жил в те времена верст за двести, **п о т о м у** ч т о (→ ибо, → так как, → поскольку) сосед соседа в кумовья не брал. (А.Платонов).

Я пригласил своего спутника выпить вместе стакан чаю, **и б о** (→ потому что, → так как, → поскольку) со мной был чугунный чайник. (М.Лермонтов).

Сахар Васильевич с полудня отказал Филату в работе, **т а к** **к а к** (→ потому что, → ибо, → поскольку) пришли две кумы, которые одни смогут управиться в хозяйстве. (А.Платонов).

Думаю, регламент устанавливать не стоит, **п о с к о л ь к у** (→ потому что, → ибо, → так как) дело слишком серьезно. (Ю.Бондарев).

Но имеется около 3 проц. неотмеченных трансформов, при сравнении которых с исходными фразами обнаруживаются тонкие различия между основными причинными союзами. Это, например, такие трансформы:

Но всю твою жизнь я буду ждать твоей смерти и губить тебя, **п о т о м у** ч т о (→ ибо, → так как) ты меня не боишься. (А.Платонов).

И я хочу жить, **п о т о м у** ч т о (→ ибо, → так как) я умираю. (А.Платонов).

В жизни мы умеем правильно слушать, **п о т о м у** ч т о (→ ибо) это нам интересно или нужно. (Станиславский).

Союз "потому что" оказывается наиболее гибким: подставляя его, мы не получили неотмеченных трансформов.

При подстановке союза "ибо" в фразы с исходным союзом "потому что" оказывается возможным наблюдать некоторый специфический смысл (б₁), отличающий его от союза "потому что". Мы видим этот особый смысл в том, что союз "ибо" придает причинной связи характер обязательности и категоричности (= "в соответствии с твердым ожиданием"). Сообщаемое в придаточной представляется этим союзом как факт, находящийся в прочной причинной связи с тем, что сообщается в главной части. Но не все фразы поддаются такой интерпретации.

Исходная первая фраза имеет такой смысл: "Я буду губить тебя именно потому, что ты меня не боишься" (= если бы ты меня боялся, я бы тебя не губила). Она синонимична предложению с условной связью между частями: "Я буду губить тебя, раз ты меня не боишься".

Такая же в принципе ситуация и во второй фразе: "Я хочу жить именно потому, что я умираю" (= я хочу жить, потому что это невозможно; я хочу жить, раз я умираю).

Союз "ибо" не соответствует такому контексту, а по-другому фразы эти не могут быть осмыслены.

Наиболее интересные результаты дает анализ так называемых союзов "необщей причины": "оттого что", "тем более что", "благодаря". Эти союзы не только указывают на наличие причинной связи между сообщаемым в главной и придаточной частях сложного предложения, но и конкретизируют, уточняют это отношение, характеризую его с разных точек зрения. Специфические оттенки ограничивают сочетаемость этих союзов со знаменательными сегментами фраз.

"Оттого что" - союз непосредственно обуславливающей причины. При подстановке этого союза в исходные фразы с союзами общей причины замечается усложнение семантики фразы: то, что послужило причиной, начинает восприниматься как непосредственный источник действия. Отмеченные трансформы с этим союзом мы считаем синонимичными исходным фразам, например:

Здесь рожь росла низкая, п о т о м у ч т о (→ оттого что) земля была худая. (А.Платонов).

Но огонь не мог разгореться, п о т о м у ч т о (→ оттого что) его заливал дождь. (А.Платонов).

А негоцианты спешат, и б о (→ оттого что) Танаид (Дон) может усохнуть и тогда не поднимет грузные корабли. (А.Платонов).

Однако осмысление причины как источника действия не всегда дается. Возможны неотмеченные трансформы:

В Баку много стоячих машин по нефтяному делу, которые должны двинуться, т а к к а к (→ оттого что) в России есть дизеля, а на море машины. (А.Платонов).

Фильченко велел Одинцову лечь отдохнуть, п о т о м у ч т о (→ оттого что) невыспавшийся боец — это не работник на войне. (А.Платонов).

Я пригласил своего спутника выпить вместе стакан чаю, и б о (→ оттого что) со мной был чугунный чайник. (М.Лермонтов).

При подстановке этого союза связь между сообщаемым в главной и придаточной частях предложения предстает как более непосредственная, а контекст исходной фразы исключает, как нам кажется, возможность такой связи. Так, в первой фразе: машины не оттого двинутся, что "есть дизеля", а оттого, что эти дизеля за-работают.

Союз "тем более что", в противоположность "оттого что", подчеркивает отсутствие непосредственной обуславливающей связи между сообщаемым в главной и придаточной частях, указывает на дополнительный характер данной причины по отношению к другой причине, которая остается незазванной. Поэтому мы считаем отмеченными трансформы лишь тех фраз, где содержание придаточных частей может быть переосмыслено как не основная причина (побочная, дополнительная), хотя и существенная. Отношение таких трансформов к исходным фразам квалифицируем как различие, например:

Атах-баба обрадовался этой чужеродной жизни, п о т о м у ч т о (→ тем более что) девочка останется у него рабыней. (А.Платонов).

Кидать шлак наверх оказалось нудно и несподручно, п о т о м у ч т о (→ тем более что) яма была узкая и жаркая. (А.Платонов).

Строительное управление предусматривалось Бертраном в городе Елифани. и б о (→ тем более что) в том городе сходилась середина будущих работ. (А.Платонов).

Но во многих случаях сообщаемое в придаточном предложении с необходимостью вызывает то, о чем сообщается в главном предложении, и не может быть осмыслено как дополнительный довод. Подстановка в такие фразы союза "тем более что" влечет за собой образование неотмеченных трансформов:

Но всего рассказать он не успел, п о т о м у ч т о (→ тем более что) умолк и умер. (А.Платонов).

На самом же деле махисты - субъективисты и агностики, и б о (→ тем более что) они недостаточно доверяют показаниям наших органов чувств. (В.Ленин).

При обратных трансформациях, подстановке во фразы с исходным "тем более что" союзов общей причины, наблюдается противоположная картина: причина, представленная как дополнительная, вводится этими союзами в качестве основной, например:

Письмо меня чрезвычайно заинтересовало, т е м б о л е е ч т о (→ потому что, → так как, → ибо, → поскольку) никаких писем я вообще тогда не получал. (М.Булгаков).

Самое чуткое звериное ухо не поймает шороха, т е м б о л е е ч т о (→ потому что, → так как, → ибо, → поскольку) дождь шуршит, успокаивает, располагает к дреме. (Далецкий).

Тяжело было слушать, т е м б о л е е ч т о (→ потому что, → так как, → ибо, → поскольку) не верить очевидцам было невозможно. (Прим. из /3/).

Интересно то, что все трансформы этого типа являются отмеченными.

Союз "благо" характеризуется двумя связанными в нем специфическими смыслами: он указывает, во-первых, на благоприятный характер причины, а, во-вторых, на то, что она дополнительная. Отношения трансформов к исходным фразам здесь самые разнообразные. Это может быть синонимия:

В Баку Пухова приняли хорошо, п о т о м у ч т о (→благо) Пухов встретился с матросом Шариковым. (А.Платонов).

Я пригласил своего спутника выпить вместе стакан чаю, и б о (→ благо) со мной был чугунный чайник.

Сейчас пикировщики бьют по пустому месту, т а к к а к (→ благо) "катуши" уже давно переменили позиции. (Первенцев).

Это может быть различие, если трансформ имеет смысл, которого не было в исходной фразе:

Но всего рассказать он не успел, п о т о м у ч т о (→ благо) умолк и умер. (А.Платонов).

Захар Васильевич с полудня отказал Филату в работе, т а к а к (→ благо) пришли две кумы, которые одни смогут управиться в хозяйстве.

В некоторых случаях не удается переосмысление причины, непринимаемой в исходной фразе в качестве неблагоприятной, или же она не может быть оценена с этой точки зрения ("благо" это или "неблаго"). Трансформы таких фрах считаем неотмеченными, например:

Со всех сторон наехала конница, п о т о м у ч т о (→ благо) нас посадили в западню. (М.Булгаков).

А Никита молча стоял перед нею, п о т о м у ч т о (→ благо) не хотел казаться сильным, будучи беспомощным. (А.Платонов).

Специфические значения союзов "оттого что" и "тем более что" оказываются противоположными: "непосредственная" причина и "побочная, дополнительная, не основная" причина. Тем более интересен анализ результатов их взаимозамен.

При трансформации "тем более что" → "оттого что" все трансформы оказались отмеченными, но не синонимичными исходным фразам, например:

Уволили Пухова охотно и быстро, т е м б о л е е ч т о (→ оттого что) он для рабочих смутный человек. (А.Платонов).

Завершение работ откладывается, т е м б о л е е ч т о (→ оттого что) оборудование еще не доставлено. (Прим. из /3/).

При обратной трансформации отмеченным получился только один трансформ:

И собаки притихли, о т т о г о ч т о (→ тем более что) никто посторонний не тревожил их покоя. (А.Фадеев).

Примеры неотмеченных трансформов:

Ольга впервые в жизни слушала музыку на рояле, и она запла-

када, о т т о г о ч т о (→ тем более что) жизнь не может быть скучна и обыкновенна. (А.Платонов).

У него были и мать, и отец, только нехорошие, о т т о г о ч т о (→ тем более что) выбросили его на улицу. (Пример из /6/).

Итак, как показывают результаты этого типа трансформаций, дополнительная причина всегда может быть переосмыслена и предстать основной, а основная, непосредственная почти никогда не может быть представлена дополнительной, не главной.

Сюжаны "тем более что" и "благо" оба выражают значение дополнительной причины, но у первого дополнительность — это основной и единственный смысл, вносимый им в предложение, тогда как у второго более существенно значение благоприятности, отодвигающее значение второстепенности на второй план.

Все трансформы, полученные заменой "благо" → "тем более что" являются отмеченными фразами, синонимичными исходным (замечается небольшой семантический сдвиг — упрощение семантики: снимается оценка причины как благоприятной:

Мы постарались собрать побольше дров, б л а г о (→ тем более что) в них здесь не было недостатка. (Арсеньев).

Он не жалел на это ни марок, ни стерлингов, б л а г о (→ тем более что) расплачиваться приходилось не из своего кармана. (Газета "Правда").

При обратной замене результаты более разнообразны. Некоторые трансформы синонимичны исходным фразам (если причина в исходной фразе ощущается благоприятной):

И я стал ходить в Афнскому, т е м б о л е е ч т о (→ благо) в новом здании школы была предусмотрена и небольшая комнатка для сторожа. (М.Исановский).

Иногда синонимии нет, трансформ имеет смысл, которого в исходной фразе нет:

Завершение работ откладывается, т е м б о л е е ч т о (→ благо) оборудование еще не доставлено.

Один трансформ неотмеченный:

Тяжело было слушать, тем более что (→ благо) не верить очевидцам было невозможно.

Анализ причинных союзов проводился нами на уровне лексики и семантики. Грамматические особенности фраз при этом специально не учитывались, поскольку нам не пришлось столкнуться с такой ситуацией, когда вовлечение грамматического аспекта анализа являлось бы необходимым. Можно предположить, что рассмотренные нами семь причинных союзов синтаксически однотипны. Однако проверка этого предположения требует применения другой методики исследования. Проведенное нами исследование позволяет судить именно о семантических отношениях союзов, а не о синтаксических.

В общем случае можно предположить, что если в классе союзов, которые мы считаем однотипными, имеется достаточно большое количество единиц (не один знак), то между ними существуют функциональные различия. Каковы же эти различия в группе причинных союзов?

Различия между причинными союзами лежат в области их сочетаемости со знаменательными сегментами фраз (на смысловом уровне). Ни один причинный союз не может заменять все другие во всех фразах с условием сохранения отмеченности трансформ. Даже основной причинный союз "потому что" не является абсолютно универсальным: в нашем распоряжении есть две фразы с союзом "благо", подстановкой в которые союза "потому что" получены трансформы, которые мы оценили как неотмеченные.

Союзы "так как", "поскольку", "ибо" мы считаем равнозначными, так как они проявили на нашем материале способность заменять друг друга с сохранением тождества трансформ и исходной фразы. Всех их мы считаем квазисинонимами (о понятии квазисинонимии см. /1/), или частичными синонимами союзу "потому что", так как 3 проц. трансформов, полученных в результате подстановки их во фразы с исходным "потому что", оценены нами как неотмеченные. Союз "оттого что" является квазисинонимом этим 4 союзам "общей причины" (см. таблицу).

Наиболее разнообразные результаты дает трансформация вида: "благо" $\approx$ $\mathcal{L}$, где $\mathcal{L}$ - любой другой причинный союз: возможна синонимия, различие и образование неотмеченной фразы. "Благо" - квазисиноним 5 причинным союзам, всем, кроме "оттого что": транс-

формацией "благо" $\Leftrightarrow$ "оттого что" не получено трансформов, синонимичных или тождественных исходным фразам. Союз "тем более что" стоит особняком в этой группе: он квазисиноним только союзу "благо". Взаимозамены союза "тем более что" и остальных 5 союзов ведут к образованию либо трансформов, которые мы считаем неотмеченными, либо таких, отношение которых к исходным фразам считаем различным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ю. Д. Апресян. Синонимия и синонимы. "Вопросы языкознания", 1969, № 4.
2. Ю. Д. Апресян. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. "Наука", М., 1967.
3. Грамматика современного русского литературного языка. Ответ. редактор Н.Ю.Шведова. "Наука", М., 1970.
4. Н. С. Поспелов. О различиях в структуре сложноподчиненного предложения. Сб. "Исследования по синтаксису русского языка", М., 1956.
5. Х. Путнам. Некоторые спорные вопросы теории грамматики. Сб. "Новое в лингвистике", вып.4, М., 1965.
6. А. Устинов. Сложноподчиненное предложение с придаточным причины в современном русском литературном языке. Автореф. канд. дисс., М., 1969.
7. Н. Хомский. Синтаксические структуры. Сб. "Новое в лингвистике", М., 1962, вып.2.
8. С. К. Шаумян. Структурная лингвистика. АН СССР, "Наука", М., 1965.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Чумакаева М.Ч.	Малолетние согласные алтайского языка	3 - 39
2. Бирюкович Р.М.	О звуке "ч" в среднечулымском диалекте	40 - 43
3. Широбокова Н.Н.	Якутский анлаутный д-	44 - 55
4. Болдырев Б.В.	Фонетическая структура суффикса носовенной принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках	56 - 63
5. Бродская Л.М.	Некоторые особенности морфологии чирингдинского говора эвенкийского языка	64 - 72
6. Белимов Э.И.	Функции и значение инфинитива в кетском языке	73 - 80
7. Белимов Э.И.	Терминологические проблемы морфологического анализа инфинитивов в кетском языке	81 - 97
8. Костяков М.М.	Употребление форм прошедшего времени кетского глагола в имперфектном значении	98 - 103
9. Бухарева Н.Т.	Аффиксальные диалектные слова и их характерные особенности в лексико-семантической системе русских говоров Сибири.....	104 - 120
10. Солтан С.Г.	Процесс возникновения узорегионизмов в русских говорах Кыштовского и Северного районов Новосибирской области.....	121 - 127
11. Чикачев А.Г.	Заметки о некоторых особенностях ниже-индигирского русского говора	128 - 134
12. Макеев С.К.	К проблеме соотношения языка и диалекта	135 - 141
13. Черемисина М.И.	Методика исследования окказиональных прилагательных в детской речи	142 - 171

14. Бердник П.М. О понимании термина "согласование" 172 - 175
15. Черемисина Н.В. Градация интонационная и градация
Вельц Р.Я. знаменательная (к проблеме взаимосвязи коммуникативно-синтаксической и конструктивно-синтаксической структур) 176 - 185
16. Симонов М.Д. Опыт статистического анализа распределения местоимения "ОН" в научном и художественном тексте 186 - 202
17. Сахарный Л.В. Деривационный фактор в лексическом значении слова (к соотношению лексического и словообразовательного уровней) 203 - 209
18. Жданович Л.М. Семантические отношения между причинными союзами 210 - 221

Содерж.

МП 14071 Заказ 4158 Тир. 500

Формат бумаги 60 x 84 , 1/16, 14 п.л. цена 94 коп.

г. Новосибирск ППМ ГПНТБ СО АН СССР.

Цена 94 коп.